

**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ**

Коллективная монография

Часть 8

**Издательство
Нижевартовского
государственного
университета
2013**

ББК 63.211
И 91

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного университета

Авторы:

Я.Г.Солодкин (разд. 1, гл. 1), *Н.С.Харина* (разд. 1, гл. 2),
В.В.Митрофанов (разд. 1, гл. 3), *Н.В.Сапожникова* (разд. 1, гл. 4),
И.В.Курьшев (разд. 1, гл. 5), *И.Н.Стась* (разд. 1, гл. 6),
Р.Я.Солодкин, Е.Н.Солодкина (разд. 2, гл. 1), *А.Ю.Конев* (разд. 2, гл. 2),
И.А.Силаева (разд. 2, гл. 3), *А.А.Любимов, А.В.Чичулин* (разд. 2, гл. 4),
Л.В.Алексеева, Ю.В.Феоктистова (разд. 2, гл. 5)

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора *Я.Г.Солодкина*

Рецензент:

доктор исторических наук, доцент кафедры гуманитарных
и естественных дисциплин Южно-Уральского государственного
университета (филиал в г.Нижевартовске) *В.В.Митрофанов*

И 91   **Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории:** Коллективная монография. Ч. 8 / Под общ. ред. Я.Г.Солодкина. — Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гос. ун-та, 2013. — 243 с.

ISBN 978–5–00047–034–3

В очередной части серийного издания по проблемам источниковедения и историографии прошлого Сибири рассматривается широкий круг спорных, недостаточно изученных, а то и вовсе обойденных исследовательским вниманием тем, рассмотрение которых имеет существенное значение для осмысления многих социально-политических, экономических и историко-культурных процессов развития Азиатской России в XVII—XX столетиях.

Для ученых, краеведов, студентов, всех интересующихся историей Сибири того времени.

ББК 63.211

ISBN 978–5–00047–034–3

© Издательство НВГУ, 2013

Раздел I

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
ИСТОРИИ СИБИРИ XVII—XX вв.**

Глава 1

КНИГА ЗАПИСНАЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ТОБОЛЬСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1610-х — СЕРЕДИНЫ 1680-х ГОДОВ

Значительное место в Книге записной (далее — КЗ) — завершённой в 1687 г. самой ранней из дошедших до нас редакций Сибирского летописного свода (далее — СЛС) — принадлежит росписям воевод, письменных голов, дьяков Азиатской России, прежде всего Тобольска, вскоре после основания ставшего «начальнейшим градом» «дальней государевой вотчины», как нередко называли Сибирь с конца XVI в.

Согласно КЗ, первым боярином на тобольском воеводстве — с 24 января 1616 г. до 25 мая 1620 г. — являлся князь И.С.Куракин, сослуживцами которого выступали князь Г.И.Гагарин (умерший «тоя ж зимы», в 1616 г., из-за чего сын этого администратора Даниил не поехал воеводой в Нарым), дьяки И.Булыгин и Б.Губин¹. Заметим, что в последующих редакциях СЛС, кроме наиболее близкой к КЗ Академической (далее — А), а также у С.У.Ремезова, окончание «сидения» И.С.Куракина в сибирской столице приурочено к 21 мая 1620 г. (193, 261, 317, 346)². Указание на Д.Г.Гагарина как «товарища» знатного боярина и дьяка И.Г.Булыгина³ (оказавшегося в Тобольске в 1613/14 г. «в перемене» кравчего князя И.П.Буйносова-Ростовского, см.: 74, 144) ошибочно, из-за скорой смерти Г.И.Гагарина администрацию «первоимянитого града» Сибири без малого 4,5 года возглавляли только И.С.Куракин и И.Г.Булыгин⁴. Судя по КЗ, а также Миллеровскому варианту (далее — М) СЛС (193. Примеч. 100—100), Д.Г.Гагарину, который в Тобольске, как сообщается в «разрядах», был письменным головой⁵, надлежало сменить в Нарыме И.П.Хомякова-Языкова, но последний управлял этим острогом еще несколько лет (145, 146, 193—195, 261, 262, и др.)⁶. Известие же КЗ, повторенное в других разновидностях СЛС, кроме продолжения Абрамовского летописца (98)⁷, о службе в Тобольске Б.Губина ошибочно, в пору, когда сибирским «наместником» являлся И.С.Куракин, Губин числился дьяком Казанского дворца⁸. Поэтому не следует

думать, что с 1617 г. в основанный Д.Д.Чулковым тремя десятилетиями прежде «град» стали посылать двух дьяков⁹. (Такая практика берет начало в 1623 г., когда первым тобольским воеводой сделался боярин князь Ю.Я.Сулешов). Неверно и замечание летописца, что с 1614/15 г. в столице Сибири воеводствовали Г.Ю.Хрипунов и И.Б.Секерин (145), речь должна идти о Томске (см.: 194, 261, 317, 344)¹⁰. Надо полагать, что вместо него Тобольск упомянул переписчик КЗ.

По данным ее создателя, с 10 мая 1620 г. по 25 мая 1623 г. «Сибирским царством» ведали боярин М.М.Годунов, князь И.Ф.Волконский, дьяк И.А.Шевырев, «а голов письменных с ними в двух переменах (этой и предшествующей. — Я.С.) не было» (146)¹¹. Напомним, однако, что согласно КЗ, И.С.Куракин управлял Тобольском до 25 (а не 10) мая 1620 г. (Исследователи, повторяющие сведения ранней редакции СЛС о времени завершения «сидения» в сибирской столице первого боярина и начале воеводства второго, не отмечают, что эти указания не согласуются друг с другом¹²). Кстати, в Головинской редакции (далее — Г) СЛС утверждается, что И.С.Куракин управлял Тобольском до 21 мая — дня, с которого знатного князя сменил М.М.Годунов (194)¹³. В Нарышкинской редакции (далее — Н) свода же «сидение» в этом городе бывшего тюменского воеводы, пожалованного в бояре своим родственником царем Борисом, отнесено к 9 мая 1620 — 21 мая 1623 гг. (261, 318).

С 8 июля 1623 г. (кто возглавлял администрацию Тобольского разряда в течение предыдущих полутора месяцев, заметим, остается непонятным) до 29 мая 1625 г., как узнаем из КЗ, «начальными людьми» «Сибирской земли» являлись боярин князь Ю.Я.Сулешов, Ф.К.Плещеев, дьяки Г.Мартемьянов и Н.Леонтьев, письменные головы Г.К.Зловидов и Н.Н.Беглецов (147; см. также: 195, 262, 319, 347, 371; ср. 75).

В той же редакции свода, составлявшегося в «столнейшем граде» Сибири на протяжении многих десятилетий, «седоками» там, начиная с 29 мая 1625 г.¹⁴, представлены боярин князь Д.Т.Трубецкой, М.А.Вельяминов, дьяки И.Федоров и С.Угодский, письменные головы Б.П.Лупандин и С.В.Чаплин. Боярин, вскоре после освобождения Москвы от поляков и «литвы» претендовавший на трон, по словам летописца, «был в Тобольску один месяц

неполна», до смерти 24 июня¹⁵. С 24 февраля¹⁶ 1626 г. по 22 марта 1628 г., констатируется в КЗ, «большим» тобольским воеводой являлся князь А.А.Хованский; в 1626/27 г. М.А.Вельяминова (вместе с его дворецким М.Бутаковым, «сказавшим» «государево слово» на господина), «взятого» «к Москве», сменил И.В.Волынский Птица¹⁷. С ним в «златоразрядный град» «Сибирской страны» приехали письменные головы Н.Бибиков, П.И.Салманов (в 1627/28 г. посланный управлять Нарымским острогом после смерти его воеводы С.М.Ушакова¹⁸), В.Пеплинский¹⁹ и Г.Челюскин, «а диаки старые»; кроме того, с князем Д.Т.Трубецким в съезжую избу были «присланы» московские подьячие П.И.Бабанин и И.Г.Кастюрин, а в 1627/28 г. татарским головой Тобольска сделался Ф.С.Елагин, который следом «в поход на службу ходил за тарскими изменники за татары за Кочашков (вернее, Кочашком.— Я.С.) с товарищи» (148, 149)²⁰.

С 22 марта 1628 г., как узнаем из рассматриваемой редакции СЛС, главным сибирским администратором являлся князь А.Н.Трубецкой; его сослуживцами названы уже известный нам И.В.Волынский Птица (вскоре умерший²¹; его место занял в 1628/29 г. Г.А.Загряжский), дьяки С.Собакин и Е.Евсеев, письменные головы Л.Д.Башмаков²² и Д.М.Обрезков; тогда же штат съезжей избы пополнился московскими подьячими А.Хрисанфовым (который в 1632/33 г. вместе с тобольским сыном боярским М.Тюхиным вел в Томске сыск о прежнем воеводе князе П.И.Пронском) и Д.Орловым (149, 151)²³.

По свидетельству летописца, с 31 мая²⁴ 1631 г. по 16 мая 1633 г. функции тобольских «начальных людей» выполняли стольник князь Ф.А.Телятевский, Ф.И.Погожий, дьяки Д.Прокопьев и Н.Петров, письменные головы С.Б.Юрьев, Ф.И.Шарапов²⁵ и А.Ю.Мартюхин; татарским головой стал прибывший из Москвы И.И.Внуков (149)²⁶. Юрьев в 1631 г. вместе со «старым», т.е. старшим, подьячим «Ясашного стола» приказной палаты Ф.Ивановым посылался в Мангазею для сыска про «смуту» местных воевод Г.И.Кокорева и А.Ф.Палицына, а Шарапов — за сыном царевича Ишима и, по словам анонимного «слогателя», «не дошед ево (упомянутого потомка Кучума²⁷. — Я.С.) в степе, воротился, и за то ... бит кнутом» в результате сыска 1631/32 г. (150).

С 16 мая²⁸ 1633 г. князя Ф.А.Телятевского «с товарищи» сменили князь А.А.Голицын, Д.А.Замыцкий, дьяки Л.Я.Полуектов и С.М.Копылов, письменные головы Т.С.Владычкин, В.Н.Александров и П.Е.Айгустов-Смышляев, управлявшие «Сибирской землей» до 24 мая 1635 г. (150; ср.: 198). Ровно 4 года — с 24 мая²⁹ 1635 г. по 24 мая 1639 г. — тобольскими «седоками», как читаем в КЗ, служили стольник князь М.М.Темкин-Ростовский, А.В.Волынский, дьяки Д.Пустынников и Г.Е.Протопопов, письменные головы А.А.Волохов и М.В.Сабуровых-Долгих. (Последний в других разновидностях свода и некоторых документах³⁰ называется Сабуровым). Волохов, в 1625—1627 гг. вместе с князем Е.Ф.Мышецким управлявший Мангазеей, как отмечено в КЗ, в 1635/36 г. вел сыск в Томске про воеводу князя Н.И.Егупова-Черкасского (148, 151).

Почти столько же — с 24 мая 1639 по 23 мая 1643 г. — провели в Тобольске князь П.И.Пронский (ранее являвшийся первым «разрядным» воеводой в Томске), Ф.И.Ловчиков, дьяки И.Трофимов и А.А.Галкин, письменные головы А.С.Бунаков и С.У.Баскаков. В КЗ сообщается и о последующем розыске об этих дьяках, тянувшемся 4 года с лишним — с 23 мая 1643 по 1 июля 1647 гг. — и сопровождавшемся пытками, к которым недавних видных администраторов «приводил» подьячий В.Третьяков (151—153)³¹.

23 мая 1643 г. приступили к выполнению своих обязанностей новые тобольские администраторы: князя Г.С.Куракин и М.С.Гагарин Турок, дьяки И.Г.Переносов и Г.Лукин, письменные головы Г.Л.Семичев и А.А.Коковинский, татарский голова П.И.Челищев. Срок пребывания этой воеводской «коллегии» в сибирской столице истек 24 мая 1646 г., но И.Г.Переносов умер там еще 5 июня 1645 г., а Г.С.Куракин по государеву указу покинул Тобольск 15 января следующего года, «не дожидаясь перемены», зимним путем, «досеживал перемену товарищ ево» с дьяками (154, 155; см. также: 200. Примеч. 98—99)³².

Последующие три года — с 24 мая 1646 г. по 25 мая 1649 г. — главным сибирским разрядом ведали боярин И.И.Салтыков, стольник князь И.С.Гагарин Ветчина, дьяки Д.Г.Карпов и Т.Васильев, письменные головы А.Т.Секерин и А.Ф.Загарин. В начале 156 г. (т.е. осенью 1647) после смерти в Мангазее воеводы Я.О.Тухачевского «на ево место» был послан с сыном Андреем, его здесь

и сменившим, А.Т.Секерин, умерший в Мангазее³³ уже через три недели. Подобно своему предшественнику, И.И.Салтыков в соответствии с государевым указом выехал в Москву по зимнему пути «до перемены» в 1648/49 г. и «досеживал» (в ожидании приезда нового «большого» воеводы) князь И.С.Гагарин с дьяками, — читаем в своде рассматриваемой редакции (155—156).

С точностью до дня (25 мая 1649 г. — 17 мая 1652 г.) определено в КЗ и время пребывания в Тобольске стольника В.Б.Шереметева и его «товарища» Т.Д.Лодыгина, дьяков Т.Васильева (место этого приказного из прежней «перемены», отозванного в Москву, 21 декабря 1651 г. занял Г.Р.Углев³⁴) и В.Е.Атарского, ранее несшего службу в Мангазее, письменных голов Г.С.Спешнева и С.Л.Скворцова. В феврале 1652 г., тоже по зимнему пути, В.Б.Шереметев досрочно уехал в Москву, сдав дела Т.Д.Лодыгину (150, 157)³⁵.

Как читаем в КЗ, с 17 мая 1652 г. по 19 августа 1656 г.³⁶ в Тобольске воеводствовали стольник князь В.И.Хилков и Б.Ф.Болтин, помощниками которых выступали дьяки Б.Обобуров (ранее служивший в Мангазее) и Г.Углев (из прежней «перемены»), письменные головы И.Л.Полуектов и Н.И.Елдезин. 26 марта 1654 г. младшим воеводой стал князь И.И.Постный Гагарин, а Б.Ф.Болтин два дня спустя выехал в Москву «по князь Васильеву челобитью Хилкова». Н.И.Елдезин же после «отказа» жителей Тюмени своему воеводе И.Т.Веригину в 1653/54 г. был послан в этот город, но «побыл на воеводстве немногое время ... и по гражданскому челобитью и ему отказано ж»; в следующем году управлять Тюменью отправились М.А.Полуектов, «сродничь» старшего тобольского воеводы, и подьячий с приписью Я.И.Чермной (152, 158, 160). (В М и Н посланный в Тюмень М.А.Полуектов называется письменным головой, см.: 203. Примеч. 89—89; 269, 325)³⁷.

«Товарищами» воеводы стольника князя А.И.Буйносова-Ростовского, служившего в Тобольске с 19 августа 1656 по 5 мая 1659 гг., вначале были находившиеся тут в прежней «перемене» князь И.И.Постный Гагарин, дьяки Б.Обобуров и Г.Углев, письменный голова И.Полуектов. Как узнаем из КЗ, младший воевода умер в городе, названном «реки ради Тоболы», уже в 1655/56 г., Обобуров — в 1656/57, Углев — в следующем; в 1656/57 г. И.Полуектова сменил К.С.Дохтуров, а 18 августа 1658 г. в сибирской столице появился дьяк И.П.Михайлов (159)³⁸.

Более пяти лет — с 9 мая 1659 г. до 15 мая 1664 г.³⁹ — ее администрацию возглавлял боярин князь И.А.Хилков. Его «товарищ» Одинец (Василий) Михайлов сын Беклемишев⁴⁰ скончался в Тобольске 21 февраля 1660 г. и в том же году (до 1 сентября) был заменен Д.С.Яковлевым, который там «постригся и посхимился, и умре во 172 (1663/64. — Я.С.) году». Сослуживцами этих воевод в КЗ представлены дьяки Г.С.Головин и С.В.Румянцев, письменные головы В.С.Головнин (точнее, Головин⁴¹) и Б.И.Марков (160)⁴².

По свидетельству летописца, с 15 мая 1664 г. до 21 мая 1667 г. Тобольским разрядом ведали боярин князь А.А.Голицын, Г.Ф.Бутурлин, дьяки И.Б.Черняев и С.Н.Елчуков (посланный затем в Якутск, где и умер), письменные головы И.А.Сильвестров и служивший еще с князем А.И.Буйносовым-Ростовским К.С.Дохтуров (161, 162, 172)⁴³.

Преемником боярина А.А.Голицына во главе тобольской администрации в течение более двух лет (с 21 мая 1667 до 6 сентября 1669 г.) был стольник П.И.Годунов, вместе с которым управлять «далечайшей вотчиной» российского самодержца поручили князю Ф.Ф.Бельскому, дьякам Г.Г.Жданову и М.О.Посникову. Но в 1667/68 г., как сообщается в КЗ, у П.И.Годунова с Ф.Ф.Бельским и Г.Г.Ждановым произошел «раздор» (кстати, впервые за время существования «старейшины» сибирских городов); «большой» воевода «от государева дела отказал» Бельскому (которого 20 июля 1668 г. отослал в столицу) и Жданову, который был «взят ... к Москве во 177 (1668/69. — Я.С.)-м зимним путем» после приезда оттуда нарочного гонца (163, 164)⁴⁴.

С 6 сентября 1669 г., констатируется в КЗ, П.И.Годунова и М.О.Посникова сменили А.П.Акинфов и И.С.Давыдов (164). (В большинстве других разновидностей свода при этом говорится про следующий день, а в Н поясняется, что новые администраторы вели сыск о «сиденье» П.И.Годунове «в Тоболску» (207. Примеч. 87—88; 208, 273, 328; ср.: 374)).

С 17 мая⁴⁵ 1670 г. до 27 ноября 1672 г.⁴⁶, по сведениям «слогателя» КЗ, «Сибирское царство» находилось в ведении боярина князя И.Б.Репнина, стольника князя И.Ф.Щербатого, дьяков М.Н.Чирикова и Ю.А.Блудова, письменных голов Е.И.Козинского и Л.М.Поскочина. Далее, однако, уточняется, что И.Ф.Щербатый умер

в Тобольске 28 апреля 1672 г., Е.И.Козинский в 1669/70 г. сменил «на Тюмени» умершего воеводу А.М.Беклемишева, а в следующем году стал управлять Сургутом вместо князя Г.Козловского. Как говорится в КЗ, И.Б.Репнин утром 27 ноября 1672 г., выполняя царский указ, «до перемены по зимнему пути отправился в Москву, передав дела верхотурскому воеводе Ф.Г.Большому Хрущеву, который с прежними дьяками ведал Тобольском в течение 3,5 месяцев и 5 дней (164—166)⁴⁷.

Тобольским «держателем» с 13 марта⁴⁸ 1673 г. до 9 марта 1676 г. в КЗ назван боярин П.М.Салтыков, вместе с которым в «столном граде» Сибири несли службу стольник И.Ф.Пушкин, дьяки Ф.П.Протопопов и Г.А.Михайлов, письменные головы И.Г.Ушаков (он умер «на Таре», куда был направлен в 1673/74 г. вместо скончавшегося воеводы Т.Д.Клокачева) и И.Н.Тютчев. Летописец дважды замечает, что третий сын П.М.Салтыкова Петр жил в Тобольске с отцом «с приезде и до отъезду, не съезжаяючи». По словам анонимного книжника, боярин П.М.Салтыков покинул этот город, «не дожидаяся перемены», и «досеживал» И.Ф.Пушкин (позднее управлявший Верхотурьем) с дьяками (166, 168, 169; ср.: 209—211, 213, 217, 274, 275, и др.)⁴⁹.

Подробно говорится в КЗ о составе следующей воеводской «коллегии», которую возглавлял с 9 апреля 1676 г. боярин П.В.Большой Шереметев. Его «товарищ» стольник И.И.Стрешнев приехал в Тобольск 18 мая того же года; из продолжавших там служить дьяков Ф.П.Протопопов умер 13 марта 1677 г.; письменный голова Ф.П.Кох, прибывший в Тобольск в свите старшего воеводы, уже 17 апреля 1676 г. был послан «на Тару» сменить умершего И.Г.Ушакова (о котором уже шла речь); преемником Коха в 1677/78 г. стал «присланный» из Москвы воевода Н.Л.Наумов, но он скончался в том же году, и Тарой начал управлять (до 1678/79 г., когда из столицы туда приехал воевода М.У.Лодыгин) письменный голова И.Л.Талызин из «перемены» нового тобольского воеводы боярина П.В.Меньшого Шереметева. Первым же письменным головой в окружении П.В.Большого Шереметева (по царскому указу выехавшего в Москву 4 марта 1678 г.⁵⁰) был стряпчий Ф.П.Поленов, появившийся в Тобольске вместе с И.И.Стрешневым (уехавшим отсюда в «царствующий град» 1 марта и скончавшимся в Москве в 1678/79 г.); «до приезде боярскова», т.е. следующего главного

воеводы, Тобольском в течение 4 месяцев ведал тюменский воевода М.М.Квашнин (168—170; ср.: 211, 213, 214, 275, 331)⁵¹.

Со 2 мая 1678 г.⁵², как упоминается в КЗ, «начальным градом» Сибири ведали боярин П.В.Меньшой Шереметев, М.М.Глебов, дьяки И.(А.)И.Чистов, П.Ф.Оловейников, письменные головы И.Л.Талызин и Д.Г.Ушаков; старший воевода досрочно покинул Тобольск 18 декабря 1679 г., оставив в съезжей избе М.М.Глебова с дьяками (170, 171)⁵³.

С 6 апреля 1680 г. вместе с прежними дьяками и письменными головами И.Ф.Суворовым и Г.М.Резановым Тобольском управляли стольник А.С.Шейн и М.В.Приклонский (ранее возглавлявший административный аппарат Енисейска); Суворова в 1680/81 г. послали в Томск «полковым воеводою ... на киргиз», а воеводы уехали из сибирской столицы через 1 год 9 месяцев — А.С.Шейн 6 января 1682 г. (следом, 25 марта, этого стольника пожаловали в бояре), М.В.Приклонский — два дня спустя, причем от митрополита Тобольского Павла «во отлучении под анафемою ... за презорство и гордость, и за неистовое ево житие, и блудодеяние, и за непристойные и поносные речи», а по возвращении в Москву «постригся и посхимился», но умер, «не получив прощения и разрешения, во отлучении от архиерея» (166, 171, 172; ср.: 215—217)⁵⁴.

Как рассказывается в первоначальной из дошедших до нас редакций СЛС, 31 декабря 1681 г. в Тобольск вторично приехал боярин А.А.Голицын и «сидел» там со следующего дня до 1 декабря 1683 г., когда, не дождавшись «перемены», отправился в Москву. «Товарищем» А.А.Голицына являлся стольник К.А.Яковлев, который возглавлял «разрядную» администрацию после отъезда старшего воеводы; при них состояли дьяки И.(А.)Чистов (большой) и Ф.А.Злобин (меньшой; потом Злобин, прибывший из столицы на смену П.Ф.Оловейникову, стал «большим» дьяком, а меньшим сделался переведенный из Верхотурья А.Парфенов, по замечанию летописца, тюменец), письменные головы Н.Я.Владыкин и Р.П.Орлов (171; ср.: 220, 277, 333)⁵⁵.

С 11 апреля 1684 г. тобольская воеводская «коллегия», по данным КЗ, включала боярина князя П.С.Прозоровского, стольника князя Б.А.Солнцева-Засекина, «большого» дьяка А.Парфенова и «меньшого» Ф.С.Калинина (приехавший из Москвы, он скончался 16 января 1685 г.), письменных голов стольника В.Б.Плохого и

С.В.Густова. Эти головы «с приезде» П.С.Прозоровского отправились «на приказ» в Нижнюю Ницынскую Красную слободу и на Собскую заставу⁵⁶. «Большой» воевода покинул Тобольск 19 января 1686 г., взяв с собой В.Б.Плохого и С.В.Густова, и «до приезде нового боярина» (чуть более двух месяцев) «зауральский центр» оказался в распоряжении князя Б.А.Солнцева-Засекина и А.Парфенова (176; ср.: 278, 334).

С 24 марта⁵⁷ 1686 г., по указанию летописца, в Тобольске «сидели» боярин А.П.Головин, стольник Б.Д.Глебов, дьяки Г.Ф.Столетов и М.Данилов, письменные головы стольник Г.Ф.Синявин и И.Д.Спешнев. Последний в том же году (т.е. до 1 сентября) был «отпущен на Собскую заставу»⁵⁸, Г.Ф.Синявин же 25 июня 1686 г. отплыл с «войсковым караваном» на Ямышевское озеро, а в 1686/87 г. до приезда нового воеводы А.А.Юрьева управлял Туринском, когда там скончался воевода И.И.Дурново. (А.П.Головин, о чем сказано уже в Г и Н, оставил Тобольск 8 февраля 1690 г., и до приезда туда 27 февраля того же года боярина С.И.Салтыкова во главе местной приказной избы находился, как бывало и впоследствии, тюменский воевода стольник Д.И.Полуектов с дьяками (176, 230, 286, 290, 293, 339; ср.: 223, 224)).

Итак, проанализированные известия КЗ о составе, а порой и функциях тобольской администрации примерно за семь десятилетий — от воеводства князя И.С.Куракина вплоть до начала «сидения» боярина А.П.Головина, кроме нескольких случаев, вполне достоверны, имея, очевидно, документальную основу. Повторенные большей частью в Г, Н и А, эти известия с учетом актовых материалов позволяют рассмотреть немало вопросов эволюции в Сибири XVII в. воеводского управления, в том числе таких, которые пока не могут считаться решенными⁵⁹.

Примечания

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 36. М., 1987. С. 145. В дальнейшем ссылки на это издание КЗ и других редакций СЛС приводятся в тексте главы.

Продолжавшаяся многие десятилетия работа над СЛС, кстати, противоречит высказанному однажды С.В.Бахрушиным мнению, будто в XVII в. историки интересовались только «житием» Ермака (Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 258).

² См. также: Гольденберг Л.А. О первом историке Сибири // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973. С. 223; Дергачева-Скоп Е., Алексеев В. Служебная чертежная книга: Семен Ремезов и сыновья: Текст рукописи Российской национальной библиотеки [Санкт-Петербург]: Комментарии. Тобольск, 2006. С. 22.

³ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 113; Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подг. Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская (далее — ТАД). Новосибирск, 1994. С. 257.

⁴ См., напр.: Книги разрядные, в официальных оных списках (далее — КР). Т. 1. СПб., 1853. Стлб. 545, 663; Русско-монгольские отношения: 1607—1636: Сб. док. М., 1959. С. 45, 69, 77, 86, 89; Корещий В.И., Лукичев М.П., Станиславский А.Л. Документы о национально-освободительной борьбе в России 1612—1613 гг. // Источниковедение отечественной истории: 1989. М., 1989. С. 259, 260; ТАД. С. 172, 173; Обдорский край и Мангазея в XVII веке: Сб. док. (далее — ОКМ). Екатеринбург, 2004. С. 77, 80, 81, 85, 86, 88, 90. Ср.: С. 75. По данным С.Б.Веселовского, И.Г.Бульгин являлся дьяком в Тобольске с июля 1614 г. до 9 декабря 1619 г. (Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 72).

⁵ Дворцовые разряды (далее — ДР). Т. 1. СПб., 1850. Стлб. 195.

⁶ См. также: КР. Т. 1. Стлб. 197, 407, 545, 663. Ср.: Стлб. 81. Князь Д.Г.Гагарин в 1617 г. нес службу в Москве (Там же. Стлб. 413; Разрядная книга 1550—1636 гг. (далее — РК). Т. 2. Вып. 2. М., 1976. С. 298, и др.). Об этом сыне быстро скончавшегося в Тобольске воеводы см.: Петров К.В. Собакинский летописец первой половины XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 7. М., 2003. С. 156.

⁷ Об этом не сказано и в одном раннем памятнике тобольского городского летописания (75).

Заметим, что книгами записными назывались разнообразные приказные документы (см., напр.: Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 24, 294; Прилож. С. 47). По-видимому, это определение производно от выражений «в книгах записаны», «в книги записать» (Там же. С. 46, 312, 353, 473. Ср.: С. 322, 326, 332, 426, 427, 442—444, 518; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. Л., 1986. С. 36, 51, 64, 65, 77, 96, 105; Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 124, 125).

⁸ См.: Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 60, 61, 248; КР. Т. 1. Стлб. 198, 408, 574; РК. Т. 2. Вып. 2. С. 304; ОКМ. С. 85, 86; Осадный список 1618 г. М.; Варшава, 2009. С. 46 (Памятники истории Восточной Европы: Источники XV—XVII вв. Т. 8), и др.

⁹ Таково мнение Г.А.Леонтьевой. См.: Леонтьева Г.А. Организация приказного делопроизводства в Сибири и профессиональная подготовка сибирских подьячих в XVII в. // Развитие культуры сибирской деревни в XVII — начале XX в. Новосибирск, 1986. С. 4.

¹⁰ Ошибочные сведения КЗ повторены в справочнике Е.В.Вершинина. См.: Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 171.

¹¹ Согласно одной разрядной записи, письменные головы отсутствовали и в «перемене» кравчего князя И.П.Буйносова-Ростовского (Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 168). Но в других «разрядах», да и СЛС, сообщается, что в составе этой воеводской «коллегии» находился письменный голова В.Н.Плещеев — сын второго тобольского воеводы (144, 193, 260, 317, 346, 370; ДР. Т. 1. Стлб. 195).

Летописец посчитал нужным сообщить, что вместе с М.М.Годуновым, И.Ф.Волконским и И.А.Шевыревым в Тобольск приехал в дети боярские зять нового дьяка (согласно А, скончавшегося в этом городе) М.О.Байгашин, умерший там 27 июня 1645 г. (146), т.е. четверть века спустя. Данная запись, опущенная в последующих редакциях свода, может свидетельствовать о знакомстве с Байгашиным, вскоре после прибытия в столицу Сибири отправленного «на приказ» в Енисейский острог, создателя летописи, явившейся протографом КЗ.

¹² См.: Вилков О.Н. Некоторые аспекты административной и строительной культуры Тобольска в конце XVI — начале XVIII в.: Препринт. Новосибирск, 1999. С. 5; Коньков Н.Л. Тобольские воеводы конца XVI — начала XVIII века. Б.м., 2001. С. 72, 73, 76; Акулич Е.М., Акулич М.М., Гербер Л.П. Тобольская эпоха Юрия Крижанича. Тюмень, 2006. С. 50. Заметим, что в последней книге говорится о князьях Голицыных как родственниках царской фамилии, а тобольские воеводы князя А.Н.Трубецкой и А.А.Голицын опять-таки безосновательно отнесены к числу ссыльных.

¹³ В М указано: на смену тобольской администрации в мае 1620 г., без обозначения числа месяца (194. Примеч. 37).

¹⁴ В Г в данной связи говорится про 29 июня, в Н — 19 мая (196, 263, 319).

¹⁵ В других разновидностях СЛС кончина знатного князя отнесена к 24 июля (196, 263) или 5 мая (319). Е.Э.Трубецкая датировала кончину боярина, ранее возглавлявшего отряды земского ополчения, то 24 июня, то 24 июля. См.: Сказание о роде князей Трубецких / Изд. княгини Е.Э.Трубецкой. М., 1891. С. 119, 364.

У С.У.Ремезова продолжительность воеводства Д.Т.Трубецкого определяется иначе: 9—24 мая (Дергачева-Скоп Е., Алексеев В. Служебная чертежная книга ... С. 22). Очевидно, тоболяк, который часто объявляется первым сибирским историком, располагал не КЗ (Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. С. 18. Ср.: С. 32; Алексеев В.Н. Читательские интересы тобольского «сына боярского» второй половины XVII в. (К постановке проблемы) // Русская книга в дореволюционной Сибири: Распространение и бытование. Новосибирск, 1986. С. 73; Дергачева-Скоп Е., Алексеев Вл. «Философии разных наук употребляющий ...»: Семен Ремезов — тобольский просветитель XVII века // Тобольск и вся Сибирь: Альманах. № 1. Тобольск, 2004. С. 146), а более поздней разновидностью СЛС. Тем самым конкретизируется вывод Н.А.Дворецкой о том, что «Ремезову известна была летописная работа» сибирской столицы (Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984. С. 119).

¹⁶ В Г и Н говорится про 24 января (196, 263, 319).

¹⁷ Д.Я.Резун в данной связи ошибочно писал об извете, поданном на И.В.Вольского Птицу (Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. Новосибирск, 1982. С. 81). Дьяк С.Угодский

находился в Сибири не в 1625—1627 гг. (Леонтьева Г.А. Организация приказно-делопроизводства ... С. 5), а на год дольше.

¹⁸ См. также: Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г.Ф.Миллера. Екатеринбург, 2006. С. 301. И.П.Каменецкий ошибочно называет П.И.Салманова Сарматовым (Каменецкий И.П. Волнения служилых людей в Кузнецком остроге в 20-х годах XVII в. // Сибирские города XVII — начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 124).

¹⁹ В Г и Н (где о причине замены М.А.Вельяминова И.В.Волынским умалчивается) этот письменный голова называется не Пеплинским (о чем сказано и в книге Е.В.Вершинина), а Теплинским или Теплынским (196, 263, 319). В документах его фамилия пишется в форме «Тепритцкий» («Теприцкой»), см.: КР. Т. 2. СПб., 1855. Стлб. 95, 202; Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.) / Сост. Н.Н.Оглоблин. Ч. 4. М., 1901. С. 150; Оглоблин Н. Остятские князья в XVII веке // Югра. 1997. № 10. С. 20.

О замене С.М.Ушакова П.И.Салмановым сказано и в «разрядах» (КР. Т. 2. Стлб. 95, 98—99, 207).

²⁰ Об этом походе см.: Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 2. М., 2000. С. 417—418; Русская историческая библиотека. Т. 8. СПб., 1884. Стлб. 681; Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в./ Автор вступ. ст., комментарии, сост. М.О.Акишин. Новосибирск, 2000. С. 109, 122, 130.

²¹ И.В.Волынский умер не ранее последних недель 1628 г. См.: Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск, 1996. С. 57.

Согласно одной разрядной записи, И.В.Волынский Птица был «отпущен к Москве» вместе с письменным головой Н.С.Бибиковым (КР. Т. 2. Стлб. 203), сибирские же летописцы единодушно сообщали о смерти этого воеводы в Тобольске (149, 197, 264, 320, 347, 371). Не исключено, что И.В.Волынский умер на пути в столицу либо собираясь туда.

²² В Г и Н он ошибочно представлен письменным головой и «на Таре» (197, 264, 320).

²³ Позднее известие КЗ об этих подьячих было опущено (197, 264).

Согласно ряду документов, А.Н.Грубецкой управлял Тобольском с 23 марта 1628 г., а Г.А.Загряжский сделался там младшим воеводой с 17 мая 1629 г. (Прибыльные дела ... С. 110—113, 117, 127, 348).

²⁴ В Н речь идет о 21 мая (264, 321).

²⁵ Ф.Шарапов в Г и Н именуется Калистратовым, в Томском виде (далее — Т) Н — Елистратовым сыном. Известие КЗ подтверждают тобольский городской летописец и «разряды» (75, 197, 264, 321; КР. Т. 2. Стлб. 362, 689).

²⁶ И.И.Внуков в 1606—1608 гг. занимал должность младшего тобольского воеводы. См.: Солодкин Я.Г. Тобольская администрация в Смутное время: состав, хронология деятельности, сословная принадлежность // Теория и практика государственного и муниципального управления. Вып. 5. Тюмень, 2011. С. 81, 82.

²⁷ О походе, в котором принимал участие Ф.И.Шарапов, см.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 445—446. Известны сыновья Иш Мухаммад султана Аблайгерим и Бука («Бугай») (Нестеров А.Г. Династия Сибирских Шейбанидов // Тюркские народы: Мат-лы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие

народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2002. С. 211). В КЗ, вероятно, подразумевается первый из них. См.: Худяков Ю.С. Борьба за восстановление Сибирского ханства в XVII веке // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Мат-лы междунар. конф. Курган, 2011. С. 107.

²⁸ В Г и Н сказано про 17 мая; в М этой даты нет (198, 265, 321).

²⁹ В Г в данной связи сказано про 15 мая, в остальных редакциях свода, кроме А, — про следующий день (198, 265, 321, 348).

³⁰ См., напр.: Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 279—282.

³¹ Об этом розыске см.: Резун Д.Я. Очерки ... С. 80—81. При редактировании КЗ соответствующие сведения были признаны излишними (199, 266).

³² В Г и Н о П.И.Челищеве и досрочном отъезде Г.С.Куракина из Тобольска умалчивается (200—201, 267, 323).

В КЗ не отмечено, что в 1643 г. после смерти в Тюмени воеводы Я.В.Колтовского Г.Л.Семичев управлял этим городом. См.: Вершинин Е.В. Воеводское управление ... С. 181; ОКМ. С. 115, 116. Ср.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 259.

³³ Эти сведения подтверждаются документально. См., напр.: ОКМ. С. 155, 183.

И.И.Салтыкова собирались послать в Тобольск еще в 1627 г., но тогда выбор пал на князя А.Н.Трубецкого (КР. Т. 2. Стлб. 94—95; Вершинин Е.В. Воеводское управление ... С. 57).

³⁴ В М эта замена датирована 1651/52 г. (202. Примеч. 60), о чем в Г не сказано.

³⁵ В Г и Н об отъезде В.Б.Шереметева из Тобольска, не дожидаясь «перемены», мы не прочтем (201—202, 267, 323).

³⁶ В других разновидностях СЛС, кроме А, указаны иные даты: с 13 августа 1652 г. по 9 мая 1656 г. (причем в обоих случаях разница превышает три месяца), однако в полном соответствии с КЗ начало тобольского «сиденья» стольника А.И.Буйносова-Ростовского приурочено к 19 августа (100, 203, 204, 269, 325, 326, 349). Стало быть, ошибка допущена в Г или ее протографе.

³⁷ В Г о причине отъезда из Тобольска Б.Ф.Болтина и подьячем Я.И.Чермном, в 1648—1649 гг. служившем в Мангазее, не говорится (203). КЗ, кстати, не подтверждает убеждения В.К.Зиборова, будто Б.Ф.Болтина сослали на службу в Тобольск (Зиборов В.К. Болтин Баим (Боим, Обоим, «молитвенное имя» — Сидор) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 1. СПб., 1992. С. 147).

О том, что М.А.Полуктов управлял Тюменью, известно и документально. См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 3. М., 2005. С. 384—385.

³⁸ Согласно Г, И.Постного Гагарина, Б.Обобурова и Г.Углева не стало в течение 1655/56—1656/57 гг., а вторым письменным головой в «перемене» А.И.Буйносова-Ростовского являлся Н.Елдезин; о Дохтурове при этом умалчивается (204). Заметим, что последний являлся письменным головой в Тобольске не в 1664—1667 гг. (Александров В.А. Юрий Крижанич о Сибири (проблема источников) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 42), а раньше.

Судя по КЗ, часто повторяемый вывод С.В.Бахрушина, будто в Тобольск назначали двух воевод, двух дьяков и не менее двух письменных голов (Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 261), нуждается в уточнении.

³⁹ В Т в данной связи почему-то говорится про 29 мая 1659 — 5 мая 1664 г. (326; ср. 270).

⁴⁰ В КЗ, М и А говорится о Василии Михайловиче Одице-Беклемишеве (что повторяют и современные историки, см.: Вершинин Е.В. Воеводское правление ... С. 173; Коньков Н.Л. Тобольские воеводы ... С. 108, 113); в других разновидностях СЛС этот воевода называется Одинцом Беклемишевым (100, 205, 270, 326, 349). Судя по ряду документов, Одицец — это второе имя Беклемишева. См.: Богоявленский С.К. Приказные судьи ... С. 173, 174, 236; Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск, 1996. С. 103; Коньков Н.Л. Тобольские воеводы ... С. 87; Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI—XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М., 2004. С. 101; Осадный список 1618 г. М.; Варшава, 2009. С. 394 (Памятники истории Восточной Европы: источники XV—XVII вв. Т. 8), и др. Ср.: Лихачев Н.П. Разрядные дьяки ... С. 162. Примеч. 7; Рыбалко Н.В. Приказная служба дьяков и подьячих в городах периода царствования Василия Шуйского // Государство и общество в России XV — начала XX века: Сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 289, 290. Неучтенное М.С.Черкасовой известие СЛС заставляет отклонить ее предположение о пострижении О.М.Беклемишева в Троице-Сергиевом монастыре.

⁴¹ См.: Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею имп. Академии наук. Т. 4. СПб., 1851. С. 297, 345; ОКМ. С. 49. В Т в отличие от других разновидностей СЛС названный письменный голова значится не Головниным, а Головкиным (100, 205, 270, 326, 349, 373).

⁴² Соответствующие известия КЗ повторены в М (205. Примеч. 37—42). В Г, в отличие от интересующей нас редакции свода, приезд Д.С.Яковлева в Тобольск отнесен к 1660/61 г., о принятии этим воеводой пострига и схимы не сказано, а вместо дьяка Б.И.Маркова назван К.С.Дохтуров. В Н же преемником последнего опять-таки ошибочно считается Марков (205, 270).

⁴³ В других разновидностях СЛС о Дохтурове как письменном голове при князе А.А.Голицыне и подчас смерти С.Н.Елчукова в Якутске не сообщается (206, 208, 271, 272, 327; ср.: 328).

⁴⁴ В Г и Н отъезд Ф.Бельского и Г.Жданова в Москву приурочен к 1668/69 г. (207, 272, 328).

⁴⁵ Эту дату встречаем и в М, Г (208).

⁴⁶ В Г и Н назван иной срок — по 13 марта 1673 г. (208, 273, 328).

Указание на воеводство боярина И.Б.Репнина в Тобольске в 1670—1673 гг. (Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века: Изд. подг. Е.К.Ромодановская и О.Д.Журавель. Новосибирск, 2001. С. 372—373) неточно. Кстати, в столице «русской» Сибири вместе с ним находились жена и маленький сын (Там же. С. 180—183).

⁴⁷ В Г и Н читаем о смерти князя И.Ф.Щербатого в 1670/71 или следующем году, а Е.И.Козинский называется Козильским (208, 209, 273, 328, 329).

Любопытно сообщение М, что И.Ф.Большому Хрущеву было «велено писать из Тоболска в города к воеводам боярским именем князя Ивана Борисовича Репнина» (208. Примеч. 99—100).

⁴⁸ В Шлецеровской редакции свода говорится про 17 мая (350).

Приведенное определение старшего тобольского воеводы содержится в Сказании о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы (Литературные памятники ... С. 180).

⁴⁹ Согласно М, оставшемуся на тобольском воеводстве И.Ф.Пушкину было «велено писать ... боярским именем» (210. Примеч. 50—51), как ранее, напомним, Ф.Г.Большому Хрущеву после отъезда в Москву И.Б.Репнина.

⁵⁰ Из М известно, что распоряжение выехать в Москву было получено тобольскими воеводами в феврале 1678 г., и уже 3 марта П.В.Большой Шереметев направился в столицу. В Н же утверждается, что этот боярин управлял Тобольском до 2 марта 1678 г. (211—212. Примеч. 67—68; 274, 330).

⁵¹ В М привычно сообщается, что М.М.Квашнину было «велено писать в города к воеводам в отписках боярским именем» (212. Примеч. 67—68).

⁵² Стало быть, М.М.Квашнин управлял Тобольском не 4 месяца, как утверждается в КЗ, а вдвое меньше.

⁵³ По М, боярин П.В.Меньшой Шереметев уехал из Тобольска 27 ноября 1679 г. (214. Примеч. 36—40).

⁵⁴ Согласно М, эти воеводы прибыли в Тобольск 14 апреля 1680 г., а уехали оттуда 5 января 1682 г. (215. Примеч. 50—52).

⁵⁵ В Г и Н вдобавок сказано, что смена тобольских дьяков произошла в 1682/83 г. (217, 219, 277, 333).

Указание, что П.Оловянников служил в Тобольске в 1674—1675 гг. (Леонтьева Г.А. Организация приказного делопроизводства ... С. 10), неточно.

⁵⁶ На Собской заставе письменные головы служили нередко. См., напр.: Первое столетие ... С. 126—128.

⁵⁷ В Н находим иную дату — 28 марта (280, 335).

⁵⁸ Об этом см. также: Обзорение столбцов и книг ... Ч. 1. М., 1895. С. 176.

⁵⁹ См., напр.: Солодкин Я.Г. О функциях тобольских письменных голов в XVII веке // X Зырянские чтения: Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. Курган, 2012. С. 79—81.

Глава 2

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЦЕРКОВНО-КОРПОРАТИВНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ ТОБОЛЬСКОГО АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА В XVII в.

Материальное обеспечение Тобольского архиерейского дома, его доходность определялись поступлениями денежных средств из государственной казны. По способу расходования денежных средств Тобольским архиерейским домом можно выделить три основные статьи: 1) платежи (содержание церковных школ, выдача жалованья служащим и единовременные выплаты лицам, нанятым для исполнения различных работ); покупки (приобретение продуктов питания, закупка стройматериалов и инструментов, хозяйственные приобретения); 3) пожертвования (на сооружение храмов, «праздничных денег» и т.д.)¹.

На содержание владыки и служащих архиерейского дома выделялись деньги из государственной казны. Денежное жалование работников архиерейского дома колебалось в среднем от 1,5 до 4 руб.² Штатный оклад архиерейского дома в основном обеспечивал жалование иерархов и лиц, состоящих у него на службе, на содержание резиденции архиерея и развитие домового хозяйства выделялись незначительные суммы. Чаще всего это было связано со строительством или реконструкцией архиерейского двора. Многие статьи расходов, связанные с обеспечением текущей жизнедеятельности Тобольского архиерейского дома, оставались неучтенными и не были обеспечены государственным финансированием. Эти денежные поступления не давали достаточно средств на функционирование Тобольского архиерейского дома (содержание штата и поддержание в должном виде хозяйственных и жилых строений).

Основным источником пополнения казны Тобольского архиерейского дома с момента создания епархии стали доходы с обширных земельных владений. Церковный историк конца XIX — начала XX в. И.М.Покровский отмечал: «Количество и качество земельных недвижимых имуществ соответствовало важности архиерейского дома»³. Было очевидно, что Русская православная церковь (РПЦ) могла укрепиться в Сибири только при наличии собственного

хозяйства. Историки отмечали, что весь ход формирования церковных и монастырских вотчин, их экономическое состояние находились под сильным контролем государства, который осуществлялся посредством фиска, проведения специальных переписей населения и поселений, приписанных к монастырским вотчинам⁴.

Столь пристальное внимание со стороны государства, по мнению И.Л.Маньковой, было обусловлено не только острой проблемой снабжения продовольствием служилого и крестьянского населения, но и наступлением светской власти на феодальные привилегии церкви и ее земельные владения⁵.

Формирование земельных архиерейских владений началось при архиепископе Киприане и продолжалось при Макарии, Нектарии и последующих владыках. По указу царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета в 1620—1621 гг. Киприану было определено жалованье, где наряду с продуктами животного происхождения (10 пудов масла коровьего, 60 пудов меда, 17 пудов воска, 1 пуд ладана), вином (100 ведер простого вина и 5 ведер церковного) и пряностями (полпуда перца, шафрана фунт, корицы 5 фунтов, гвоздики 5 фунтов, ядер миндальных 5 фунтов, горчицы 2 фунта) учтены запасы растительного происхождения: «70 четей муки ржаной, 120 четей овса и с тем, что лошадям на корм, 60 четей солоду ячного, 40 четей солода ржаного, 20 четей муки пшеничной, 5 четей гороха, 5 четей круп гречневых, 10 четей круп овсяных, 5 четей конопли, осьмина мака, пшена сорочинского — 3 пуда, 5 ведер масла конопляного»⁶. Помимо того, на содержание архиерейского дома выдано «жалование по окладу 500 четей с осьминою ржи и муки, 522 чети с осьминою овса. И с теми, которые с архиереем едят с одного стола, дали ещё 100 четей солода ржаного и ячневового, мёда и вина и иных запасов...». Таким образом, хлебное жалованье составляло 1 236 четей с осьминою⁷.

Первыми пожалованиями, как свидетельствуют данные Сибирского приказа, были не пахотные угодья, а рыбные ловли «да против Тобольского города за рекою Иртышем песок для рыбной ловли..., а дана та рыбная ловля прежнему архиепископу Киприану в 128[1620] году...»⁸. Грамотами от 10 и 13 января 1621 г. была определена ежегодная поставка дров и соли в размере 50 пудов тобольскими крестьянами⁹. В том же году архиепископ Киприан обратился к царю о пожаловании земельных владений и вскоре

получил вотчину на другом берегу Иртыша: «луг на 400 копен и 50 десятин пахотной земли за рекой Курдюмкой»¹⁰.

Как оказалось, эти земли уже принадлежали тобольским служилым людям. Поэтому Киприан снова обратился к царю с просьбой о выделении архиерейскому дому вотчины в других местах, а именно на городской стороне Иртыша большое сенокосное угодье Княжий луг, пахотные земли и покосы по р.Тавда и в устье р.Ницы¹¹. 20 января 1622 г. Киприан получил просимое, и воеводе М.М.Годунову было приказано «отвести архиепископу под Тобольском ещё покоса на 200 десятин на Княжьем лугу и 30 десятин пашни из порожних земель»¹². Эти земли были отведены для Софийского дома, но не вместо просимых 50, а наряду с этими, так что на западном берегу реки Иртыш за рекой Курдюмкой возникла монастырская вотчина, имевшая пашни «не 80 десятин, а четвертные пашни будет по пятьдесят на три чети с третником в поле, а в дву по тому ж» — как о том свидетельствует переписная книга 1625 г.¹³. К этим угодьям царским указом от 15 января 1622 г. даровано было село Абалакское¹⁴.

После этих дарений Киприан начал скупать пашенные земли, граничившие с архиерейской вотчиной. Так, один пашенный крестьянин передал ему свою заимку, «...а после того в той купленной заимке на государеву насажал архиепископ Киприан пашенных крестьян и подмогу тем крестьянам давал на пашенной завод из Софийской казны...». В Комарицкой деревне «впусте лежит четвертей на пятьдесят в поле, а в дву по тому ж, сенные покосы у них по тем же местом. Мельных заводов и рыбных ловель нет»¹⁵. Можно сомневаться по поводу законности сделки купли-продажи, но между юридической теорией и жизнью здесь был огромный разрыв и независимо от деятельности Киприана.

В 1624 г. все вотчины архиерейского дома давали более 2 000 четей хлеба. По имеющимся данным в это время «на архиерейском дворе в житницах хлебных запасов имелось: 39 четей овса, 7 четей с осьминою круп овсяных, 1 осьмина мака, 1 осьмина толкна, четверть с четвериком круп яичных, 3 чети с осьминою гречи. В подгорном большом амбаре: 618 четей ржи, 67 четей ячменя, 209 четей с осьминою овса. В житнице Софийской казённого хлеба: ржи в Тюмени — 61 четверть с полуосминою. В Тобольске — 37 четвертей с получетвериком, ярицы — 18 четвертей

с осьминой, овса — 21 четверть с осьминой. Всего хлеба, ржи, ячменя и овса в три меры в таможенную тобольскую, тюменскую и государеву меру 189 четей»¹⁶.

По переписной книге 1625 г. в архиерейской вотчине насчитывалось пять дворов с семью душами мужского пола¹⁷. Крестьянская запашка этих дворов составляла в целом для первого года — 5,25 четей, для второго — 15,75 четей. Как свидетельствует документ, ко времени переписи подъём перелога для третьего поля не был завершён, он составлял 4,5 чети¹⁸. Это было лишь начало освоения удобной для хлебопашества земли в этом районе — неосвоенными оставались ещё «50 четей в одном поле». Следует говорить, что упоминание в документе «одного поля» позволяет судить о распространении в этом районе трёхпольной системы земледелия.

Другим способом закрепления земель за Тобольским архиерейским домом являлась покупка. П.Н.Буцинский привел данные о покупке Тобольским Знаменским монастырем у крестьянина Рукосцева пашенных земель «между устьем Вагая и государевым пашнями близ Куларовской слободы» и богатого рыбой Куларовского озера. В 1625 г. архиерейский дом приобрел пустую деревню, «что была Ивана Рогозникова» (стрелецкого пятидесятника)¹⁹. Постоянного населения в ней не было, в течение года было освоено под пашню 4,5 чети, а пустой земли оставалось по 10 четей «в одном поле». В 1625 г. в ней было сенных покосов на 50 копен и засеяно «софийской ржи на 4 чети с осьминой»²⁰.

Анализируя данный документ, В.И.Шунков и И.В.Власова пришли к выводу о том, что традиционная фиксация во всех официальных поземельных документах трёх равных по площади полей в действительности не означает ни их равенства, ни обязательно-го наличия правильного трёхпольного севооборота²¹.

Переписная книга 1625 г. наглядно показывает, что столь же своеобразно передавали свои земли архиерейскому дому и представители других категорий населения — от рядового казака до воеводы М.М.Годунова. Тобольские служилые люди, в частности голова конных казаков Гаврила Грозин, сын боярский Богдан Аршинский, казачий атаман Третьяк Юрлов, рядовой стрелец Леонтий Кузнецов, конный казак Исаак Еремеев передали Киприану свои земли близ деревни Матвеевской. Есть в этом списке и представители

духовенства — ключарь Андриан, два участка пашни и покоса вложила сестра архиепископа Киприана Анна Тархова. Вагайское озеро «за помин души» отдал Савва Французенин²². М.М.Годунов сделал вклад в архиерейский дом деревню Матвеевскую, в которой «ржи в ней посеяно две четверти, ярового хлеба две чети с осьминой, у архиепископского крестьянина Максима Иванова»²³. Всего «в ней было посеяно 16 четвертей, в мирскую меру тобольскую», а «в житнице Софийской хранилось 30 четвертей хлеба ржаного, овса 34 четверти, ярицы 10 с осьминою четвертей»²⁴. В результате близ деревни Матвеевской архиерейский дом получил от частных лиц 11 пашен (без крестьян); общая площадь только этих земель втрое превышала государственные пожалования и составила около 167 четей в одном поле (501 четь в трех полях)²⁵.

Любопытно возникновение архиерейской деревни Киселёвской в Сузгуне. В документе упоминается некий Кисель Балин, вложивший в Софийский дом близлежащую деревню, на которую архиепископ посадил крестьян Фёдора и Михаила Еремеевых²⁶. По подсчетам Н.А.Балюк, в 1625 г. в ней было четыре крестьянских двора, засеявших 4,5 чети хлеба в одном поле, а «всего к деревне тянуло пашни и перелога на 100 четей, да сенокосов на 500 копен»²⁷. В 1624 г. частными лицами архиерейскому дому переданы в качестве вклада 4 деревни с проживающими 11 пахотными крестьянами²⁸.

Широкое распространение получила практика приобретения земель посредством обмена их с частными лицами или заклада за просроченные долги. Подтверждение этому можно найти в дзорной книге Софийского дома 1684 г.: «сын боярский Степан Кобылинский променял свою деревню на дубровную в межах с монастырскою деревню, что на горе где учтено пашни 3 десятины и 15 десятин перелога и сенных покосов на 300 копен на другую деревню монастырскую Шангинскую, пашни 1 десятина и перелога 6 десятин, а сенных покосов на 100 копен». Эта сделка была закреплена обеими сторонами «меновыми записями»²⁹. Архиерейский дом произвел обмен с оброчным крестьянином, проживающим в селе Преображенском, «... вместо тое Киселевские пустоши выменил Софейский дом в том же селе Преображенском... пашни пустые и перелогом и лесом поросло 7 десятин в поле а в дву потому ж, сенных покосов 460 копен»³⁰. Не исключено, что

в результате залога за долги архиепископ приобрёл деревню Сузгунскую под Тайменкой. В зависимости от размера задолженности истец определял площадь отторгаемой в его пользу земли. Так, например, по причине задолженности Марфы Рукиной 27 руб. протоиакому Мифеду Трифонову «в вечное владение» Тобольскому архиерейскому дому перешла деревня Рукинская³¹. На западном берегу Иртыша вместе со всеми перечисленными землями Софийский дом владел мельницей на реке Шанталык, здесь же были архиерейская конюшня и скотный двор³².

Таким образом, архиерейская вотчина представляла собой хозяйство с многочисленными амбарами, мельничным оборудованием, сельхозинвентарём, где содержали 20 лошадей и 26 коров, имелись сенные покосы на 30 копен. Мельницы, конюшню и коровник обслуживали 7 человек рабочих людей³³.

Другой комплекс владений архиерейского дома был создан западнее на реке Тавде. «Тавдинская слобода, — писал Г.Ф.Миллер, — основана почти одновременно с Усть-Ницынской, так как в 1630 г. о ней упоминается как о существовавшей до этого, неизвестно было и кем она основана: архиепископом ли Киприаном или его преемником». По мнению П.Н.Буцинского, архиепископу Киприану отведены были «30 десятин пустующей пашни на острове между Тавдой и Тоболом, на займище царя Кучума» по царской грамоте от 20 января 1622 г. У Г.Ф.Миллера и П.Н.Буцинского отсутствует точная дата основания Тавдинской слободы³⁴. На основании источников можно предположить, что вотчина возникла не позднее 1622 г.³⁵

По переписной книге 1625 г., составленной Карпом Павлуцким, в Тавдинской архиерейской вотчине было зафиксировано 18 крестьянских дворов и четверо крестьян, ещё не обзаведшихся дворами. Их совместная запашка составляла «17 десятин средней земли в одном поле, а пустующие резервы пашни определялись в 18 десятин в поле». Кроме того, крестьяне владели сенокосами на 605 копен³⁶.

Третий крупный комплекс архиерейских владений создавался близ впадения реки Ницы в Туру. Его организацию В.И.Шунков, на основе столбцов Сибирского приказа, относит к 1628 г.³⁷

Л.М.Русакова и Л.П.Шорохов, опираясь на мнение П.Н.Буцинского, связывают формирование этой вотчины с деятельностью архиепископа Киприана и датируют 1621 г.³⁸

В переписной книге 1625 г. тобольского сына боярского Бориса Толбузина эта вотчина названа Усть-Ницынской слободой. Киприан присмотрел эти удобные земли «на 100 десятин (200 четей) пашни и 400 копен сена» во время поездки из Москвы в Тобольск и посадил на них восемь сопровождавших его крестьянских семей. Позднее он закрепил это владение, опираясь на царскую грамоту от 20 января 1622 г. в связи с компенсацией за занятые земли под Тобольском. Вскоре владыка вновь обратился к государю с просьбой о разрешении увеличить данные владения. Просьба была удовлетворена: царской грамотой от 22 января 1624 г. тобольским воеводам князю М.Б.Долгорукому и Ю.А.Редрикову «повелевалось отвести Софийскому дому дополнительно к 200 десятинам еще 400 десятин пахотной земли»³⁹. Описывая эти земли осенью 1625 г., Б.Толбузин констатировал, что они состоят из двух значительных государственных отводов и небольшого частного вклада — тюменского посадского человека Сидора Иванова (17 дес. пашни, 13 дес. пустоши и угодья). О двух отводах земли говорилось и в наказе, данном Б.Толбузину тюменскими воеводами⁴⁰. В соответствии с наказом сначала были переписаны прежние земли Софийского дома «первого отводу, что отводил по государеву цареву указу сын боярский Неудача Степанов», а затем — новые, отведенные писцом сыном боярским Иваном Тегутевым 30 октября 1624 г.⁴¹

Приведенные факты позволяют утверждать, что при первом владыке Киприане за архиерейским домом сосредоточились значительные земельные владения. Киприаном при архиерейском доме были сформированы три крупных земельных владения: Тобольские вотчины Софийского дома, Тавдинская вотчина и Усть-Ницынская. Следовательно, Тобольский архиерейский дом обеспечивался пригодной для пашни землей и угодьями и значительным запасом земельных резервов в расчёте на будущую колонизацию. Кроме того, архиепископ оставил своему преемнику Макарию 68 крестьян, помимо дворовых людей, 133 кабальные записи⁴². По подсчетам П.Н.Буцинского, его преемники взыскали по ним 1 405 руб. и 211 четвертей ржаного хлеба⁴³. На наш взгляд, к этому времени, в связи со Смутой, фактически прекратились поставки хлеба из Европейской части России, в первую очередь из Поморья.

При втором архиепископе Макарии источниками не отмечено увеличения земельных владений, появилась только одна деревня — на старой «Сибири», с одним крестьянским двором. Вышеупомянутые четыре деревни, основанные Киприаном, оказались заброшенными, крестьяне разбрелись⁴⁴. Следует отметить, что при Макарии произошло увеличение работных людей в архиерейских вотчинах. В Тавдинской слободе прибавилось два крестьянина, в Усть-Ницынской — 32. В дом Софии Премудрости Божьей были приобретены оброчные крестьяне: в Тюмени — 16 человек, в Тобольске — 17 человек и заложились 14 посадских людей (в Туринске — 6 и в Тобольске — 8)⁴⁵. Всего при Макарии в архиерейском доме числилось 91 пашенный крестьянин, 33 оброчных, а также 14 закладчиков из посадских людей, 14 дворовых старцев, 13 детей боярских, 7 певчих дяков, 10 подьяков, 2 поваренных и «всяких деловых людей 70 человек»⁴⁶. На архиерейском дворе в житницах «...по перемеру хлебных запасов: две тысячи триста семьдесят три чети с осьминою ржи, тысяча пятьсот девять четей овса, сто тридцать четвертей ячменя, двадцать три четверти с полуосминой пшеницы, восемьсот девять четвертей без полуосьмины ржаной муки, четырнадцать четвертей с осьминою муки пшеничной, сто сорок пять четвертей солода ячного и ржаного, сорок девять четвертей ядриц толоконных, двенадцать четвертей с осьминою круп ячных, четверть с осьминою конопли, четверть без полуосьмины гороха серого и четверть чёрного...». Кроме того, хранились соль, масло коровье, конопляное и ореховое, мед, вино, лимоны, воск и т.д. На Шанталытской мельнице имелось «семьдесят восемь с осминой муки ржаной. Шездесят чети солоду ржаново. Сорок четыре чети солоду яшновомолотого...»⁴⁷. На наш взгляд, увеличение числа работных людей, занятых на пахотных угодьях, способствовало повышению валовых сборов и урожайности зерновых культур.

По переписной книге 1636 г. во владении Тобольского архиерейского дома находились деревня Киселевская с двумя крестьянами, которые «...денежного годового оброку в Софейскую казну не платят, а за то делают в Софейском дому всякие дворовые изделия...», «деревня вверх по Иртышу на речке Бобровке»⁴⁸, в Тюменском уезде Ницынская архиерейская вотчина, а в ней хлебных запасов девятьсот семьдесят восемь чети ржи. Триста семьдесят две чети с осминою овса. Шестьсот тридцать три чети ячмени. Сто

шестнадцать чети с осминою ярицы. Шест чети с осминою пшеницы. Четь с осминою гороху. А стоячево немолоченного хлеба никакова нет. А лошадей и коров, и всякого скота архиепископля в слободе и по деревням крестьяне не сказали ж... в роздаче в кабаках ярового хлеба... сто тринацать чети овса. Пятдесят пять четей с осминою ячмени...»⁴⁹. В Усть-Ницынской вотчине насчитывалось 47 крестьян (перепись). В Тавдинской слободе крестьян проживало 24 человека⁵⁰ и «...в житницах архиепископливых хлебных запасов по перемеру: сто семь чети ржи. Сто четыре чети с осминою ячмени. Шестнадцать чети овса. Шестнадцать чети ярицы. Четь пшеницы, в казенную меру подгрребло...»⁵¹.

Следующие владыки Нектарий и Герасим, по мнению П.Н.Бущинского, «отличались необыкновенной страстью к стяжанию, доходящей до алчности». Прибыв в Тобольск, Нектарий выяснил, что крестьяне четырех архиерейских деревень «разбрелись неизвестно куда», и принял меры к поимке беглецов и возврату их на прежние места⁵². Из переписных книг видно, что в 1636 г. с одной Ницынской слободы привезено в Тобольск «в архиерейские житницы разного хлеба 4 535 пудов»⁵³. При Нектарии правительство, по-видимому, учитывая успехи в хозяйственной деятельности Тобольского архиерейского дома, уменьшило жалованье до половины: вместо 609 руб. 65 коп. теперь оно составляло 321 руб. 65 коп. В 1638 г. прислан указ тобольскому воеводе, чтобы со следующего года давать архиерейскому дому деньгами вместо хлебного жалованья, а с 1642 г. совсем прекратить хлебную ругу⁵⁴. Нектарий обратился к царю с двумя прошениями. В одном из них он, в частности, жаловался на отсутствие пашенных крестьян в вотчине, что в старой переписи «пашенные крестьяне писаны вдвое, или с детьми, а дети малы и не пашут, с Ницынской и Тавдинской слобод идет хлеб не великий, а оброчные дают в софийскую казну только по 50 копеек в год»⁵⁵. В другом прошении Нектарий писал: «Ныне (1639 г.), государь, мне, богомольцу твоему, и софийским соборянам и дворовым людям дают за твое государево жалованье за хлеб деньгами — за четверть ржи по полтине, а на торгу, государь, твою казенную четверть (4 меры) покупают по 1 руб. 25 коп. и против, государь, торговой цены дают менее половины; между тем софийские соборяне и дворовые люди постоянно жалуются ему, что они, покупая хлеб дорогою ценою, в конец погибли и

одолжали великими долгами». Поэтому Тобольский владыка просил царя о возвращении Тобольскому архиерейскому дому хлебной руги: «государь, смилуйся, пожалуй, чтоб от хлебной скудости нам, нищим твоим богомольцам, в конец не погибнуть и врозь не разбрестись и твое царское богомолье без службы не было б». Царь удовлетворил просьбу архиепископа выдавать хлебную ругу, но только до 1642 г.⁵⁶

П.Н.Буцинский объяснял эти прошения, считая их слезными мольбами, личностной характеристикой владыки. Хотя правильной полагать, на наш взгляд, что урожайность пахотных угодий в те годы была довольно низкой при больших трудовых затратах. Следует согласиться с мнением П.Н.Буцинского, что в 1639 г. из-за неурожая в Сибири хлеб значительно поднялся в цене, и воеводы, выдавая архиерейскому дому хлебную ругу деньгами, обсчитывали ружников в свою пользу (вместо 1 руб. 25 коп. давали за четверть только 50 коп.). Воеводам было указано «давать деньгами по прямой сибирской торговой цене, какую ценою, в котором году учтут хлеб на торгу покупать». Однако в закромах Софийского дома имелись достаточные запасы, остатки от ежегодных приходов. В этом же 1639 г. архиепископ Нектарий сам дал в долг правительству 2000 четей хлеба⁵⁷.

По переписи 1640 г. за Тобольским архиерейским домом числилось крестьян в деревнях: Комарицкой, Матвеевской, Киселевской и Безсоновской — 58 человек, в Ницынской слободе — 182, в Тавдинской — 79, и бобылей в Тобольске, Тюмени, Туринске и Верхотурье — 111 человек. Общее количество крестьян насчитывало 430 человек, тогда как Нектарий унаследовал от Макария только 138 (увеличение в 3 раза). Кроме того, архиепископу Герасиму он оставил «разного хлеба 18 125 пудов, ссудных и заемных кабал и памятей 756, денег по этим кабалам 1 906 руб. 26 коп. и хлеба 11 323 пуда, 61 лошадь, массу рогатого скота и всяких съестных припасов и питий»⁵⁸. Государство, в свою очередь, щедро наделяло землей Тобольский архиерейский дом, полагая, что это позволит в будущем значительно сократить прямые расходы казны на ругу и прочие затраты по обеспечению всем необходимым.

Таким образом, Нектарию удалось за время своего правления не только сохранить вотчины Тобольского архиерейского дома, но и увеличить разными путями число архиерейских крестьян в 3 раза.

С начала пребывания на архиерейской кафедре Герасим старался сохранить число архиерейских крестьян. В 1639 г. пожаловались туринские посадские и пашенные крестьяне — закладчики на архиерейский дом по поводу несения повинностей: «что в Туринском остроге и в Туринском уезде живут на государевой земле архиепископские закладчики — 6 человек с женами и детьми; пашут на себя пашню, косят сено, а государевых людей теснят и со своих дворов и пашен денежного оброку и выдельного хлеба в государеву казну не платят». Крестьяне требовали их перевода из разряда архиерейских в государственные. В жалобе, между прочим, было сказано: «...се ныне стало невозможным жить за архиепископом, притеснения и налоги великие как от самого архиепископа, так и его дворовых людей: детей наших берут насильно к себе во двор, дочерей наших насильно выдают замуж за своих пашенных крестьян, а за твоих государевых людей отдавать не велят, накладывают на нас, сирот, налоги не в меру, заставляют насильно пахать свои пашни, архиепископ торговать не велит и из Тобольска не пускает, а мы люди торговые, а не пашенные.., и от этих притеснений, государь, один из нашей братии сбежал, бросив жену и детей, другой, Михалко огородник, от его мученья удавился, а одного закладчика жена удавилась от его же архиепископского мученья...». Светским властям удалось «закрепить» туринских посадских и пашенных крестьян за собой. Указом 1641 г. предписывалось отписать этих закладчиков на государя. Представляет интерес реакция на этот факт тобольских крестьян. Узнав о таком решении, они в свою очередь пожаловались на 14 софийских закладчиков, живших в Тобольске, : «торгуют в своих лавках и на площади, промышляют всякими промыслами, а с ними, посадскими людьми, никаких государевых служб не служат и оброку в казну не платят». В результате последовал указ, по которому 14 софийских закладчиков были записаны в число государственных: «..велено взять тех закладчиков в посад и быть им за государем и вместе с посадскими людьми платить казенные подати и служить всякие службы». То есть архиерейский дом за 1639—1641 гг. лишился 20 закладчиков. Тогда архиепископ Герасим направил царю две челобитные: в одной жаловался на оскудение архиерейского двора в рабочей силе («ему и его дворовым людям заводить свои пашни некому и нечем, так как у него взято

в Тобольске 14 человек и в Туринске 6 человек»), а во второй просил возвратить отобранных закладчиков в архиерейский дом: «чтоб софийская домовая пашня не залегла, дом Софии Премудрости Божьей не оскудел и чтобы дворовые люди от голода не разбрелись врозь». На эти челобитные царь указал в 1642 г. выдавать архиерейскому дому еще в течение трёх лет хлебную ругу⁵⁹.

Подобный случай имел место и в 1649 г., когда против монастырских закладчиков выступило тобольское посадское население. Староста К. Мурашкин писал, что «закладчики Тобольского Знаменского монастыря торгуют мясом и рыбой в городских лавках, промышляют», и просил «учинить в одном оброчном окладе с посадскими людьми». На что последовал указ, где говорилось: «старинным московским крестьянам, кто разными промыслами промышляет, и всякие службы нести с посадскими людьми по очереди, а пришлых людей, заложившихся за монастырь, взять в посад»⁶⁰. В данном случае государство впервые, на наш взгляд, отказало Тобольскому архиерейскому дому в поддержке его прошений, закрепив за собой архиерейских закладчиков.

Новое столкновение архиепископа Герасима с царской властью возникло по поводу создания новой архиерейской вотчины. Если при Киприане земельные владения архиерейского дома приобретались в результате царских пожалований и вкладов частных лиц, то Герасим фактически действовал «самозахватом». Захватный способ, как вид формирования архиерейских вотчин, получил в дальнейшем наибольшее распространение по сравнению с пожалованиями и вкладами частных лиц. В 1641 г. Тюменский женский монастырь передал в архиерейский дом земли в размере 500 копен сенных покосов в низовьях реки Туры (десятина = 10 копен). Но царь отказался утвердить права на нее. В ответ тобольский владыка не подчинился указу царя и самовольно построил на этой земле храм во имя Покрова и поселил там 20 крестьянских семей. Так возникла новая вотчина Тобольского архиерейского дома⁶¹.

Однако, пытаясь ограничить рост церковного землевладения в Сибири, царь Михаил Федорович в 1643 и 1644 гг. указал, «чтобы никто никаких земель архиепископу не давал и архиепископ их не захватывал». Герасим, несмотря на царское распоряжение, попытался закрепить за архиерейским домом новоприобретенную вотчину. В 1644 г. митрополит «бил челом пожаловать к Покровскому

селу земли и сенные покосы которые лежат вниз по Тоболу, по речке Усалке и Иске по обе стороны». Царь был вынужден согласиться, но в декабре 1644 г. предписал воеводам: «чтобы впредь в софийский дом и в сибирские монастыри ни русские, ни татары, ни остяки никаких земель, сенных покосов и угодий не давали, а какие земли, после этого указа, найдутся за сибирским архиепископом или за сибирскими монастырями городов тобольского разряда, то отбирать на государя бесповоротно и безденежно, и чтобы тобольский воевода и другие воеводы смотрели за этим крепко-накрепко» (подобные указы издавались в 1645, 1648, 1662, 1678 и 1698 гг.)⁶².

Архиепископу Герасиму удалось расширить земельные владения вотчины по реке Усть-Ница. Владыка обратился с жалобой к новому царю Алексею Михайловичу на то, что «земля Усть-Ницынской слободы выпахалась, а смежная с нею земля за рекой Мостовою около 300 десятин пустая и в дачах ни за кем не была», и просьбой получить эту землю. Просьба архиепископа была удовлетворена. В Покровской слободе в 1651 г. насчитывалось 40 крестьянских дворов со 111 жителями и 12 бобылями (всего 123 человека)⁶³.

Оценивая хозяйственную деятельность Герасима, следует признать, что при нем были расширены старые земельные владения и приобретены новые. Тобольский архиерейский дом к концу правления Герасима стал показательным фактором в истории заселения Западной Сибири.

Анонимный церковный автор характеризовал преемника Герасима Симеона как «ревнителя церковного благочиния и устроителя новых церквей и монастырей»⁶⁴. Владыкой были основаны Иоанно-Введенский Междугорный мужской, Кондинский Свято-Троицкий мужской, Туруханский Троицкий, Алексеевский мужской в Томске и другие монастыри. Как указывал Л.П.Шорохов, монастыри развернули в Сибири широкую колонизационно-хозяйственную деятельность. Главным направлением было приобретение неосвоенных земель и руководство хозяйственным освоением, заселением приобретаемых вотчин⁶⁵.

Историком Н.А.Балюк в фонде Сибирского приказа были обнаружены выписки из судебных приходных книг за 1653—1654 гг., в которых содержатся сведения об условиях найма в монастырские

вотчины. В качестве ссуды «поступающим в найм полагалось по 2 кобылы, двухгодовую нетель и жеребенок нынешний». По окончании найма работникам полагался каждый пятый сноп от выращенного урожая. В случае падежа лошади в процессе работы монастырь обязан был по условиям найма дать «иную кобылу из монастырских, чтоб в пашни не отстать»⁶⁶.

В результате деятельности архиепископа Симеона владения архиерейского дома достигали: «перелогу и выгонных земель 4 456 десятин с четью, сенных покосов по лугам 546 десятин с четью, да сенных покосов в разных местах на 24 670 копен». При нем была проведена опись хлебных запасов в трех архиерейских вотчинах. В Тавдинской слободе «острог, а в нем четыре амбара с хлебными запасами по перемеру 85 четвертей с осьминою ржи, 25 четвертей овса, 35 четвертей ячмени, 8 четвертей пшеницы, четь с осьминою ярицы, четь без полуосьмины гороху. И всего в Тавдинской слободе различных хлебных запасов 156 четвертей без полуосьмины в архиерейскую казенную осьмину»⁶⁷. В Покровской слободе находились два амбара «...в них хлебных запасов 183 четверти с осьминою ржи, 126 овса, 64 четверти с осьминою ячмени, 39 четвертей пшеницы, две чети с осьминою ярицы. Всего разных хлебных запасов 415 четвертей с осьминою»⁶⁸. В Усть-Ницынской было учтено 5 амбаров, в них «запасов хлебных 796 четвертей с осьминою с четвериком ржи, 338 четвертей с осьминою и с четвериком ячмени, 740 четвертей с четвериком овса, 45 четвертей без получетверика пшеницы, 9 четвертей с полуосьминою гороху, 5 четвертей с полуосьминою и с четвериком семени конопляного». Во всех трех слободах согласно описи хлебных запасов хранилось «1 935 четвертей без получетверика в казенную архиепископскую осьмину»⁶⁹. Кроме того, в Тавдинской слободе упомянуты два невода «да пятьдесят сажень неводных»⁷⁰.

Данные описи позволяют заключить, что наиболее крупной вотчиной при архиепископе Симеоне являлась Усть-Ницынская слобода, содержащая в своих хранилищах большую часть продовольствия и запасов.

Первый митрополит сибирский и тобольский Корнилий (1664—1678 гг.) продолжил политику своих предшественников Герасима и Симеона. Архиерейские служители насильно завладели прилегающими к Тобольску вотчинами и рыбными ловлями татар.

Тюменские служилые и ясачные татары, владевшие землями по р.Тобол, жаловались на то, что архиерейский дом отобрал у них земли: «..владели де они в Тобольске вотчинами, рыбными ловлями исстари; во 174 (1666 г.) году Корнилий митрополит вотчины, рыбные ловли у них отнял, да у иных де их братьев иноземцев земли и уголья многие в разных местах взяты, отданы ему же Корнилию митрополиту». При этом тобольские татары рассказывали, что «приезжали к ним софийский сын боярский Яков Бязов с товарищами на реке Тобол (устье Баганки) на Астанино городище, и что татар они с тех старинных вотчин и с пашен ссылали и у юрт их насильственно двери высекали и сено отнимали». В результате этих захватов митрополита была создана Подгородная вотчина архиерейского дома. Царь вынужден был согласиться с самовольными действиями владыки, но приказал переписать все пожалования Тобольского архиерейского дома, в переписи «надлежало оговорить, сколько дворов, где именно значилось по переписным книгам 1659 года, сколько, с каких угодий бывает в год: хлеба, соли и иных запасов, а также денег; как велик расход на необходимые надобности»⁷¹.

Однако была предпринята попытка ограничить притязания Тобольского архиерейского дома на земли местного населения, предписывалось «всех излишних людей против переписных книг 1659 года, а также все прибыли к монастырям после того земли от них отнять и обратить к прежнему назначению». В 1678 и 1698 гг. сибирским воеводам были направлены царские грамоты, где указывалось, что «...в Тобольске в Софийский дом и во всех Сибирских городах в монастыри служилым людям и никаким людям и татарам и остякам никаких земель и сенных покосов, и никаких угодий во вклад давать и продавать не велено, чтобы сибирский архиепископ и в Сибирских городах, в монастырях архимандриты и игумены и строители с братьею никакими вещами без нашего великого государя указу не владели, будет которые люди в Сибири впредь учтут деревни свои и заимки, землю и сенные покосы и уголья отдавать в Софийский дом архиепископам или в монастыри в вклад давать или закладывать и те деревни, и земли, и сенные уголья у Софийского дома у архиепископов и из-за монастырей изымати на нас, великого государя, бесповоротно и учинить заказ крепкий...»⁷².

Ограничение правительством роста церковных вотчин в Сибири, по мнению ряда исследователей, было обусловлено тем, что в конце XVI — середине XVII вв. оно взяло курс на сдерживание церковного землевладения в масштабах всей страны⁷³. Вторым важным обстоятельством, по утверждению Л.П.Шорохова, являлось ограничение роста частного землевладения в Сибири. Сибирь с первых дней вхождения в состав Русского государства становится предметом эксплуатации. Московское правительство объявило себя здесь единственным сувереном и собственником земли. На рост вотчин церковных феодалов сквозь пальцы смотрели только в том случае, когда интересы государства и церкви совпадали. Было понижено жалование Сибирскому митрополиту до 517 руб. 27 алтын деньгами⁷⁴.

Тобольский архиерейский дом был вынужден соглашаться с ограничительной политикой светской власти. В 1667 г. крестьяне Усть-Ницынской слободы учинили бунт, о котором сообщалось в грамоте архиепископа Корнилия, опубликованной Н.Н.Покровским. В грамоте говорилось: «в прошлом во 175-м году при боярине и воеводах при князе Алексее Андреевиче Голицыне с товарищи бил челом вам великим государям, Корнилий, архиепископ Сибирский и Тобольский, на Софейских и на своих архиепископлих Усть-Ницынские слободы на всех крестьян, что ему, архиепископу учинились непослушны и збунтовали и во всем ему отказали и написали меж себя отказную память». По справедливому мнению Н.Н.Покровского, данный инцидент показал, что церковной администрации, казалось бы, полностью контролирующей архиерейские вотчины, приходилось прибегать к помощи государства для наведения порядка⁷⁵.

Наиболее полные и обстоятельные статистические данные о земельных владениях Тобольского архиерейского дома относятся ко времени правления митрополита Павла I (1678—1692 гг.). М.М.Громыко дала анализ выписки из писцовых книг 1683—1684 гг., представленной Тобольским архиерейским домом в ответ на запрос Г.Ф.Миллера. По подсчетам М.М.Громыко, в пяти его вотчинах уже в 80-х гг. XVII в. насчитывалось 1 337 десятин пашенной земли и значительное количество лугов 38 518 копен⁷⁶.

По подсчетам Л.П.Шорохова к концу XVII в. Тобольский архиерейский дом являлся крупным земельным собственником Сибири.

За ним числилось 3 слободы (Покровская, Тавдинская и Усть-Ницынская), 3 села (Преображенское, Ивановское и Воскресенское с 8 деревнями) и 22 деревни⁷⁷.

По переписным книгам 191 (1683) и 192 (1684) гг. Льва Поскочина в селе Преображенском числилось «под пашню земли 82 десятины в поле о двух потому же, сенных покосов на 3 160 копен, пустых пашен на 1 176 десятин в поле о двух потому же, хмелевых 1 десятина и 1 Абалацкое озеро»⁷⁸. В Дозорной книге 1684 г. находим упоминание о занятии огородничеством в архиерейской вотчине: «земля та дана преосвященному Макарию архиепископу сибирскому и тобольскому да в тех же местах был ево архиепископль огород»⁷⁹. Динамичнее всего развивалась Усть-Ницынская вотчина, прочно занимающая ведущее место в земледельческом хозяйстве архиерейского дома. Тавдинская слобода, несмотря на то что почва в ней малопригодна для выращивания хлеба, развивалась и заселялась благодаря богатым рыбным угодьям. Менее устойчиво было крестьянское хозяйство вотчинного комплекса Тобольского уезда.

К Тобольскому архиерейскому дому были приписаны два монастыря: Тобольский Знаменский монастырь и Иваново-Введенский Междугорный, что можно считать одним из способов увеличения кафедральных владений⁸⁰. Их земельные владения формально входили в общий земельный фонд Тобольского архиерейского дома, но находились на особом положении, нежели земли, присоединенные непосредственно.

Первое упоминание о Тобольском Знаменском монастыре относится к 1596 г. (по другим сведениям к 1595 г.). В 1610 г. монастырь был перенесен за городские ворота и назван Успенским⁸¹. В 1620 г. произошло новое перемещение при архиепископе Киприане и переименование его в честь Знамения. В 1683 г. в монастыре был заложен большой соборный храм Спаса-Преображения, возведение закончили только в 1691 г. По своему замыслу собор был близок к Софийскому кафедральному⁸².

Н.Н.Покровским были опубликованы документы XVII в., содержащие сведения о формировании землевладения Тобольского Знаменского монастыря, где в царской грамоте от 6 июля 1624 г. сказано, что причинами переноса монастыря на новое место послужили отсутствие теплого храма и условия проживания

монашествующих: «...А в монастыре стригутца все служивые люди, увечные, раненые и которые очми обнищали, за убожество иные и безо вkladу стриглись... И братья де вся убогая, з безводья и без дров всякую нужу терпят, летнею порою, когда не лучитца лошади скудности ради в монастыре, и все навозною воду пьют из лужь, а зимнею порою снег тают. А дрова де возят ис подгорья... И они, де наши богомольцы, для своей нужи, поговоря з братьею и со вкладчики, чтоб храм воздвигнути теплой и трапезу и монастырь устроить у воды для покою братцково...»⁸³. Предполагалось, что должны были одновременно функционировать оба монастыря — Успенский на горе и Знаменский под горой, под руководством одного архимандрита Тарасия «...в Успенском де монастыре оставили попа, да дьячка, да пономаря для церковной службы... А в новозиждующей обители Пречистые Богородицы Знамения архимандрит, да черный поп, да дьякон и вся братья... и приказали архимандриту и потом, чтоб у нашего богомолья служба и вперед была в обеих монастырях, у Успения и у Знамения Пречистой Богородицы...»⁸⁴.

В 1612 г. ему была дарована первая заимка — «пустое займище по реке Вагаю по обе стороны и вверх по Вагаю и со сторонами речками, которые пали в Вагай, да Бегишевы горы с Бегишевым озером и с островом и речкой Листвяннкой»⁸⁵. В том же году «били челом боярам и всей земли с первоначалья строитель с братию и того монастыря вкладчики Тобольского города и иных сибирских городов, которые служили под Москвою и всякую нужду терпели со князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким, — тобольского города атамана Дурыня с товарищи, чтобы их бояры пожаловали для них старости за их службы и раны..., а на прокормление били челом о пустом займище, о реке Вагай по обе стороны и со всеми угоды и с озером и о Бегишевых горах и озером и с санными покосами и с островом»⁸⁶. Следовательно, монастырь к полученной заимке приобрел дополнительные земли по р.Вагаю.

А.И.Сулоцким не позднее 1859 г. была обнаружена царская грамота, в которой указывалось, что в 1616 г. игумен Дионис хлопотал у царя жалованную грамоту на бывшие пашни Кучума по Тоболу и Гавде. 20 января 1622 г. приобретения были закреплены царской грамотой⁸⁷.

В дозорной книге 129 [1621] г. боярского сына Максима Трубча-нинова и подьячего Степана Полутова за Тобольским Знаменским

монастырем числилось: «...на усть реки Вагая вверх по Вагаю на правой стороне деревня монастырская, Успения Пречистые Богородицы да Николы Чюдотворца, пашни паханные на острове, которой остров обошло Вагайское озеро и за озером Вагайским и за речкою Духовою в розных местех добрые и средние земли двадцать семь чети в поле, а в дву по тому ж, да дикого поля по смете на сто на сорок на пять чети... сенных покосов по смете на тысячу на девятьсот копен и болши... а на Бегишовых горах непаханные добрые земли дикого поля по смете на триста чети и болши, а во всех ли трех полях по тому ж, или в одном поле, того в книгах не написано, сенных покосов копен на триста и болши»⁸⁸. Также числилась деревня при устье Вагая, состоящая из 6 дворов с 9 половниками, земля и покосы под Бегишевыми горами, отнятые у татарского населения⁸⁹.

Крупные земельные вклады монастырь получил от служилого Саввы Французанина (Вагайское озеро, остров на р.Вагай и пашню, засеянную хлебом), Третьякова сына Юрлова (пашенные земли «26 четей в поле» вверх по Иртышу у Нового озера с 4 дворами половников), тобольского пешего казака Пименова (деревня с санными покосами и рыбными ловлями у Евтезеровского озера с 4 дворами половников, пашни «21 четь с осминой в поле»), тобольского стрельца Шестака (деревня с пашней «в 11 четей в поле»). Пашенный крестьянин Михаил Агеев продал монастырю деревню на Евтезеровском озере⁹⁰.

По писцовой книге 1624 г. монастырю принадлежали 8 деревень, один починок «в них 12 дворов и 24 монастырских крестьянина», пашенной земли — 51 десятина, перелогу — 24, водопойменных угодий — 95, поскотинные — 4, сенокосов — на 320 копен, «поверстанного леса и дугвые земли версты с три»⁹¹. В 1625 г. по челобитью монашествующих царь пожаловал Тобольскому Знаменскому монастырю «земли у старых сибирских деревень распаханной 10 четей в поле и непаханой 20 четей»⁹².

П.Н.Буцинский отмечал, что в 1630 г. монастырь купил Куларовское озеро у пашенного крестьянина Рукусуева⁹³. В 1636 г. была дана архимандриту Герасиму грамота, подтверждающая права монастыря на владение всеми землями и деревнями по р.Вагаю, на Бегишевых горах и у старых сибирских деревень⁹⁴. В 1640 г. монастырь получил от царя под пашню и выпуск скота

еще 10 десятин земли, находившейся недалеко вверх по течению Иртыша. По дозорной книге 1642 г. Б.Аршинского за Тобольским Знаменским монастырем числились следующие земельные владения: «Вагайская вотчина, деревня Юрлова-Третьяковка на правой стороне реки Шилей, Шестакова-Шапошникова на Евтезевском озере, Пятовская на озере Евтезере, деревня на Куларовском озере, деревня Ивановская против старого сибирского городища, Шангинская на реке Иртыш, Якимовская на реке Кундуске, Олешкинская и заимка возле города». Всего за монастырем было учтено: «одна вотчина, 8 деревень и одна заимка, в них было 44 двора, а пашни 276 четвертей, перелогу 682 чети, сенных покосов на 14 600 копен»⁹⁵. По данным Н.В.Горбаня, в Вагайской вотчине к 1642 г. насчитывалось 24 деревни, в них 609 крестьян⁹⁶.

В комплекс монастыря входили три церкви (в честь Знамения Пресвятой Богородицы, теплая во имя трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста и во имя Преподобных Соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия) и многочисленные бытовые и хозяйственные постройки: трапезная с келарнею, хлебня, поварня, братские кельи, житница и погреб, — окруженные оградой с воротами. Все постройки были деревянными. Монастырь был уничтожен почти полностью в результате двух больших пожаров 1659 и 1677 гг. После второго пожара были построены три церкви: Знаменская, Казанская и Преображенская⁹⁷. По переписи 1683—1684 гг. за Знаменским монастырем было закреплено одно село, 28 деревень и 2 погоста. Деревни различались по числу дворов и по наличию пахотных и сенокосных угодий. По числу дворов можно выделить несколько групп: от 1 до 5 — 18 деревень, от 6 до 10 — 5 деревень и 1 погост, от 10 до 15 — 3, от 15 до 20 — 2 деревни, 1 погост, свыше 20 — 1 поселение. По селу Богословскому сведений нет⁹⁸. Приведенные данные позволяют заключить, что деревни, принадлежавшие Тобольскому Знаменскому монастырю, были малодворными, более половины (60%) из них составляли поселения до 5 дворов. Самым крупным населенным пунктом являлся Богословский погост, в котором насчитывалось 37 дворов. Анализ источников XVII в. позволяет считать, что количество зависимого населения увеличилось в 5 раз, а пахотной земли примерно в 13,5—14 раз.

Другим приписным монастырем к Тобольскому архиерейскому дому являлся Иоанно-Введенский Междугорный «...от города Тобольска в 5 верстах митрополей Ивановский монастырь што было село Ивановское около монастыря. Ограда забрана в столбы в ограде две церкви. Теплая Михаила архангела другая церковь холодная Иоанна Предтечи со всякими церковными утварми. В ограде кельи митрополю за оградю двор конюшенный да на горе дворы скотные...»⁹⁹. Спустя сто лет церковь сгорела, и в 1758 г. на ее месте был сооружен холодный каменный храм¹⁰⁰. Хотя временем основания монастыря считается 1653 г., но эти земли принадлежали архиерейскому дому еще в период службы первого архиепископа Киприана (впервые отмечены в списке переписной книги 1625 г.). В этом месте была устроена заимка, возведен загородный дом для приезда архиереев и несколько дворов для служителей, за оградой скотные и конюшенный дворы, а общее число крестьян составляло 13 человек¹⁰¹. В летнее время в монастыре проживал архиерей. Часто бывал там, по сообщению Н.А.Абрамова, архиепископ Симеон. Обитель в течение почти трех веков являлась оплотом православной веры¹⁰².

По переписной книге 1659 г. за монастырем закреплено пять деревень: Комарицкая, Rogозинская, Матвеевская, Киселевская и в Сузгуне над рекой Тайменкой. В Матвеевской деревне у крестьян «...пашни паханые средние земли три десятины с полдесятиной в поле, а в двух потому же, а переложные и лесом поросла земля...». Монастырь приобрел в дар от тобольского архиерейского двора протоиерея Матфея Бирюкова заимку с пашенными землями и санными покосами. От вдовы Марфы Рукиной во владения монастыря поступила деревня Рукинская: «...Марфа Ивановская жена Рукина заняла софийского собора у протодьякона Матфея Прифанова денег 27, а в тех деньгах заложила и подписала деревню мужа своего Ивана и сына своего Федора Рукиных с пашнею и санными покосами... деревня поступила в Софийский дом вечно, без возврата и выкупу с пашнею и санными покосами...». Заложила за монастырь свою деревню вдова Варвара Артемьева дочь Хоткина «...от Ивановского монастыря версты с три за монастырскою шанталыцкою деревнею софийская пустошь, что была деревни Сидоровская пашни перелогом и лесом поросло семь десятин в поле, а в двух потому же до в верх по речке Шанталыку...»¹⁰³. В 1682 г.

конный казак Ларион Петров составил поступную запись на свою шанталыцкую деревню в пользу архиерейского дома¹⁰⁴.

Согласно писцовой книге 1683—1684 г. стольника и писца Льва Поскочина, за монастырем насчитывалось удобной и неудобной земли 1 440 десятин. На реке Шанталык «...8 десятин земли в одном поле, перелогом лесом и болотистых мест в 110 десятин, сенных покосов по обе стороны реки на 1 000 и на 500 копен, на островке на речке Иртыше на 100 копен...». В 1683 г. монастырь сдал в наем пахотной земли — 191 $\frac{1}{2}$ десятины, сенных покосов на 107 десятин и рыбную ловлю¹⁰⁵.

Н.А.Балюк в работе «Тобольская деревня» на основе переписной книги приводит данные монастырских владений: крестьян числилось — 59 человек, пашенных земель — 297 десятин, перелогу — 196, сенокосов на 4 260 копен¹⁰⁶.

В структуре архиерейского дома Иоанно-Введенский монастырь играл важную роль в хозяйственной жизни благодаря устройству здесь свечного завода и трех мукомольных мельниц на реке Шанталык. Обстоятельное описание одной из шанталыцких мельниц находим в дозорной книге боярского сына Василия Лутовинова: «...на реке Шанталыке мельница колесная на ходу а на той мельнице мельничной амбар а в нем мелют одни жорновы да двое жорновы запасные и мельничные и весь завод мельничной пешни и топоры и насеки дана та мельница в дом Софеи Премудрости Божией прежнему Сибирскому архиепископу Киприану по государеву указу...»¹⁰⁷. На мукомольных мельницах мололи зерно окрестные крестьяне и платили в архиерейский дом помольные деньги (1 коп. с пуда или с чети)¹⁰⁸. Предполагается, что начало мыловарению и свечному промыслу было положено уже в первые десятилетия XVII в. Однако в дозорной книге 1625 г. свечной завод не упоминается.

Таким образом, к концу XVII в. за приписными монастырями было закреплено 36 деревень, 401 десятина пашни, 480 перелога, сенокосов на 41 210 копен¹⁰⁹. Тобольский архиерейский дом владел тремя слободами и двумя селами, в которых насчитывалось 682 двора с проживающими в них 2 131 крестьянами¹¹⁰. По просьбе Павла I беспошлинно пропускались митрополичьи товары на сумму 200 руб.¹¹¹

Характерным образцом земельного «стяжания» при новом митрополите Игнатии (1692—1701 гг.) является челобитное дело «об отдаче в Софийский дом вотчины Нижне-Ницынской слободы, с деревнями и крестьянами, и со всеми угодьями и с податями». Тяжба эта тянулась в течение трех лет с 1693 по 1696 гг. Митрополит жаловался на «скудность жалованья» и просил царя отдать ему эту вотчину в обмен на получаемую им ругу: «вместо вашего великих государей жалованья годовые и денежные и хлебные руги и вместо церковных потреб...»¹¹². Владыка не зря стремился получить данные земли, так как Нижне-Ницынская слобода отличалась плодородием почвы и высокой урожайностью. Просьба была отклонена по причине того, что в Тобольский архиерейский дом поступал и без того приличный доход, а в государственную казну с этой слободы шло большое количество податей¹¹³. На это Игнатий ответил, что «...годовое жалованье: денежные и хлебные руги сполна в софийский дом не доходят, и бывает денежная скудность...». Решение царя осталось неизменным¹¹⁴.

Анализ переписных и дозорных книг Тобольского архиерейского дома XVII — начала XVIII вв. дает возможность проследить не только начальные этапы складывания земельных вотчин Тобольского архиерейского дома, способы аккумуляции пахотных земель, пустошей, сенокосов, угодий и рыбных ловель, методы хозяйствования, но и способы обеспечения вотчин рабочей силой и формирование социальной структуры.

Следует уточнить, что Дозорные и Переписные книги Сибирского приказа по своему значению и содержанию не соответствовали «писцовым» и «переписным» книгам Московской Руси. Писцовых книг в московском смысле в Сибири не было, так как здесь не было того земельного поместного владения. Термин «дозорные» стали использовать для обозначения тех книг, которые главным предметом своим имеют описание земель. Переписные содержат перечень населения, где данные о земле не играют первой роли¹¹⁵.

Вопрос развития форм феодальной эксплуатации в вотчинах Тобольского архиерейского дома остается одним из наименее изученных в аграрной истории Сибири периода феодализма. Способы формирования феодально-зависимого населения архиерейских вотчин были разнообразны: как на основе договора (порядные и судные записи), так и прикреплением к земле крестьянской жилой

записью или внесением крестьян в переписную книгу. Основную часть населения архиерейских вотчин составляли крестьяне, которые делились на старожилов и новопоселенных. Среди них имела имущественная дифференциация¹¹⁶. «Гулящие люди» нанимались в архиерейский дом на год или полтора, получали денежное жалование. Земельная собственность являлась основным условием производства. Земля давала крестьянину необходимые продукты, чтобы он мог производить прибавочный продукт на помещика, являлась фондом для несения крестьянских повинностей¹¹⁷.

М.М.Громыко справедливо отмечала, что крестьяне, находившиеся в феодальной зависимости от духовных землевладельцев, составляли особую группу, отличную от других категорий крестьян в Сибири в XVII—XVIII вв.¹¹⁸ О.Н.Вилков указывал, что монастырские и церковные крестьяне, подобно помещичьим, были бесправны и являлись крепостными монастырей и архиерейских домов¹¹⁹. По мнению Л.П.Шорохова, в 50—70-х гг. XVII в. закрепощение крестьян стало массовым¹²⁰. На основании переписных книг XVII в. можно увидеть, что основными повинностями архиерейских крестьян были натуральный оброк — «пятина» и отработочная рента¹²¹.

В документах фонда Сибирского приказа «гулящие люди» встречаются под названием «срочные работники», «наемные работные люди», «наемные ярыжки»¹²².

А.А.Преображенский юридически рассматривал их как вольную группу населения, оказавшуюся вне крестьянского сословия¹²³. По мнению Н.А.Балюк, «гулящие люди» по социальному положению были соотносимы с вольными людьми¹²⁴, на наш взгляд, ее утверждение является более точным.

Со временем часть их переходила в категорию долгосрочных или бессрочных архиерейских работников. Другая часть определялась в половники, бобылей, «детеньшей» работников, трудников: «за монастырем на Вагае и на Старой Сибири и на Шанталыке половников 10 человек у них братья и половников же шесть человек, бобыль да на льготе гулящий человек да 6 человек детеньшев»¹²⁵.

Половники упоминаются в переписных книгах почти всех монастырей. Они жили в архиерейских вотчинах (в документах они чаще встречаются в монастырских), как правило, нанимались на срок от 5 до 10, в исключительных случаях до 15 лет. Юридически

они имели право уйти после окончания срока найма, вернув подмогу, но в действительности такие случаи были крайне редки¹²⁶. А.А.Кондрашенков утверждал, что в конце XVII в. срок льготных лет для крестьян церковных вотчин Западной Сибири был коротким, порядные грамоты не предусматривали право выхода подрядившегося на волю¹²⁷.

Н.А.Балюк на основе дозорных книг за 1623—1625 гг. приходит к выводу, что половничество как одна из ранних форм трудовых отношений, условия найма определяет переходную стадию от безземельного переселенца, будь то бобыль, «гулящий человек» или захребетник, в статус крестьянина, несущего тягло¹²⁸.

Дозорная книга Тобольского Софийского дома за 1623—1624 гг. содержит подробное описание вотчин Тобольского Знаменского монастыря. Приведем некоторые примеры. «Во дворе монастырский половник Ивашко Корова с женою да ево Ивашков половник Фетка Костарк пашни паханые средние земли в дуброве по девичьем городищем на лугу 5 десятин в поле а в двух потому ж... Во дворе половник Якунька Арзамасов с женою паханые средние земли на лугу и в дуброве 3 десятины с третью в поле а в дву потому ж. Скота у Якуньки 4 коровы, да 4 теляти... Во дворе половник новокрещенец Лучко Дмитриев с женою. Пашни паханые средние земли 4 десятины без трети в поле а в дву потому ж. Поскотинные земли лесново места 4 десятины. Скота у Лучки корова да два теленка...». Всего учтено за Тобольским Знаменским монастырем 10 половников¹²⁹.

В последующие годы наблюдается увеличение количества половников: в 1640—1643 гг. в вотчинах Тобольского Знаменского монастыря насчитывалось уже 11 дворов, в которых проживало 22 половника¹³⁰. По мнению Н.А.Балюк, к первой половине XVII в. ими обрабатывалось 36% пашен монастыря¹³¹. Помимо Тобольского Знаменского монастыря половники имелись и в других. В 1624 г. за Тарским Спасским монастырем числилось 2¹³², а в 1669 г. — 3 половника, и «...обязались в монастырской деревне на нижней Изюке пахать пашни и урожай делит пополам...». Почти все половники обладали своим хозяйством: имели двор с жилыми и хозяйственными постройками, семью, скот, владели пахотными и сенокосными угодьями, их обязанности фиксировались в «порядных записях»¹³³. Следует отметить такой факт, что в их хозяйстве

не имелось рабочей тягловой силы — лошади, возможно, у них отсутствовали и пахотные орудия. Весь полученный ими урожай делился с монастырем, «...а семена ржаные и яровые все монастырские а што хлеба упашем на монастырской земле и семена нам монастырь с гумна выдавать а приполон делить пополам...»¹³⁴, в действительности они должны были сначала заплатить за пользование монастырской лошастью и земледельческими орудиями.

Немногочисленную группу феодально-зависимого населения архиерейских вотчин составляли бобыли¹³⁵. По общепринятой точке зрения бобыль — это тот, кто сидел на половине тягла. М. Дьяконов с этим не совсем соглашается, считая, что такое представление о бобылях создается, исходя из указов 1630—1631 гг. Он приходит к выводу, что бобыль покидал земледелие вследствие бедности¹³⁶.

В.И.Шунков относит бобылей к группе зависимых от Тобольского архиерейского дома людей. По характеру выполнения ими повинностей он делил их на две группы: одна занята выполнением сельскохозяйственных работ, что сближало их с половниками, а другая, обслуживающая конюшни, поварни, была близка к работным людям¹³⁷.

В переписной книге Никифора Веревкина за 1636 г. говорится о 16 бобылях, проживавших в Тобольске, и 48 — в Тюмени, которые платили оброк в Софийскую казну¹³⁸. В дозорной книге 1684 г., включающей списки с писцовых и переписных книг Тобольского уезда, также имеются сведения о бобылях: «...Максимко Ларионов сын Белобородов сказал родился де он в уезде Юрьевца в Подольского в селе Голянищеве жил за Микифором Борисовым с сыном Обуховым во крестьянах в Сибирь сослан в ссылку во 186[1678] году живет на Софейской земле в бобылях...»¹³⁹. Под Тобольском возле Тобольского Знаменского монастыря находились «конюшенные и скотские» дворы, на которых по писцовой книге проживали 17 монастырских бобылей с семьями¹⁴⁰. В 1697 г. в Усть-Ницынской слободе насчитывалось 23 бобыля, с которых собирали «оброку 12 рублей 30 алтын 4 деньги, да с них же собирается за обжичные кирпичные дрова 50 рублей...». В Покровской слободе проживало 7 бобылей «оброку 8 рублей, да с них же берется за столовые запасы 3 рубли»¹⁴¹. В 1698 г. в селе Воскресенском бобылей насчитывалось 7 человек, в Тавдинской — 6¹⁴².

За Тобольским архиерейским домом значились монастырские работники (работные люди, «слуги»), которые не имели собственного хозяйства и выполняли любые работы. В 1684 г. за Ивановским-Междугорным монастырем «на мельницах, конюшенных и скотных дворах» числилось 39 работников, в Кузнецком Рождественском было 5 работников¹⁴³. По переписной книге 1702 г. письменного головы Кирилла Дохтурова за селом Ивановским перечислялись работные люди: «Вочка калмык с детьми Лазарком и Секункой, Ивашка Микитин, Хрисафейко Рудак, Ивашко Тюрмин, Ивашко Попко, Ивашко Чахлой, Тишка Михайлов, Аргушка Петров, Фетка Турбин, Ивашко Мелыга, Ивашко Шулга з братом Калинкою Ляпуновым». Указано, что «Фетка Турбин в 1657 году взят из Покровской слободы в село Ивановское в работу, а в 1658 году отошел к отцу своему в Покровскую слободу»¹⁴⁴.

Близкими к работным людям, по мнению В.И.Шункова, были «монастырские детеныши» и трудники¹⁴⁵. Монастырские детеныши, как справедливо утверждает Л.П.Шорохов, не имели своего хозяйства и несли те же обязанности, что и работные люди¹⁴⁶. В 1640 г. за Тобольским Знаменским монастырем наряду с монастырскими «служками» и работниками числились «детеныши». В конце XVII в. в Тарском Спасском монастыре на пашне работал 21 монастырский детеныш¹⁴⁷.

Особой формой превращения людей в феодально-зависимое население, по мнению В.И.Шункова и Л.П.Шорохова, являлось вкладничество¹⁴⁸. Вкладчики различались по имущественному признаку, т.е. среди них были как состоятельные (давали в монастырь в качестве вкладов земли, заимки, деньги и т.д.), так и бедные, которые отрабатывали вклад своим трудом в течение 2—5 лет (иногда 15 и даже 20 лет). В 1695 г. казацкая жена Афимья Никифорова со своими детьми заняла у казначея Тобольского архиерейского дома Иосафа Милюкова 20 руб., а в залог отдала «в Тобольском уезде в верх по Иртышу реке за озером Абалацким в Поступинской деревне две свои со всякими строениями, с пашенной и непашенной землей и санными покосами и скотским выпуском со всякими деревенскими угожьями...»¹⁴⁹.

Л.П.Шорохов утверждал, что часть вкладчиков занималась кузнечным ремеслом, многие были мельниками, пастухами, скотниками и рыбаками. Они не были освобождены от казенных

повинностей, платили подушную подать и отбывали рекрутскую повинность¹⁵⁰. Вкладчики, как отмечали названные авторы, приходили на церковные и монастырские земли, вносили материальный вклад в монастырскую казну, взяв на себя определённые обязательства, вкладчик получал «вспоможение» деньгами, скотом, хлебом. В числе вкладов в дозорной книге за 1625 г. упомянуты вкладные пашни деревни Матвеевской, «да в ней живет архиепископлев пашенный крестьянин Максимка Иванов», в этой же деревне учтена «пашня Васильевская Тыркова што дал вкладу Софеи Премудрости Божии Василий Тырков на 8 десятин а в дву потому же». Более обстоятельные сведения находим о другой закладной деревне, расположенной «по Иртышу в Сузгуне за рекою Киселевской деревне Балина што Кисель дал вклад Софеи Премудрости Божией». Во вкладе перечислено имущество вкладчика «двор во дворе изба против избы клеть меж избою и клетью сени позаде того двора другая изба против избы клеть с погребом в одной избе жорновы перед двором поварня да баня да гумно с овином а в клетях хлеба четыре четверти ржи с осьминою да осьмина ячменя сеяно ржи ко 133 году три четверти с осьминою ячмени четверть две четверти ярицы овса две четверти с осьминою сеяно хлеба в мирскую меру паханые земли и перелогу не оранные все на сто четвертей да сенных покосов на пятьсот копен скота у них две лошади да две коровы да два теленка»¹⁵¹. За Тарским Спасским монастырем числилось 34 монастырских вкладчика¹⁵². Как позволяют судить источники, вкладчиком мог быть не только мужчина, но и женщина, оставшаяся вдовой и ведшая самостоятельное хозяйство. Это можно подтвердить на основании «закладной» казацкой жены Афимьи Никифоровны Поступинской за 1695 г. казначею Тобольского архиерейского дома Иосафу Милюкову: «...вдова Афимья Никифорова дочь с сыном своим с Григорием Поступинским заняли в Тобольску Софейского дому у казначея и монаха Иосафа Милюкова двадцать рублей денег казенных до срока до семенова дня лета начала двести четвертого году, а в тех заемных деньгах Афимья с сыном Григорием заложили ему Иосафу Милюкову в Тобольском уезде в вверх по Иртышу реке за озером Абалацким в Поступинской деревне две свои со всякими строениями, с пашенной и непашенной землей и сенными покосами и скотским выпуском со всякими деревенскими угожьями...»¹⁵³.

В архиерейских вотчинах насчитывалось значительное количество разорившихся и обнищавших лиц, пришедших в Сибирь в надежде на улучшение материального положения. Крестьянам предоставлялись льготы и подмога. По мнению В.И.Шункова, льготные сроки колебались от 8 до 20 лет¹⁵⁴. В качестве подмоги выдавали зерно, лошадь, орудия труда и т.д. Монастырь должен был обеспечивать безопасность наемных работников, «...и ему строителю за нас стоять и в обиду не давать...», в случае падежа лошади дать новую, «...чтоб пашни не отставать...»¹⁵⁵. Тобольский архиерейский дом охотно приобретал пришлых, беглых и людей из калмыков, источники фиксируют в вотчинах Ивановского монастыря за 1672 г. четверых купленных калмыков: «Алешка Аврамов, Петрушка Герасимов, Дениска Гаврилов и Ивашка Васильев на конюшенном и скотном дворах работники колмыцкой породы а сказались купленные де они у соляного Ямыша озера...»¹⁵⁶.

Довольно любопытные данные содержит переписная книга письменного головы Кирилла Дохтурова (1702 г.). Данная книга составлена на основе переписных книг за прошлые годы и полученных новых данных. Сведения, содержащиеся в этой книге, включают информацию о том, с какой территории и в какой год пришел крестьянин на архиерейские земли, его социальный статус, какими промыслами и ремеслами занимался до прихода, сколько у данного крестьянина детей мужского пола, где расселялся крестьянин, на какие работы, промыслы и ремесла был назначен, а также данные об оплате оброка¹⁵⁷. Например, «...Ивашко Тюрин сказался Ивановского села работной человек, а пришел он де в сибирь в Тобольск с устюга великого из государевой с печерской волости, а в государевой печерской волости ходил по миру и кормился христовым именем, а от отца своего остался мал, а в софийский дом пришел он при Нектарие архиепископе... Ивашко Шулга з братом Калинкою Ляпуновым сказались села Ивановского работные люди, отец их пришел из государевой волости ужги с погосту в ницынскую слободу в пашню гулящим человеком при Нектарии архиепископе... Сидорко Иванов с детьми с Максимом да с Прохором да с Гавриилом а пришел де он в сибирь на тюмень гулящим человеком с Вычегды... Митка Титов з братом с Ивашкой а сказались жили де они на руси за государем во крестьянах... Сидорко да Артюшка Семеновы а сказались жили де они на руси соливычегодском уезде...»¹⁵⁸.

Анализ источников исследуемого периода позволяют сделать вывод о том, что монастырское крестьянство вотчин Тобольского архиерейского дома формировалось в основном за счет различных категорий беглых, «гулящих людей» и черносошных крестьян Русского Севера. Наибольший приток населения приходился на территорию Усть-Ницынской слободы. Четкое разделение между многими группами зависимого населения очень сложно проследить, так как в архивных источниках нет полной достоверной информации. Также необходимо учитывать, что из-за государственных мер, направленных на ограничение роста церковного и монастырского землевладения, истинные сведения о численности и категории населения вотчин умышленно утаивались. Ко всему прочему существовало несоответствие методов описания и принципов фиксации на протяжении всего XVII в.

Тобольский архиерейский дом благодаря неустанным усилиям архиереев и труду зависимых людей стал крупным земельным собственником и центром предпринимательской деятельности в Сибири в XVII в. Вотчины архиерейского дома формировались разными способами: царские пожалования, вклады и дарения частных лиц, а с правления архиепископа Герасима стал преобладать захватный способ приобретения земель. Еще одним способом увеличения архиерейских владений являлась приписка монастырей с их вотчинами к архиерейскому дому. Благосостояние архиерейского дома достигалось трудом зависимых людей (крестьяне, «гулящие люди», бобыли, половники, «монастырские детеныши», трудники, вкладчики). Весь ход формирования церковных и монастырских вотчин, их экономическое состояние находились под сильным контролем государства, который осуществлялся посредством фиска, проведения специальных переписей населения и поселений, приписанных к монастырским вотчинам.

Примечания

¹ Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив» (далее — ГУТО ГА) в г.Тобольске. Ф. 156. Оп. 2. Д. 324. Л. 79—79 об., и др.

² Там же. Д. 917. Л. 1—14.

³ Покровский И.М. Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времени Петра I до учреждения духовных штатов 1764 г. Казань, 1914. С. 3.

⁴ Шорохов Л.П. Общерусские черты и местная специфика в возникновении и развитии церковно-корпоративного землевладения в Сибири в XVIII в. // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 1. С. 6; Балюк Н.А. Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI — начале XIX вв. Тюмень, 2003. С. 51.

⁵ Манькова И.Л. Государственная политика в отношении землевладения Урало-Сибирских монастырей в XVII — начале XVIII вв. // Религия и церковь в Сибири. Вып. 5. Тюмень, 1993. С. 12.

⁶ Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994. С. 27—28, 138—140.

⁷ Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1891. С. 125.

⁸ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 214. Кн. 7. Л. 93, 106 об.

⁹ Тобольский архиерейский дом. С. 148—149, 159.

¹⁰ Буцинский П.Н. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. Харьков, 1891. С. 57.

¹¹ Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 122.

¹² Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 274—275; Наш край в документах и иллюстрациях. Тюмень, 1959. С. 63.

¹³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 7. Л. 102 об.

¹⁴ Вотчины Тобольского Софийского двора в XVII в. Тюмень, 2001. С. 202.

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 7. Л. 110 об.

¹⁶ Тобольский архиерейский дом. С. 66—67, 72.

¹⁷ Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 123.

¹⁸ Тобольский архиерейский дом. С. 28.

¹⁹ Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 120.

²⁰ РГАДА. Ф. 214. Кн. 7. Л. 110—110 об. На одну четверть земли (мера площади) засевали одну четверть зерна (мера сыпучих тел). См.: Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. М., 1975.

²¹ Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1946. С. 372; Власова Н.В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII—XVIII вв. М., 1984. С. 6.

²² Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 119.

²³ Вотчины Тобольского Софийского двора в XVII в. С. 14.

²⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 7. Л. 111.

²⁵ Тобольский архиерейский дом. С. 28—29, 69—70.

²⁶ РГАДА. Ф. 214. Кн. 7. Л. 114 об.

²⁷ Балюк Н.А. Тобольская деревня в конце XVI — начале XIX вв. Тобольск, 1997. С. 107—108.

²⁸ Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 69—70.

²⁹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1086. Л. 38.

³⁰ Там же. Л. 64—65 об.

³¹ Там же. Л. 50.

³² Тобольский архиерейский дом. С. 70.

³³ Там же. С. 29—30, 67—68.

- ³⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 73—74; Буцинский П.Н. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. С. 57.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 278. Л. 64 об., 76.
- ³⁶ Покровский Н.Н. Неизвестный документ о волнении усть-ницынских крестьян в XVII в. // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 178—184; Тобольский архиерейский дом. С. 29—30.
- ³⁷ Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). С. 368—369.
- ³⁸ Русакова Л.М. Сельское хозяйство Среднего Зауралья на рубеже XVIII—XIX вв. Новосибирск, 1976. С. 73.
- ³⁹ Тобольский архиерейский дом. С. 30—31.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 214. Кн. 7. Л. 127—129 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 110, 148 об.—149 об.
- ⁴² Там же. Кн. 70. Л. 43 об.—43.
- ⁴³ Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 124.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 124. Кн. 70. Л. 39.
- ⁴⁵ Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 125.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 124. Кн. 1086. Л. 20—22.
- ⁴⁷ Там же. Кн. 70. Л. 22 об.—25 об., 124; Ф. 281. Д. 12453. Л. 130—132.
- ⁴⁸ Там же. Кн. 70. Л. Об. 38.
- ⁴⁹ Там же. Л. 39—42 об.; Ф. 280. Оп. 8. Д. 12453. Л. 171—172 об.
- ⁵⁰ Там же. Л. 43 об.—44.
- ⁵¹ Там же. Л. 42—43 об.
- ⁵² Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 125.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 74. Л. 126.
- ⁵⁴ Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 126; Он же. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. С. 55—58.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 172. Л. 94—95, 102, 104.
- ⁵⁶ Там же. Кн. 129. Л. 10 об.—11, 14; Оп. 3. Ст. 172. Л. 94—95, 102, 104.
- ⁵⁷ Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 126—129.
- ⁵⁸ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 73; см. также: Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 108, 122—135.
- ⁵⁹ Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 131—132.
- ⁶⁰ РГАДА. Ф. 214. Ст. 123. Л. 85—92.
- ⁶¹ Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 134.
- ⁶² Андриевич В.К. История Сибири. СПб., 1892. Т. 1. Ч. 1. С. 188; Исторические акты XVII столетия (1633—1699). Томск, 1890. С. 42—50.
- ⁶³ Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. С. 134—135.
- ⁶⁴ Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 21—22. С. 418—425.
- ⁶⁵ Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII—XVIII веках. Красноярск, 1973. С. 62.
- ⁶⁶ Балюк Н.А. Тобольская деревня в конце XVI — начале XIX веков. С. 152.
- ⁶⁷ РГАДА. Ф. 214. Кн. 278. Л. 64—64 об.
- ⁶⁸ Там же. Л. 67 об.
- ⁶⁹ Там же. Л. 72—72 об.
- ⁷⁰ Там же. Л. 64—64 об.

- ⁷¹ Там же. Ф. 281. Оп. 87. Д. 12459. Д. 1—6.
- ⁷² Кузнецов И. Исторические акты XVII столетия (1633—1699). Материалы для истории Сибири. Томск, 1890. С. 42—45.
- ⁷³ Устюгов Н.В., Чаев Н.С. Русская церковь в XVII в. // Русское государство в XVII в. М., 1961. С. 298—300.
- ⁷⁴ Шорохов Л.П. Церковь в Сибири в конце XVI—XVIII вв. Новосибирск, 1971. С. 110.
- ⁷⁵ Покровский Н.Н. Неизвестный документ о волнении усть-ницынских крестьян в XVII в. С. 183—184.
- ⁷⁶ Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII веке. Новосибирск, 1965. С. 225.
- ⁷⁷ Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение... С. 72.
- ⁷⁸ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Оп. 2. Д. 1082. Л. 21.
- ⁷⁹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1086. Л. 2.
- ⁸⁰ Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XIX вв. / Отв. ред. В.А.Александров. М., 1979. С. 67.
- ⁸¹ ГУТОГА в г.Тобольске. Ф. 70. Оп. 1. Д. 186. Л. 4.
- ⁸² РГАДА. Ф. 214. Кн. 6. Л. 172 об.; см. также: Материалы о монастырях, братствах и православных обществах. СПб., 1834. С. 76.
- ⁸³ Покровский Н.Н. Три документа по истории церкви в Сибири в XVII в. // Христианство и церковь в России. Новосибирск, 1989. С. 77—86.
- ⁸⁴ Там же. С. 82—85.
- ⁸⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 3. Л. 150; Кн. 6. Л. 167—167 об.; Кн. 403. Л. 1—4; Ф. 281. Оп. 8. Д. 12454. Л. 1—2.
- ⁸⁶ Там же. Кн. 151. Л. 1, 4 об., 10 об., 44, 46 об.; ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 70. Оп. 1. Д. 86. Л. 14.
- ⁸⁷ Сулоцкий А.И. Заметки к описанию Тобольского Знаменского монастыря // Тобольские губернские ведомости. 1859. № 27. С. 333—360.
- ⁸⁸ РГАДА. Ф. 214. Кн. 6. Л. 168—169; ГУТОГА в г.Тобольске. Ф. 70. Оп. 1. Д. 70. Л. 20—22.
- ⁸⁹ РГАДА. Кн. 3. Л. 150—160.
- ⁹⁰ ГУТО ГА. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1. Л. 17—18.
- ⁹¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 3. Л. 127 об.
- ⁹² ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 70. Оп. 1. Д. 70. Л. 21.
- ⁹³ Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. С. 119—120.
- ⁹⁴ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
- ⁹⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 3. Л. 127 об.; ГУТО ГА. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1. Л. 17—18; Д. 86. Л. 14—18.
- ⁹⁶ Горбань Н.В. Движение крестьян духовных вотчин Тобольской епархии в XVIII в. // Учен. зап. Омск. пед. ин-та. 1949. Вып. 4. С. 79.
- ⁹⁷ Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей Российской Империи и на Афоне. Репринтное издание. СПб., 1994. С. 698.
- ⁹⁸ Балюк Н.А. Тобольская деревня в конце XVI — начале XIX веков. С. 109.
- ⁹⁹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1086. Л. 41—41 об. См. также: Тобольская епархия. Ч. 2. От. 1. С. 45, 47—49, 241.

- ¹⁰⁰ Православные русские обители... С. 698.
- ¹⁰¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 7. Л. 110 об.; ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Оп. 2. Д. 1082. Л. 37.
- ¹⁰² Абрамов Н.А. Иоанно-Введенский Междугорный монастырь // ТГВ. 1865. № 36. С. 228—229; см. также: Грамматин А. Иоанно-Введенский монастырь // Календарь Тобольской губернии на 1892 год. Тобольск, 1891. С. 73—97.
- ¹⁰³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 403. Л. 41; Кн. 1086 Л. 48—63 об.; ГУТО ГА г.Тобольске. Ф. 156. Оп. 2. Д. 1082. Л. 38 об.—39.
- ¹⁰⁴ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 70. Оп. 1. Д. 10. Л. 36.
- ¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1086. Л. 41—81; ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Оп. 2. Д. 1082. Л. 19 об., 45.
- ¹⁰⁶ Балюк Н.А. Тобольская деревня. С. 111—112.
- ¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 214. Кн. 7. Л. 103 об.—104; Кн. 278. Л. 56—61.
- ¹⁰⁸ Там же. Кн. 1159. Л. 53, 79 об.; Кн. 860. Л. 52.
- ¹⁰⁹ Крестьянское хозяйство Зауралья в эпоху феодализма. С. 59, 123, 150.
- ¹¹⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1605. Л. 1—91.
- ¹¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. II. С. 266—267.
- ¹¹² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1277. Л. 1—14.
- ¹¹³ Там же. Л. 2—6 об.; ПСЗРИ. Т. III. № 1541.
- ¹¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Ст. 1277. Л. 14.
- ¹¹⁵ Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.). М., 1895. Ч. 1. С. 49—50.
- ¹¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Кн. 151. Л. 40; Кн. 686. Л. 129, 131; Кн. 735. Л. 10—16, 49; Кн. 1086. Л. 12, 49—50; Кн. 1235. Л. 11—26; Кн. 1191. Л. 245—257.
- ¹¹⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 1. М., 1967. С. 191.
- ¹¹⁸ Громыко М.М. Церковные вотчины Западной Сибири накануне секуляризации // Сибирь в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 158.
- ¹¹⁹ Вилков О.Н. Народные движения в Сибири XVII в. // Бахрушинские чтения. 1966. Новосибирск, 1968. Вып. 2. С. 27.
- ¹²⁰ Шорохов В.И. Церковь в Сибири в конце XVI—XVIII вв. С. 144.
- ¹²¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 278. Л. 62, Об. 65, 82; Ф. 281. Оп. 8. Д. 12453. Л. 149—155, 163—170.
- ¹²² Там же. Кн. 151. Л. 40; Кн. 686. Л. 129, 131; Кн. 735. Л. 10—16, 19 об.—20; Кн. 1086. Л. 12; Кн. 1191. Л. 245—257; Кн. 1235. Л. 11—26.
- ¹²³ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972. С. 179—182.
- ¹²⁴ Балюк Н.А. Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI — начале XX вв. С. 36.
- ¹²⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 3. Л. 123—126 об.
- ¹²⁶ Там же; Кн. 151. Л. 40; Кн. 434. Л. Об. 137; Кн. 535 Л. 918; ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 70. Оп. 1. Д. 86. Л. 14 и др.
- ¹²⁷ Кондрашенков А.А. Основные проблемы истории крестьян Зауралья в феодальный период (XVII—XVIII вв.) // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971. С. 50.
- ¹²⁸ Балюк Н.А. Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI — начале XX вв. С. 39.

- ¹²⁹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 3. Л. 123—126; Кн. 535. Л. 917 об.—918.
- ¹³⁰ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1. Л. 17—18; Д. 70. Л. 17—21; Д. 86. Л. 23—24.
- ¹³¹ Балунок Н.А. Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI — начале XX вв. С. 38.
- ¹³² Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. С. 154.
- ¹³³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 535. Л. 916—920; Кн. 434. Л. 137 об.; ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 70. Оп. 1. Д. 86. Л. 14.
- ¹³⁴ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1. Л. 10, 17—18; Д. 70. Л. 21; Д. 86. Л. 23—24.
- ¹³⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 151. Л. 40; Кн. 278. Л. 71—72; Кн. 860. Л. 15—17; Кн. 1086. Л. 1—24 об., 46 об.; Кн. 1159. Л. 3 об.—5 об., 13—14; Кн. 1605. Л. 1—120; Ф. 280. Оп. 8. Д. 12453. Л. 19—153, 163 об.—164.
- ¹³⁶ Дьяконов М. Бобыли в XVI—XVII вв. СПб., 1896. С. 1—6.
- ¹³⁷ Шунков В.И. О феодальном строе сибирской деревни в XVII в. // Вопросы истории. 1952. № 6. С. 90—91.
- ¹³⁸ РГАДА. Ф. 281. Д. 12453. Оп. 8. Л. 149—155 об., 163—170.
- ¹³⁹ Там же. Ф. 214. Кн. 1086. Л. 5 об.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 12—16.
- ¹⁴¹ Там же. Л. 15—15 об.
- ¹⁴² Там же. Кн. 1159. Л. 404 об.
- ¹⁴³ Там же. Кн. 7. Л. 101; Кн. 1086. Л. 41—53, 422—425.
- ¹⁴⁴ Там же. Кн. 12533. Переписная книга письменного головы Кирилла Дохтурова. Л. 4—6 об.
- ¹⁴⁵ Шунков В.И. О феодальном строе сибирской деревни в XVII в. С. 89.
- ¹⁴⁶ Шорохов Л.П. Церковь в Сибири в конце XVI—XVIII вв. С. 152.
- ¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1086. Л. 41—53; Кн. 853. Л. 286—296.
- ¹⁴⁸ Шунков В.И. О феодальном строе сибирской деревни в XVII в. С. 88; Шорохов Л.П. Церковь в Сибири в конце XVI—XVIII вв. С. 145.
- ¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 281. Оп. 8. Д. 12475. Л. 1—2.
- ¹⁵⁰ Шорохов Л.П. Церковь в Сибири в конце XVI—XVIII вв. С. 158—159.
- ¹⁵¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 7. Л. 110 об.—114 об.
- ¹⁵² Там же. Кн. 853. Л. 286—296.
- ¹⁵³ Там же. Ф. 281. Оп. 8. Д. 12475. Л. 1.
- ¹⁵⁴ Шунков В.И. О феодальном строе сибирской деревни в XVII в. С. 384.
- ¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 535. Л. 917—918.
- ¹⁵⁶ Там же. Кн. 1086. Л. 44—44 об.
- ¹⁵⁷ Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Фонд рукописей. Кн. 12533. Л. 5—94.
- ¹⁵⁸ Там же. Л. 5, 19—20.

Глава 3

ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ НАЧАЛА XIX в. (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

В результате реформ Петра Великого 18 декабря 1708 г. на карте империи появилась Сибирская губерния в составе обширных земель Вятки и всего Зауралья, вплоть до океанских берегов. Вскоре новое административно-территориальное образование было разделено на три провинции: Вятскую, Соликамскую и Тобольскую¹. Территориальные изменения продолжались и в последующие годы: 1724, 1736 (создание Сибирской и Иркутской провинций)², 1737, 1764 (когда было образовано Сибирское царство)³, 1775, 1782.

Среди чиновников, управлявших столь обширными территориями, следует назвать, в частности, первого тобольского губернатора князя М.П.Гагарина (губернаторствовал с перерывом в 1711—1714, 1716—1719 гг.), прибывшего к месту службы в первый раз 8 октября 1712 г. 7 мая 1780 г. был утвержден и первый генерал-губернатор Пермский и Тобольский Е.П.Кашкин, с 22 марта 1819 г. сибирским генерал-губернатором стал опальный М.М.Сперанский. Последний через полтора месяца после указа о назначении — 7 мая — выехал к месту службы, сменив И.П.Пестеля, который в течение 12 лет управлял краем, как ни удивительно, из Петербурга.

Результатом преобразовательной деятельности М.М.Сперанского стали масштабные изменения в управлении Сибирью на основе утвержденного Александром I 22 июля 1822 г. «Учреждения для управления Сибирских губерний»⁴. Сибирская реформа М.М.Сперанского в оценке В.А.Волчек «была событием огромного значения»⁵. Новый губернатор начал управление с проверки (ревизии) подвластных территорий, по итогам которой был подготовлен «Отчет тайного советника Сперанского и обозрение Сибири»⁶.

Важные изменения в период «дней Александровых» «прекрасного начала» происходили и в области образования, как в центральной части России, так и в Сибири, на основе целенаправленной политики молодого императора. Этот период многие исследователи относят к тому этапу реформ в сфере образования,

который датируется 1803—1828 гг.⁷ В то время учебные заведения Зауралья находились в ведении только что созданного Казанского университета (1804 г.), а контролирующие функции над учебными заведениями всей Сибири были у визитатора, институт которого был введен по предложению М.М. Сперанского в 1820 г., но вскоре, в 1828 г., отменен⁸. С этого времени надзор за учебными заведениями был отнесен к функциям гражданских губернаторов сибирских территорий.

Разработка реформ образовании сибирского края проходила при действенном участии Западносибирского генерал-губернатора П.М.Капцевича и попечителя Казанского учебного округа М.Л.Магницкого.

Важным источником по многим направлениям жизни Сибири, в том числе и в образовательной политике, являются материалы инспекторской проверки 1827—1828 гг.⁹, которую проводили сенаторы В.К.Безродный и Б.А.Куракин¹⁰. Личность последнего хорошо известна по его участию в суде над декабристами. В Тобольске и Томске он мог сам увидеть осужденных, доставленных на поселение или отбывание ссылки¹¹.

О ревизорах Сибири имеются различные суждения. Так, Н.Н.Бантыш-Каменский (губернатор Тобольска с 13 марта 1825 г. по 20 июля 1828 г.) в своих воспоминаниях¹² без особенного пристрастия, подробно и доказательно обрисовывает всю непривлекательность прибывших в Сибирь ревизоров князя Б.А.Куракина и тайного советника В.К.Безродного. Именно после довольно пристальной проверки двадцать третий тобольский губернатор ушел в отставку, и поэтому в воспоминаниях имеется довольно большой крен в сторону субъективизма. Так, например, восстановленный по инициативе губернатора Губернский оспенный комитет был подвергнут критике, сам губернатор обвинен в «нерадении к пресечению заразы». Необходимо отметить, что для «добывания компрометирующих материалов» применялись разные способы: привлечение «неблагонадежных» чиновников, обвинение в святотатстве (вскрытие могилы А.Д.Меньшикова), подтасовка сведений и др. Справедливости ради заметим, что в ходе дальнейшего разбирательства Н.Н.Бантыш-Каменский будет оправдан и получит компенсацию (1833 г.). Аналогичная судьба по итогам ревизии — отставка — последует и в отношении П.М.Капцевича¹³.

Н.А.Миненко, ссылаясь на декабриста Н.И.Лорера¹⁴, пишет: «оба ревизующие сенатора начали свое дело в Сибири как будто бы хорошо, разослали объявление, что присланы оказать помощь угнетенным, обиженным, приглашали всякого подавать просьбы, жалобы... Бедный народ думал вздохнуть...». Исследовательница указывает, что «сенаторов буквально заваливали коллективными прошениями и жалобами»¹⁵. А.Ю.Конев констатирует, что высокие ревизоры вскрыли недостатки в «причислении к разряду оседлых», которых вписывали в крестьянский оклад «без разбора состоятельных и несостоятельных»¹⁶. В.Юшковский отмечает: «Сия “правительственная ревизия по злоупотреблениям чиновников” обросла целой грудой бумаг, часть которых, по счастливому случаю, уцелела и дошла до наших дней»¹⁷. На ценность отчетов ревизии как исторического источника по «оценке эффективности функционирования судебной системы региона»¹⁸ указывает Р.Г.Саражина. Среди важных документов по истории Сибири начала XIX в. Н.В.Мозжегорова называет и материалы ревизоров¹⁹. П.А.Афанасьева заинтересовала поездка ревизоров через Колывано-Воскресенский горный округ²⁰.

Многие исследователи отмечают, что основной проблемой в Сибири было взяточничество²¹.

По итогам проверки сенаторы подготовили разнообразные документы, например, 5.(03).02.1828 г. направили в Томское губернское правление письмо с предложением о создании в г.Томске общего губернского архива.

Проверка касалась всех сторон жизни населения огромной территории. Отрыв от остальной части России в силу отсутствия коммуникаций, должного контроля приводил к многочисленным нарушениям, а порой и преступлениям.

Представляют несомненный интерес архивные материалы, появившиеся в ходе ревизии, в плане организации образования в Сибири в первой трети XIX в. Они содержат важные сведения о деятельности визитатора учебных заведений П.А.Словцова. Публикуемые источники объясняют, почему не были открыты университет в Тобольске, высшее училище в Сибири, каким образом предлагалось решить проблему обучения местных жителей для занятия ими административных должностей и устранить кадровый голод. Конечные даты документов: 10 августа 1827 г. — 28 июня 1828 г.

О сибирских училищах

10 августа 1827 г.

Резолюция: г. Министр приказал доложить в первом заседании.

Его высокопревосходительству А.С.Шишкову.

Милостивый государь, Александр Семенович²²!

По Высочайшему Государя Императора повелению, имею честь препроводить при сем к Вашему Высокопревосходительству всеподданнейшую записку ревизующих Западную Сибирь сенаторов: Безродного²³ и князя Куракина²⁴, о преобразовании училищ в Сибири, с двумя приложениями в ней упоминаемыми, для рассмотрения в высочайше учрежденном комитете об устройстве училищ²⁵, согласно с означенною на оной записке собственноручно его величеством высочайшею резолюцией. Имею честь быть в совершенном почтении Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга Николай Муравьев (Статс секретарь)²⁶.

№ 1008 Санкт-Петербург, 9 августа 1827 г.

Российский государственный исторический архив.

Ф. 737. Оп. 1. Д. 35. Л. 1

О сибирских училищах

О преобразовании училищ в Западной Сибири

Передать в комитет обустройства училищ, 9 августа 1827 г.²⁷

Вашему императорскому величеству благоугодно было при возложении на нас поручения, о обревизовании Западной Сибири, высочайше повелеть, чтобы мы, по уважению отдаленности и особенного положения Сибирского края, не ограничиваясь общеою инструкциею, приняли в соображение все то, что к пользе сей страны и обитателей оной послужить может.

Между прочим, предметами, к сей благотворной Вашего императорского величества цели относящимися, по местному усмотрению нашему заслуживает особенного внимания предположение собственно в Сибири такого училища, из которого бы ученики могли выходить с образованием способностей необходимо нужным для занятия местных должностей. По сведениям истребованными

нами, особенно, о сем предмете Председательствующего в Совете главного Управления Западной Сибири оказалось:

1-е. О заведении в Сибири высшего училища, входил с всеподданнейшим блаженная памяти государя императора²⁸ докладом генерал-губернатор Капцевич²⁹ еще в 1823 году. Он излагал следующие на то резоны: «при введении нового управления Западной Сибирью³⁰, обнаружился весьма чувствительный недостаток в чиновниках с достоинствами, предполагаемыми для каждой степени службы. В Сибири редко можно найти чиновника, который бы зная государственные уставы, был бы благонадежным месту своему помощником, а потому должно было определять таковых, каковы есть, дабы от не замещения должностей не встретить всяких затруднений. Причина такового состояния здешних чиновников заключается единственно в их бедности, которая редким из них позволяет отдавать детей своих в Гимназию, и обучать их основательно, так что в обеих сибирских гимназиях Тобольской³¹ и Иркутской³², едва ли пять учеников полный курс учения оканчивают. Донныне число нужных чиновников пополнялось и пополняется приезжими из России; но награды и значительные издержки, вызываемым чиновникам присвоенные, мало привлекали в Сибирь личных достоинств; а посему суммы на сие издерживаемые, гораздо лучше употребить на достойное образование Сибирского благородного юношества; Ибо, таким образом, местное управление, получив возможность поручать выгоды казны и публичные должности чиновникам, наставленным в правильном знании своих обязанностей, обеспечится в своих действиях на пользу службы. Главные основания сего заведения, по мнению генерал-губернатора, суть: а) место высшего училища как предполагаемого на пользу Западной и Восточной Сибири должно быть в сосредоточии страны и при том на Юге, куда населенность по естественным причинам сама собою склоняется; в) Для воспитанников во время прохождения наук, как в высшем училище, так и в губернских гимназиях необходимо установить казенное содержание. Число их для Западной Сибири на первый раз полагается в гимназиях 120, а в высшем училище — 60. Определение воспитанников Восточной Сибири относится к рассмотрению тамошнего генерал-губернатора³³; с) на содержание воспитанников Западной Сибири, не обременяя казны, открыть потребную сумму в средствах самой

Сибири и в источниках Омской области³⁴; д) Училище сие завися по учебной части от Министерства народного просвещения³⁵, должно по части хозяйственной и вообще по надзору починено быть главному сибирскому управлению.

2-е. В том же 1823 году министр народного просвещения³⁶ сообщил Сибирскому комитету³⁷ предположения о новом устройстве в Сибири училищной части. Сущность их заключалась в ниже-следующем: 1 Во уважении отдаленности Сибири от Казанского³⁸ и прочих университетов, учредить в Барнауле³⁹ высшее сибирское училище, которое бы составило отделение Казанского университета; 2-е. В сем училище образовывать: а) учителей для сибирских гимназий и училищ; б) студентов для Пекинской миссии⁴⁰; в) детей сибирских чиновников для занятия ими со временем гражданских должностей и д) детей купеческих для получения руководства к торговле с Китаем и знания в мануфактурах и языках и проч. При сем представлен был для училища штат, по которому издержки ежегодно до 66750 рублей, не включая постройки училищных зданий и содержания казенных для гражданской службы воспитанников. Расходы на сии последние предметы Министр предполагал отнести на счет местных способов без отягощения казны; а на первый случай обратиться на это пожертвованный действительным статским советником Демидовым⁴¹ на учреждение в Тобольске Университета капитал, который к 1 января 1822 г. состоял с процентами из 121 301 руб. 75 коп., принося постоянный доход около 6 тыс. рублей.

3-е. Сибирский комитет, находя оба сии предложения в главных основаниях совершенно полезными, признал удобнее учредить высшее училище в Томске⁴², и предоставил Министерству народного просвещения войти в подробное рассмотрение и соображение по сему предмету вообще с генерал-губернатором Западной Сибири журнал о сем Сибирского комитета Высочайше утвержден 26 февраля 1824 года.

4-е. Вследствие сего, предварительных правил для образования учебной и ученой части в Сибири и примерный штат высшего сибирского училища в Министерстве народного просвещения составленные, доставлены были генерал-губернатору, который, соображаясь с местными удобствами, сделал на них свои замечания, в июне 1824 года возвратил их к Министру с следующими

заклучениями: а) назначенную на штат высшего училища сумму 66 750 рублей испросить для ежегодного кредита из Государственного Казначейства⁴³, б) также испросить единовременно на покупку первоначальных для училища вещей до 50 тыс. руб., в) позволить пожертвованную Демидовым сумму взять без возврата на построение училищных зданий, и как оной на сей предмет было бы недостаточно, то испросить в дополнение еще 50 тыс. руб., г) сумму потребную на содержание казенных воспитанников как в двух гимназиях, так и в высшем училище изыскать в самой Сибири, как назначено было прежде.

5-е. Между тем генерал-губернатор, видя, что предположение об учреждении в Сибири высшего училища ободрено Сибирским комитетом и в журнале его высочайше утверждено, дабы отвратить всякое затруднение к скорейшему открытию училища, приступить к тем средствам, кои имел уже в виду, для содержания казенных воспитанников. Средства сии полагал он в отдаче на арендное содержание рыболовных озер в пределах Западной Сибири находящихся, и никаких доходов до селе не приносимых. Таковых озер было отдано в оброк 9 с платежом ежегодно по 24 457 руб. 25 коп., о чем донесено и сибирский Комитет в мае 1824 г.

6-е. При таком положении дела, Сибирский комитет рассматривал поданную на высочайшее имя от управляющего Кабинетом записку о неудобствах, представляющихся для крестьян ведомства Колывано-Воскресенских заводов⁴⁴ от обращения прилегающего к землям их озера Чанов⁴⁵ в число оброчных статей, и приняв в рассуждение:

1. Что отдача в Сибири рыболовных озер в арендное содержание, при настоящем населении сего края и при тех способах, коими пользуются жители по множеству рек, имеющих преимущество перед озерами, как в качестве рыбы, так и в обилии оной, не может принести значительных выгод;

2. что доходы от сего не будут достаточны на расходы, по их учреждение высшего училища требует;

3. что сие может в некоторой мере затруднить местные промыслы; и на конец,

4. самое предположение об учреждении высшего училища, при подробном его соображении в Министерстве народного просвещения встретило важные затруднения; по журналам 8 августа

1824 и 18 февраля 1825 годов положил: ловлю рыбы в озерах оставить на прежнем положении.

7-е. Генерал-губернатор вследствие сего представил Сибирскому комитету в июле 1825 г.:

а) что неудобство обращения прилегающего к землям заводским озера Чанов в число оброчных статей с существенности никаких нет; а если и есть то от того потеря частных выгод, то оныя, когда взвесить с общею пользою, должны быть ничтожны,

б) что предположения якобы доход с рыболовных озер не может быть значителен и достаточен на расходы для содержания в высшем училище для воспитанников, не согласно с заключенными контрактами, по коим приобретаются не от всех еще озер 24457 руб. 25 коп.,

с) что отдача рыболовных озер на аренду нимало ни затруднит народной промышленности; ибо прибрежные жители имеют другие, кроме чановских, безоброчные озера, хотя меньшие, но рыбою изобилующие; да и в чановских для собственного потребления ловить рыбу в них не воспрещается, а не позволяется ловить только для продажи, которая везде обязывает к платежу пошлины,

д) если действительно в Министерстве народного просвещения издержки на основание высшего училища в Сибири найдены столь высокими, что сбережение оных должно предпочесть пользе училища, то получаемую с чановских озер сумму, вместо того, что она исчезает теперь для государства в руках малого числа промышленников даже во все не принадлежащих к числу жителей Сибири, обратить на казенное содержание и воспитание в гимназиях детей канцелярских служителей и недостаточных чиновников, урожденных сибиряков или в помощь к сборам на земские повинности, ныне значительно прошлого возвысившиеся или на другое какое либо назначение к пособию Сибирского края.

Вместе с тем генерал-губернатор испрашивал от сибирского Комитета разрешение как на употребление суммы от рыболовных озер в казну уже поступивших, так и на уничтожение или оставление в своей силе заключенных по сим статьям договоров; и комитет 5-го числа апреля 1826 г., между прочим, постановил: заключенные на отдачу тех озер договоры оставить по закону в своей силе до истечения срока; по окончании же оногo все сии озера оставить на прежнем основании: а о деньгах собранных за содержание

озер предоставлено Министру финансов, по сношению с Кабинетом, рассмотреть, к Кабинету или в казну должны оные поступить.

Таким образом, предположение и учреждение в Сибири высшего училища осталось без всякого исполнения.

При внимательном обозрении предложения сего, действительно нельзя не согласиться, что учреждение высшего училища в Барнауле или в Томске сопряженные с столь важными на устроение и содержание оного издержками из надежных способов, предложенных генерал-губернатором на содержание казенных воспитанников, обременив казну не принесло бы в настоящее время никакой существенной для края (пользы). С отданных в аренду не 9, а 11 озер, на содержание воспитанников назначенные, и составляющие по заключенным контрактам не 24 457 руб. 25 коп., а 23 361 руб. 23 коп. в год, даже и тогда, когда бы откупная сумма сполна и в срочные время была вносима, далеко еще на годовое содержание 180 воспитанников были бы не достаточны: теперь же, когда в течении 2-х летнего срока контрактов, вместо следовавших по оным 46 722 руб. 50 коп. по полученным нами из Главного управления Западной Сибири сведениям, поступило за 2-х годовое содержание 11 озер только 6 103 руб. 62 ½ коп. а 40 618 руб. 87 ½ остаются еще в недоимках, какой ожидать вперед удовлетворенности, как в самых источников сих доходов, так и в своевременном поступлении оных на расходы, предназначенные и никакой отсрочки не терпящие? Во-вторых: Самое наполнение высшего училища 60-ю воспитанниками теперь было бы не возможно, и долго бы еще не состоялось потому что в училище сие воспитанники должны приниматься по предположению только из учеников с отличием окончивших полный преподаваемый в гимназиях курс наук, а в целой Западной Сибири существует одна только гимназия в Тобольске, да и в оной полный курс учения едва ли оканчивают 2 или 3 ученика, как сие мы на месте теперь видим; прочих же родители или родственники их не имея по бедности своей способов к их содержанию, берут из гимназии преждевременно, не дожидаясь окончания гимназического курса и спешат определить в самое низшее приказное состояние собственно для получения какого ни есть жалования.

Но ежели с одной стороны и справедливо, что по огромности издержек на заведение в Сибири высшего училища исчисленных

и по ненадежности средств предназначенных для содержания в нем и в гимназиях воспитанников, исполнение сего предположения важные представляет затруднения, то тем не менее с другой стороны мы удовлетворяемся теперь очевидностью на месте в основательности резонов, представленных генерал-губернатором на счет необходимости нового устройства в здешнем краю училищной части способствующей к приготовлению достойных для гражданской службы чиновников, ибо здешнее местное управление действительно терпит крайний в оных недостаток и истинно не подлежит возражению в том, что чиновников из России вызываемых привлекает сюда не только польза службы, сколько награда чином, при отправлении им даруемая, и они, выслужив срочное законом положение за полученный чин время обыкновенно спешат оставить сей край, едва только ознакомившись с родом занятий, для коих были вызваны. Места их пополняются вновь приезжающими из России чиновниками, но и сии таким же образом оставляют свои места другим, тогда как для приспособления к ходу дела сообразно с учреждением об Управлении Сибири, требуется не малое время и следовательно от сего служба неминуемо терпит.

На основании нового учреждения о Сибири, по окончательном устройстве всех частей Управление Сибирских Губерний, награды чиновникам за переезд сюда на службу должны прекратиться, а вместо того чиновников на службу в Сибирь приезжающих, предположено награждать землями в самой Сибири. Но мера сия едва ли принесет желаемую пользу, ибо весьма сомнительно, чтобы одна надежда приобретения в Сибири малоценных земель, польстила кого либо жертвовать собою на службу столь отдаленную в климате неизвестном и по предубеждению суровом и опасном. Следовательно, местное управление здешнее будет тогда поставлено в положение несравненно еще затруднительнейшее теперешнего.

Сими уважениями, убеждаясь, что к отвращению затруднения встречаемого здесь в способных чиновниках, лучшее и благонадежнейшее средство есть приготовление здешних способных состояний юношества на пользу службы прочим посредством наук образованием оною, мы требовали от визитатора Сибирских училищ действительного статского советника Словцова⁴⁶, чтобы он

по предмету училищных в здешнем краю заведений из опытов долговременного занятия сею частью изложил свои соображения.

Словцов в донесении нам, обращаясь к сделанному ему вопросу, довольно ли бы было судя по пространству Сибири Западной и Восточной одного высшего училища, каковое предполагалось учредить в Томске, изъясняет, что малая населенность страны, малочисленность училищ, которые даже не по всем уездным городам еще открыты и самое число губернских гимназий, которых только две в целой Сибири, а именно в Тобольске и Иркутске, изменяют в настоящее время благим намерениям если бы оные клонились к предположению особых высших училищ в той и другой Сибири, что по сему и в минувшем проекте центрального высшего в Томске училища, предполагалось прежде всего открыть третью губернскую гимназию, дабы основанию главного училища дать больше широты и действия, что в подобных сим уважениях благословенной памяти императора Александра I Указом 24 января 1803 года предназначил, между прочим, для всей Сибири один только университет в Тобольске, при том не ранее, как откроются к тому способы, и что, вероятно, по совокупным соображениям сего рода Министерство народного просвещения затруднилось исполнить недавний проект учреждения высшего в Сибири училища.

Далее Словцов на требование наше ближайших по сему предмету соображений, приемля в основание мысль, изъясненную в прежнем проекте генерал-губернатора Западной Сибири заключающуюся в том:

1-е. что с прекращением вызова приезжающих в Сибирь чиновников, которым даются прогоны и годовые не в зачет оклады начальство не только не предусматривает никакой для службы потери, но и признает за лучшее обратить суммы сии на образование сибирского благородного юношества, как на дело предпочтительное;

2-е. Что необходимо установить для сего юношества казенное содержание, как в губернских гимназиях, так и в высшем училище; полагает: что из сих двух усмотрений открывается:

а) новая возможность, где найти сумму для казенного содержания воспитанников согласив число их в сею возможность;

б) обязанность возвысить в Сибирских губернских гимназиях способ учения дополнением наук, прямо нужных для гражданской службы, прибавив к учебным предметам гимназии класс преподавания прав римского и российского и политической экономии и продолжив для сего класса гимназический курс еще на два года, в течении которых воспитанники сверх того больше утвердятся и в пройденных науках и сделаются более достойными службы императорской.

Мысль Словцова о присоединении к учебным предметам гимназии преподавания прав римского и российского и политической экономии, с дополнением к настоящему четырехлетнему гимназическому курсу, еще двух лет, мы по ближайшему нашему рассуждению, находим весьма основательною и по умеренности издержек на то потребных, для настоящего времени несравненно полезнейшею, нежели учреждение высшего училища, требующих важных пожертвований.

В совершенном убеждении о пользе такового преобразования училищной части в Сибири проект дополнения к составу Тобольской губернской гимназии под лит: А, и примерное исчисление суммы требующейся для сего дополнительного устройства оной, под лит. Б при сем повергая в Высочайше Вашего Императорского Величества благоусмотрение в обязанность себе вменяем всеподданнейше присовокупить, что одной Тобольской гимназии для образования юношества Западной Сибири по пространству оной и по мере надобности здесь чиновников было бы весьма не достаточно. А посему ежели бы удостоено было сие наше представление высочайшего воззрения и одобрения, не благоугодно ли Вашему Императорскому Величеству повелеть: такую же гимназию с дополнительным классом законоведения и политической экономии и с содержанием от казны 25-ти воспитанников учредить и в Томске⁴⁷. Тогда не было бы между сибирскими учебными заведениями того крайне большого интервала как ныне между Тобольским и Иркутским на 3000 верст, а все три гимназии в Восточной и Западной Сибири находились в таком равном между собою расстоянии 1500 верст в каковом Тобольская гимназия отстоит от Казанского университета.

На годовое штатное содержание Тобольской гимназии отпущалось до сего от казны 7 000 рублей. По дополнению к составу

оной требуется ежегодного отпуска из казны 10 100 руб. и с сего прибавочною суммою годовое содержание Тобольской гимназии составит 17 100 рублей. Таковая же сумма достаточна будет на годовое содержание Томской гимназии, и тогда на оба сии учебных заведения сверх производимых теперь на Тобольскую гимназию 7000 ежегодных расходов прибавилось бы 27 100 руб.

Сумма сия довольно значительна, но если взять в соображение что казна жертвовала до сего и не перестает жертвовать издержками на длинные переезды вызываемых в Сибирь чиновников, и на годовое не в зачет жалование и что с будущею отменною в надобности в вызовах чиновников издержки сии навсегда прекратятся, то по мнению нашему исчисляемая прибавочная сумма не составит для казны никакого особенного отягощения, польза же для службы и для обитателей Сибирского края, от ближайшей возможности образования здешнего юношества к достойному прохождению служебных должностей будет за сие же жертвование существенною необходимостью указываемое сугубым вознаграждением.

Что касается до употребления домов для жительства воспитанников Тобольской гимназии и для таковой же в Томске учредится имеющей, то, дабы не обременять казну издержками и на покупку или постройку оных не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству повелеть, чтобы на сей предмет был взят без возврата и употреблен капитал действительно статского советника Демидовым на заведение в Сибири Университета пожертвованный, который за отделением из одного 60 тыс. руб. в 1824 г. в пользу Тобольской гимназии теперь с процентами должен составить до 70 тыс. руб. или несколько более.

Сенатор Василий Безродный

Сенатор князь Борис Куракин

*Российский государственный исторический архив.
Ф. 737. Оп. 1. Д. 35. Л. 2—13 об.*

Проект дополнения к составу Тобольской Губернской гимназии

1. Для дальнейшего отправления службу государевой присоединить к учебным предметам гимназии преподавание прав Римского и Российского и политической экономии.

2. Для достижения успехов в сих науках полагается нужным время гимназического курса продолжить 2 годами сверх установленных 4-х.

3. В продолжение прибавочного времени Гимназия обязывается не только познакомить учащихся с новыми науками, но и распространить успехи в прежних знаниях, как то: в прикладной математике, физике, сочинении, языках и пр.

4. Для преподавания нововводимых предметов, учредить особого старшего учителя.

5. Дабы время для учения прибавляемое не закрывало обучающемуся юношеству дороги к чинам, учредить чтобы окончившие 6 летний гимназический курс поступали в службу по выпуске с чином 14 класса. Сие будет поощрением и другим своеобразным оканчивать науки в гимназии.

6. Постановить непременно правилом, что казенные воспитанники по выпуске из гимназии в вознаграждение издержек на воспитание их употребляемых обязаны прослужить в гражданской службе в самой Сибири не менее 10 лет.

7. Для жительства и содержания казенных воспитанников приобрести особый дом соразмерный их числу.

8. Для надзора за ними в не учебные часы определить особого надзирателя, который бы жил в одном доме с воспитанниками.

9. Надзирателя подчинить директору гимназии.

Сенатор Василий Безродный

Сенатор князь Борис Куракин

*Российский государственный исторический архив.
Ф. 737. Оп. 1. Д. 35. Л. 14—14 об.*

**Примерное исчисление суммы
требуемой к дополнительному устройству
Тобольской Губернской гимназии**

1. Старшему учителю прав Римского и Российского и политической экономии — 1000 руб.
2. Надзирателю за воспитанниками — 600 руб.
3. Содержание 25 воспитанников, полагая на каждого по 280 = 7000 руб.
4. Содержание дома, где живут воспитанники 1500 всего 10 100 руб. Единновременно: на приобретение дома для житья воспитанников 10 000 руб.

Примечание: На заготовление столового белья, посуды и других хозяйственных вещей не назначается особой суммы, потому что прием воспитанников на казенное содержание полагается в том возрасте, когда они после обучения в приходском и уездном училищах, получают от дирекции училищ право учиться в классах гимназии, следовательно, в первые два года не может составиться полный комплект воспитанников.

Сенатор Василий Безродный
Сенатор князь Борис Куракин

*Российский государственный исторический архив.
Ф. 737. Оп. 1. Д. 35. Л. 15—15 об.*

**О состоянии сибирских училищ
г. Попечителю казанского учебного округа**

1. Об училищах вообще и учащихся

Все что может служить к заключению о сибирских училищах состоит в замечаниях относящихся:

- 1) к училищам вообще и к учащимся,
- 2) к учащим,
- 3) к учебным пособиям и
- 4) к домам училищным.

В стране, в которой нет ни дворянства, ни такового купечества которому надлежало бы иметь дело по торговле с иностранцами

просвещенными общая нужда в учении бывает самая малая. По сему естественному ходу общежития, в Сибири чувствует нужду просвещения не свыше чтения, письма, начального счисления, поверхностных сведений историографических и умения говорить по-французски. Последние два притязания принадлежат только высшим домам чиновников.

Посему самые приличные для Сибири училища, если бы правительству благоугодно было сообразоваться с расположениями жителей края, а не с истинными своими видами были бы приходские и уездные.

Приходские училища находятся только в двух губернских городах той и другой Сибири, да в трех уездных; а сельские приходские училища которых было в Иркутской губернии до 16, почти все уничтожились по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири принятом Уставом в 1824 г. Следовательно, Сибирь в первоначальных способах учения отступив назад начинает и почти оканчивает свое просвещение в одних уездных училищах.

Но, как по учреждении гимназий губернских основывается благо государственной службы, то в следствие сих учебным заведениям можно было пожелать:

А) чтобы вступающие из уездных училищ в гимназии ученики были не моложе 19 лет, тогда с пониманием, а не с одною наизусть выучкою проходили курс предметов гимназических;

Б) чтобы чтению, письму трех языков латинского немецкого и французского учить в 1 и 2 классах приходских училищ, состоящих при гимназиях, начинали бы учиться уже грамматике, чтобы ученики в один период времени оканчивали скучные и утомительные начала языков и чтобы тем гимназии могли достигнуть больших в сем предметах успехов.

Примечание: первое и второе зависит от распоряжения училищного начальства.

В) чтобы привести в исполнение 24-ю статью⁴⁸ Предварительных правил народного просвещения и при том пояснить ее; ибо хотя она и угрожает ни кого через 5 лет по учреждении училищ не допускать к гражданской службе без юридических и других познаний, но какие другие познания разумеются еще не определено.

Г) чтобы рассмотреть не пора уже прекратить действие указа 1809 года в 6 день августа⁴⁹ состоявшегося по которому чиновники

в Сибири служащие удостоиваются чинов 8 и 5 класса без университетских аттестатов? Выиграли от сего снисхождения служба или страна? Нимало, свидетельствуясь официальном актом генерал-губернатора Западной Сибири представлявшего в 1823 г. о надобности учредить высшее училище в Сибири и, между прочим, упоминавшего о бесполезности приезжающих на службу чиновников для чинов. Если сверх того будет исходатайствовано гг. сенаторами казенное содержание воспитанников в пользу гражданской службы как имел я честь доносить от 28 мая сего года, то гимназии не будут сетовать на недостаток учащихся.

2. Об учащихся

Промежуток учителей и припоручение двух наук одному учителю, как и недостаток хороших учителей, очень много вредят благоуспешности гимназии и уездных училищ.

По моему мнению следовало бы:

а) не увольнять учителей не определив в то же время преемника.

б) не возлагать на долгое время двух наук на одного учителя или не соединять с должностью директора класса какой либо науки, если при таком соединении и можно ожидать пользы так только в одном случае, когда к классу науки придается обучение языка, не требующего приготовлений.

Понятно, что это делается по двум причинам, или по неимению особого учителя, или для умножения жалования заслуженным учителям.

Причины уважительны, но уже ли нет надежды умножить жалование училищным чиновникам жалованье, которого значение в момент и в цене вещей уменьшилось в 4 раза после 1804 г., когда оно было предельно? Ужели также нет средства иметь в готовности учителей?

В Сибири Западной стolonачальники по двум советам губернским и главного управления получают по 600 руб., а наши уездные учителя по 300, в Восточной тоже стolonачальники по 1000 и даже больше, и вот причина, для чего наши учителя скоро исчезают из училищ.

В отвращении сего неудобства заведено при Тобольской гимназии казенное содержание 10 воспитанников которых было бы и довольно для наполнения учителями уездных училищ Тобольской

и Томской губернии, но цель сия не достигается: а) нет полного комплекта воспитанников, б) что из того числа еще отправляется в университет, чему бы не следовало быть, в) что поступают в число воспитанников такие малолетние, что по окончании гимназического курса нельзя представлять их в учителя.

В том что комплект воспитанников не полон, директор училищ оправдывается тем, что он года по два и даже вовсе не получал разрешения на свои представления о приемах в счет воспитанников, а желавшие между тем понятными свое желание что и естественно.

Посему не угодно ли будет: а) сократить затруднения о приеме воспитанников, б) велеть принимать их как из Тобольской, так и Томской губернии для замещения уездных училищ всей Западной Сибири.

Для наполнения учителями училищ Восточной Сибири также было в свое время представлено о необходимости учредить казенных воспитанников при Иркутской гимназии, но донныне не последовало желаемого разрешения

3. Об учебных пособиях

Недостаток учебных пособий есть троякий:

- а) в рассуждении учебных книг,
- б) библиотек не постоянных и
- в) физический машин и орудий

А) в гимназиях по части исторического преподавания назначена история в 3 кн: от Главного правления училищ изданная она изящно для учеников она дорога и трудна по своему изложению, да и в присылке нет ее, логики и риторики учебной равномерно нет. В эти предметы надобно с разных тетрадей переписывать ученикам, которые по своему возрасту если бы положить их и прилежными, крайне бы затруднились в учении от забот по переписке.

Б) на умножение библиотек постоянных при гимназиях положена небольшая сумма до 250 руб., но директора училищ если бы и знали выписать избранным книги, лишены права располагать суммою, которая по стечению обстоятельств, издерживается на неважные книги по домогательствам издателей или причисляется в хозяйственную сумму, а то и другое не наполняет библиотек, через которые только учителя могут и умножить свои познания. Казалось бы, не бесполезным доверить некоторым директорам

употребление библиотечной суммы под опасением ответственности за покупку неважных книг.

В) Тобольская гимназия для преподавания физики не имеет никаких машин, ни электрической ни гальванического прибора, не имеет глобусов, ни барометра и термометров.

Ведение метеорологических записок некогда приказывалось от университета оно, конечно, было бы и нужно в известных училищах, которые разнятся между собою чувствительным образом в широтах. Но уездные училища в Сибири во все почти не имеют приличных к тому инструментов.

4. О домах училищных

Дома Иркутской гимназии и большей частью уездных училищ всех дирекций были строены для других намерений, ныне представляются мало удобными т.е. недостаточны для квартир училищных чиновников, малым жалованием живущих и не вместительны по числу учащихся от времени возрастающих.

Для приходских училищ особливо в губернских городах надобно уже строить большие залы, в которых бы помещалось до 200 мальчиков. От чего ныне от тесноты и отказывается многим наиболее скопляющимся с апреля по июль. Второй величины учебная комната 1 уездного класса должна быть на 100 учеников, а далее чем выше науки, тем теснее должны быть классы.

Другие затруднения по строительной части дирекциями училищ испытываются со стороны гражданских властей от которых училищное начальство должно надеяться все возможных пособий. Доказательством тому служат дома Тобольской гимназии⁵⁰ Ишимского уездного училища⁵¹ и сочинение плана и сметы для Томского уездного училища⁵².

Дом гимназии⁵³ под распоряжением г. генерал-губернаторов несколько лет строившейся как нельзя хуже был достроен директором училищ и с сентября 1823 г. до сих пор губернское начальство не сделало проверки строению как требуется от высшего учебного начальства. Дому Ишимского училища постройки которого по моему представлению учрежден за 3 года комитет из местных чиновников, по сие время не сделано еще закладки. От Томского губернского начальства требуется план и смета для училища не меньше года и неизвестно когда кончится сие сочинение.

Визитатор Сибирских училищ содействуя усердию директоров относится с просьбами к начальникам губернии и относился бы настоятельнее, но не имеет для руководства по своей должности инструкции каковою повелевалось снабдить его в Высочайшем именном указе в 3 день июля 1826 г. состоявшимся на имя господина Министра Народного просвещения.

Петр Словцов Визитатор училищ Сибирских губерний.

15 июля 1827 г.

Верно: исправляющий должность попечителя Казанского учебного округа⁵⁴.

*Российский государственный исторический архив.
Ф. 737. Оп. 1. Д. 35. Л. 23—28.*

**Копия с донесения Визитатора Сибирских училищ
гг. сенаторам по высочайшему повелению обзревающим
Западную Сибирь от 22 мая 1827 г.**

Благоугодно было Вашему Превосходительству и Вашему Сиятельству от 18 мая требовать моего мнения довольно было бы судя по пространству Сибири Западной и Восточной одного высшего училища какое в 1824 г. предполагалось учредить в Томске.

1. Преждевременность сего училища.

Во исполнение сего почтительнейшего предписания честь имею Вам милостивые государи донести что если пространство Сибири было основанием к учреждению двух отдельных по гражданской части управлений, то не смею думать, что бы также географическая причина долженствовала склонить к ответственному учреждению двух высших училищ в Сибири. Ибо в учебном отношении не удобство какое может произойти от прежней страны, есть одно то, что дети видных чиновников видели бы препону полутора тысячи верст между себя и высшего училища не удобство, которое бы могло быть в свое время облегчено или самим училищем или местным начальством при замечании отличных способностей в юношах.

На пути его рассмотрения еще встречается вопрос в прочем не ко мне принадлежащий нужно ли правительству чтобы все чиновничьи дети участвовали в высшем образовании?

Не видя других неудобств, которые бы могли препятствовать достижению цели одного училища. Если бы оно, когда либо состоялось в пользу Сибири, я долгом считаю представить в благоусмотрение Вашего Превосходительства и Вашего Сиятельства, что малая населенность страны, малочисленность училищ которые даже не по всем уездным городам еще открыты и самое число губернских гимназий которых только две в целой Сибири изменяют в настоящее время благим намерениям. Если бы сие намерение снова клонилось к предположению особых высших училищ в той и другой Сибири. Посему и в минувшем проекте центрального высшего в Томске училища, сколько мне известно предполагалось, прежде всего, открыть третью губернскую гимназию, дабы основанию главного училища дать больше широты и действия.

В подобных с ним уважениях и наипаче как в состав нескольких соседственных губерний местными обстоятельствами между собою сходствующих благословенной памяти императора Александра 1803 года 24 января наименовал места для высших учебных заведений и предназначил для всей Сибири один университет в Тобольске, при том не раньше как откроются к тому способы (13 и 14 предвар[варительных] правил)⁵⁵. Вероятно, что совокупным соображением сего рода Министерство Народного просвещения затруднилось исполнить недавний проект учреждения высшего в Сибири училища.

2. Простейшее в замене того предположение.

Но как сверх определенного вопроса Вы милостивые государи изволили вообще требовать ближайших по сему предмету соображений то и дозвольте мне почерпнуть их в записке которую имел честь получить при Вашем предписании.

В сей записке господин генерал-губернатор Западной Сибири утверждает:

1. что с прекращением вызова приезжающих в Сибирь чиновников, которым дают прогоны и годовые не в зачет оклада, начальство не только не предусматривает никакой потфи для службы, но и признает за лучшее обратить сии суммы на образование сибирского благородного юношества как на дело предпочтительное;

2. что необходимо установить казенное содержание для сего юношества, как в губернских гимназиях, так и высшем училище. Из этих усмотрений проистекает: а) новая возможность где найти

сумму для казенного содержания воспитанников, согласив число с его возможностью, б) обязанность возвысить в сибирских губернских гимназиях способов учения дополнением наук прямо нужных для гражданской службы, прибавив в гимназическом курсе для дополнительных наук 2 года, в течении которых воспитанники сверх того больше утвердятся и в пройденных науках и сделаются больше достойными службы императорской.

Прилагая у сего проект к составу Тобольской губернской гимназии под буквою А и примерное исчисление суммы для предполагаемого устройства требующейся под буквой Б я полагаю мнением, что если по трехлетней сложности найдется, что в пользу приезжих чиновников ежегодно казна тратила 10 тыс., то можно будет на сию сумму в гимназии образовать 25 благородных воспитанников из сибирского юношества при удовлетворении других новых издержек. Если же казна тратила больше, то по мере возраставшего расхода можно будет облагодетельствовать большее число воспитанников (хотя ныне пользы при одной гимназии усиливается совокупить воспитанников). Хотя, нет пользы при одной гимназии усиливается совокуплять воспитанников из всей Западной Сибири.

Последнее ограничение, помещенное в пользу бедных родителей которых Бог наделил детьми мужского пола я осмелился приблизить к Вашему вниманию в том намерении, что, может быть, когда Ваше Превосходительство и Ваше Сиятельство изволят обозреть Томск за благо признаете ходатайствовать об Учреждении в сем значащем городе губернской гимназии, а с тем вместе и оставлении казенных воспитанников из тамошнего благородного юношества.

Для убеждения Правительства в необходимости образовать сибирское юношество не повторяя причин по основанию в приложенной записке со всею полнотою изложенных я ограничился одним долгом предоставить Вашему превосходительству и Вашему Сиятельству план учебного образования удобно исполненной и не требующей нарочитых расходов.

Подлинное подписал:

Визитатор училищ Сибирских губерний Петр Словцов.

*Российский государственный исторический архив.
Ф. 737. Оп. 1. Д. 35. Л. 30—32 об.*

Примечания

- ¹ Полный свод законов Российской империи. Т. 4. СПб., 1830. Ст. 2218.
- ² Софронов В.Ю. Культурное наследие Западной Сибири. Екатеринбург, 2007. С. 75.
- ³ Полный свод законов Российской империи. Т. 16. Ст. 12.267.
- ⁴ Светличная Л.И. Преобразовательные планы и административная деятельность Сперанского в Сибири (1819—1822 гг.): Автореф. дис ... канд. ист. наук. М., 1952; Прутченко С.М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. Т. 1, 2. СПб., 1899; Парусов А.И. Ревизия и реформа аппарата управления Сибири в 1819—1822 гг. // Уч. зап. Горьковского ун-та. 1964. Вып. 72. Т. 1. С. 41—92; Корнилов В.А. М.М.Сперанский — генерал-губернатор Сибири. Политика царизма в Сибири в XIX — начале XX в. Иркутск, 1987; Кодан С.В. М.М.Сперанский и кодификация сибирского законодательства // Политика самодержавия в Сибири XIX — начала XX века. Иркутск, 1988. С. 114—123.
- ⁵ Волчек В.А. Некоторые вопросы введения Сибирского учреждения 1822 года // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII — начала XX века: Сб. мат-лов регион. науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 232—238.
- ⁶ Прутченко С.М. Сибирские окраины... Т. 2. СПб., 1899. С. 45—48.
- ⁷ Блинов А.В. Принципы государственной политики в области управления образованием на территории Западной Сибири в XIX — начале XX века // Роль государства... С. 289—295.
- ⁸ В 1820 г. для постоянного осмотра училищ Томской, Тобольской, Казанской, Пермской, Вятской губерний была учреждена должность визитатора. Указом 1828 г. учебные заведения Западной Сибири были переданы под управление местным гражданским губернаторам. Должность визитатора при этом упразднена, см.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: (1825—1881). Т. 3. Закон № 2502.
- ⁹ Муравцева Э.В. Отражение социально-политической ситуации на Урале и в Западной Сибири в вольной русской печати А.И.Герцена и Н.П.Огарева. 1857—1867 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003.
- ¹⁰ Отчеты и материалы по ревизии сенаторов В.К.Безродного и Б.А.Куракина были частично опубликованы. См.: Прутченко С.М. Сибирские окраины... Т. 2. Приложения V, IX; Суворова Н.Г. Источники по истории организации и правовой регламентации органов самоуправления государственных крестьян Западной Сибири (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.) // Вестник Омского ун-та. 1998. Вып. 1. С. 59.
- ¹¹ Донесения князя Куракина // Декабристы. Неизданные материалы и статьи / Под ред. Б.Л.Модзалевского и Ю.Г.Оксмана. М., 1925. С. 99—127.
- ¹² Бантыш-Каменский Н.Н. Шемякин суд в XIX столетии // Русская старина. 1873. Т. 7. № 6. С. 735—784.

¹³ Из воспоминаний первого Омского областного начальника С.Б.Броневского / Под. текста к публ. и коммент. А.В.Ремнева // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея / Сост. П.П.Вибе, Т.М.Назарцева; науч. ред. П.П.Вибе. 1999. № 7. С. 276—299.

¹⁴ Встреча ревизоров с партией ссыльных, в которой находился Лорер, произошла не в Иркутске, а в Тобольске, вероятно, в мае 1827 г. См.: Модзалевский Б.Л. Декабристы на пути в Сибирь. Донесения сенатора Б.А.Куракина, 1827 // Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М., 1925.

¹⁵ Миненко Н.А. Отношение государственных крестьян Урала и Западной Сибири к местной бюрократии в первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. С. 43—52.

¹⁶ Конев А.Ю. О включении ясачных в сословие государственных крестьян (на материалах Западной Сибири) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 3(66). Сер. гуманитарные науки (история). 2007. № 3. С. 14.

¹⁷ Юшковский В. По старой памяти: «воруют-с!». URL: news.vtomske.ru

¹⁸ Саражина Р.Г. Судебная система в Западной Сибири в имперской политике в конце XVIII — середине XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011. С. 10—11.

¹⁹ Мозжегорова Н.В. Градостроительные традиции XVI — начала XIX вв. в историко-архитектурном наследии северо-западной Сибири: Дис. ... канд. искусствоведения. Барнаул, 2006.

²⁰ Афанасьев П.А. Использование ревизионных форм контроля в горном округе Западной Сибири в XIX веке // Исторический ежегодник. 2007. С. 160.

²¹ Прутченко С.М. Сибирские окраины. СПб., Т. 1. 1899. Прилож. I. С. 23; Суворова Н.Г. Материально-финансовая база органов крестьянского самоуправления. По материалам ревизий западносибирских волостей первой половины XIX в. // Электронный журнал «Сибирская Заимка». 2001. № 8. 29 ноября.

²² Шишков Александр Семёнович (1754—1841) — русский писатель, военный и государственный деятель, государственный секретарь и министр народного просвещения. Один из ведущих российских идеологов времён Отечественной войны 1812 г., известный консерватор, инициатор издания охранительного цензурного устава 1826 г. Президент Российской академии, филолог, адмирал.

²³ Безродный Василий Кирилович (1768—1847) — действительный тайный советник, сенатор. За сибирскую ревизию Безродный получил бриллиантовые знаки ордена св. Анны 1-й степени (10 октября 1828 г.).

²⁴ Куракин Борис Алексеевич (1784—1850) — русский дипломат и чиновник (камергер, сенатор) из княжеского рода Куракиных, к концу жизни сосредоточивший в своих руках все имущество этого рода.

²⁵ Главное правление училищ (1802—1863) первоначально (до января 1803 г.) называлось комиссией об училищах. Состояло из попечителей университетов и учебных округов, а также особо назначенных императором членов. Работало под председательством министра народного просвещения. В 1803 г. были образованы канцелярия Главного правления училищ и контора Главного правления училищ, занимавшаяся управлением доходами главного правления. В 1808 г. на основе одной из экспедиций конторы и канцелярии был создан хозяйственный комитет.

²⁶ Муравьёв Николай Назарьевич (1775—1845) — археолог, статс-секретарь Николая I, сенатор. Участник Отечественной войны 1812 г.

²⁷ Повеление Императора.

²⁸ Имеется в виду император Александр I (1801—1825).

²⁹ Капцевич Пётр Михайлович (1772—1840) — государственный деятель, генерал-губернатор Западной Сибири с 22 июля 1822 г. г. по 25 июля 1827 г.

³⁰ 22 июля 1822 г. Александр I утвердил «Учреждение для управления Сибирских губерний» и девять уставов и положений, образовавших комплекс законов Сибирской реформы 1822 г.: Указ Сенату «О преобразовании сибирских губерний по новому учреждению», Учреждение для управления сибирских губерний, Устав об управлении инородцев, Устав о сибирских киргизах, Устав о ссыльных, Устав об этапах в Сибирских губерниях, Устав о содержании сухопутных сообщений в Сибири, Устав о сибирских городских казаках, Положение о земских повинностях в сибирских губерниях, Положение о казенных хлебных запасных магазинах, Положение о разборе исков по обязательствам, заключаемых в сибирских губерниях обывателями разных сословий и Указ начальнику Главного штаба «О распоряжении для приведения в действие Устава этапных команд». Наиболее характерной чертой этого комплекса законодательных актов было стремление обеспечить «привязку» общих принципов и имеющихся норм к законодательному регулированию вопросов управления и использования для решения общероссийских задач. Законодательство Сибирской реформы поражает своим объемом и высоким для того уровня законодательной техники качеством изложения правовых положений. Его нормы были изложены в 4019 параграфах законодательных актов Сибирской реформы.

³¹ Тобольская мужская гимназия, первая в Западной Сибири, основанная в 1810 г.

³² Иркутская мужская гимназия, основанная в 1805 г. Ученики гимназии, кроме предметов, изучавшихся в подобных учебных заведениях России, имели возможность получать знания по навигационному делу, которые были необходимы в морских экспедициях по северным морям и в путешествиях к американским берегам. Знания навигационного дела были нужны и для развития судоходства на Байкале. При гимназии существовал «японский класс» (один из первых в России), состоявший из нескольких учеников. Преподавали здесь «природные японцы», моряки с кораблей, потерпевших бедствие у северо-восточных берегов России.

³³ Восточно-Сибирское генерал-губернаторство — крупная военно-административная единица Российской империи в 1822—1884 г. По своему центру иногда также называлось Иркутским генерал-губернаторством, которое исторически возникло позже. Александр Степанович Лавинский (1776—1844) — российский государственный деятель начала XIX в., сенатор, член Государственного совета, действительный тайный советник. С 23 марта 1822 г. занимал должность генерал-губернатора Восточной Сибири («Иркутского губернатора»).

³⁴ Впервые область была образована в 1822 г. во время реформ графа М.М.Сперанского. Первоначально делилась на внутренние (Омский, Петропавловский, Семипалатинский, Усть-Каменогорский) и внешние, населённые казаками-козачниками, округа.

³⁵ Министерство народного просвещения (МНП) — центральное государственное учреждение в Российской империи, руководившее учреждениями народного просвещения и науки. Существовало в 1802—1817 и 1824—1919 гг. В 1817—1824 гг. находилось в составе Министерства духовных дел и народного просвещения.

³⁶ Здесь, вероятно, неточность, см. предыдущее примечание.

³⁷ Сибирский комитет образован в 1821 г. для рассмотрения отчета графа Сперанского по обозрению Сибири. В состав его вошли сам Сперанский, графы Аракчеев, Гурьев и Кочубей, князь Голицын и государственный контролер барон Кампенгаузен. В этом комитете было рассмотрено новое устройство всех частей управления Сибирью, выработанное Сперанским и Высочайше утвержденное 22 июля 1822 г. Одновременно продолжено было и существование самого комитета, получившего название сибирского, но лишь на время, пока не закончено будет переустройство Сибири. Фактически Сибирский комитет сделался специальным учреждением для рассмотрения законопроектов, «до Сибири относившихся»; в прямые отношения к нему поставлены были и генерал-губернаторы Сибири, которые в Комитет вносили и свои всеподданнейшие отчеты. В 1838 г. Сибирский комитет был закрыт, а все дела, поступавшие в него, повелено было вносить в Государственный совет и Комитет министров.

³⁸ Казанский университет был создан в 1804 г. и до Февральской революции 1917 г. назывался Императорским Казанским университетом.

³⁹ Барнаул был основан в 1730-х гг., статус города приобрел с 1771 г.; расположен на юге Западной Сибири в месте впадения реки Барнаулки в Обь.

⁴⁰ Русская духовная миссия в Пекине — церковно-политическое представительство Российской церкви и государства, действовавшее в Пекине в XVIII—XX вв. Деятельность миссии была организована в соответствии с внутри- и внешнеполитическими интересами и задачами России. Она играла важную роль в установлении и поддержании российско-китайских отношений, была центром научного изучения Китая и подготовки первых русских синологов.

⁴¹ Демидов Павел Григорьевич (1738—1821), сын Григория Акинфиевича, правнук Никиты Демидовича; образование получил в Гёттингенском университете и Фрейбергской академии. Много путешествовал по Западной Европе. «За обширные познания в натуральной истории и минералогии» Екатерина II пожаловала его в советники берг-коллегии. Находился в переписке с Линнеем, Бюффеном и другими иностранными учеными; составил замечательную естественнонаучную коллекцию, которую вместе с библиотекой и капиталом в 100 000 руб. подарил Московскому университету (1803 г.). В 1803 г. на пожертвованные им средства (3578 душ крестьян и 120 000 руб.) основано Демидовское высших наук училище (затем Демидовский юридический лицей). В 1805 г. он пожертвовал для предполагаемых университетов в Киеве и Тобольске по 50 000 руб.; тобольский капитал к 80-м годам возрос до 150 тыс. руб. и пошел на учреждение Томского университета, в актовом зале которого поставлен портрет Демидова.

⁴² Томский острог был основан на южном мысу Воскресенской горы, возвышающейся над правым берегом Томи, в 60 км от её впадения в Обь и недалеко от устья таёжной речки Ушайки. К 7 октября 1604 г. все строительные работы

были завершены. В начале XIX в. город превратился не только в административный, но и культурный и экономический центр юга Западной Сибири.

⁴³ Департамент Государственного казначейства был создан 15 февраля 1821 г. в структуре Министерства финансов.

⁴⁴ Кольвано-Воскресенский (Кольванский) горный завод — предприятие мануфактурного типа по производству чёрной меди на базе алтайских руд; в XVIII в. принадлежало А.Н.Демидову. Первый — Локтевский завод (Кольвано-Воскресенский медеплавильный), сооружённый в 1725 г. приказчиком А.Н.Демидова Д.Семёновым у р.Локтевка на меднорудном месторождении, в 1727 г. перенесён на р.Белая и пущен 21 сентября 1729 г.

⁴⁵ Чаны — бессточное солёное озеро, расположенное в Барабинской низменности, самое крупное озеро в Западной Сибири. Своё название получило от слова *чан* (тюрк.) — сосуд больших размеров. Озеро имеет 91 километр в длину, 88 километров в ширину. Площадь озера непостоянна, в настоящее время по различным оценкам составляет от 1400 до 2000 км². Средняя глубина — около 2 метров.

⁴⁶ Словцов (Слопцов) Пётр Андреевич (1767—1843) — историк Сибири, поэт; был учителем в Тобольской духовной семинарии, с 1815 г. — директор гимназии в Иркутске, с 1821 г. — инспектор (визитатор) народных училищ Сибири. За время его работы в этой должности число учащихся в округе увеличилось с 600 до 2000 человек. В 1824 г. Словцов был награжден орденом Св. Анны 2-й степени с алмазами, а в 1826 г. произведен в действительные статские советники. Последние годы жизни провел в Тобольске, получая пенсию, назначенную 24 сентября 1829 г. при содействии М.М.Сперанского.

⁴⁷ Первую Томскую гимназию открыли при императоре Николае I в 1838 г. Она не занимала поначалу специально построенного здания, а открылась в бывшем доме купчихи Е.Хлебниковой. В первую в Томске гимназию принимали только мальчиков. Когда появилась женская гимназия (1863), прежнюю стали называть Томской мужской гимназией.

⁴⁸ «Ст. 24. Ни в какой губернии, спустя пять лет по устройении в округе, к которому она принадлежит, на основании сих правил училищной части, никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище». См.: Указ Правительствующему сенату от 24 января 1803 г. «Об устройстве народных училищ» («Предварительные правила народного просвещения») // Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1803. № 1. С. 1—21; То же. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1875. С. 13—21.

⁴⁹ Указ Александра I Сенату от 6 августа 1809 г. «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники» установил порядок производства в гражданские чины коллежского асессора (8-й класс) и статского советника (5-й класс). Эти чины, которыми в значительной степени обуславливалось назначение на должности, приобретались не только заслугой, но и простой выслугой, то есть установленным сроком службы. Новый указ запретил производить в эти чины служащих, которые не имели свидетельства об окончании курса в одном

из российских университетов или не выдержали в университете экзамена по установленной программе, которая и была приложена к указу. По этой программе от желавшего получить чин коллежского асессора или статского советника требовалось знание русского языка и одного из иностранных, знание прав естественного, римского и гражданского, государственной экономики и уголовных законов, основательное знакомство с отечественной историей и элементарные сведения в истории всеобщей, в статистике Русского государства, в географии, даже в математике и физике. (Полное собрание законов Российской империи. Т. 30. СПб., 1830. № 23771; Рождественский С.В. Материалы для истории учебных реформ в России XVIII—XIX веках // Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Ч. 96. Вып. I. 1910. С. 374—379.

⁵⁰ Тобольская губернская гимназия: историческая записка о состоянии Тобольской гимназии за 100 лет ее существования. 1789—1889. Тобольск, 1889.

⁵¹ Ишимское уездное училище — первое светское учебное заведение города — было открыто в 1817 г. Для нужд училища купец 2-й гильдии Ф.Еманков приобрел и пожертвовал дом, см.: Дворяшин Ю.А. У истоков народного образования // Ишим далекий — близкий. Ишим, 1997.

⁵² Мисюров А.И. Столетие Томского уездного училища (историческая записка). Томск, 1889.

⁵³ В 1820-е гг. было решено сделать ремонт здания, где размещалась гимназия, построенное еще в XVIII в. как жилое, поэтому на время гимназические классы были переведены в дом купца Ф.Кремлева. Несмотря на все переделки в здании, оно оставалось тесным, поэтому в 1825 г. был куплен соседний с гимназическим зданием дом купца А.Зеленцова с флигелем.

⁵⁴ Мусин-Пушкин Михаил Николаевич (1795—1862) — граф, военный и общественный деятель, действительный тайный советник, почётный член Российской академии наук. Исполнял обязанности попечителя Казанского учебного округа с 24 февраля 1827 г., утверждён попечителем 16 марта 1829 г.; 15 апреля 1845 г. перемещён попечителем Петербургского учебного округа.

⁵⁵ «13. Училища нескольких соседственных губерний, сходствующих между собою в местных обстоятельствах, составят особый округ.

14. В округах учреждаются Университеты для преподавания наук в высшей степени; ныне назначается их шесть, а именно: кроме существующих уже в Москве, Вильне и Дерпте учреждаются в округе Санкт-Петербургском, в Казани и в Харькове, в уважение патриотического приношения, предложенного Дворянством и гражданством сей губернии. За тем предназначаются для университетов города; Киев, Тобольск, Устюг Великий и другие, по мере способов, какие найдены будут к тому удобными. Округи сих последних составятся в свое время из ближайших губерний». См.: Именной указ, данный Сенату от 24 января 1803 г. «Об устройстве училищ» // Полное собрание законов. 1. Т. XXXVII. № 20597.

Глава 4

«СИБИРЬ ЕСТЬ НАСТОЯЩАЯ ОТЧИЗНА ДОН-КИХОТОВ»: М.М.СПЕРАНСКИЙ И ЕГО СИБИРСКОЕ ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ

С самого начала «Сибирского взятия» открывшиеся природные богатства Сибири и перспективы их использования потрясли воображение современников. Но на протяжении столетий явные диспропорции во взаимоотношениях центра и сибирских окраин являли собой некую «диссонантную» закономерность развития российской государственности, импульс чему был векторно задан еще с момента присоединения. Власть стремилась решить ряд масштабных проблем Европейской России за счет Сибири с помощью военно-бюрократических методов управления этим регионом. Участник посольства в Китай небезызвестный Ф.Ф.Вигель довольно проницательно оценивал характер отношения правительства к этому гигантскому краю: «Беспечная Россия всегда смотрела на Сибирь, как богатая барыня на дальнее поместье, случайно ей доставшееся, куда она никогда не заглядывала, управление коего совершенно вверено приказчикам, более или менее искусным. Поместье всегда исправно платит оброк золотом, серебром, железом, мехами...; о нравственном и политическом состоянии его она мало заботится»¹.

Российские и европейские ученые открыли Сибирь в качестве объекта научно-исследовательских изысканий и географических экспедиций; землепроходцы и промышленники видели в ней «золотое дно» и «шкатулку с драгоценностями»; крестьянство — земельные надель, свободные от помещиков; раскольники — «ратоборцы» — обитель «древлего благочестия». Со временем Сибирь приобрела печальную славу «места ссылки каторжников»², где «от тюрьмы да от сумы» никто и никогда, как убедился в этом на собственном опыте реформатор М.М.Сперанский, не был застрахован.

Его судьба предстает сплавом обстоятельств и Провидения; разочарований и железной воли; взлетов и падения; стремления

служить России и закономерного одиночества для таких, как он; умения ценить жизнь и людей и понимания несовершенства человеческой природы. Он принадлежал к тому типу личностей, которые с неизбежностью становятся «историческими», хотя дешифровка последнего представляет собой очередную историко-софскую «головоломку». «Великий реформатор», «надежда семинарии»³, «Вольтер в православно-богословской оболочке», «этот дрянной попovich» и многие другие противоречивые характеристики принадлежат фигуре Сперанского. Даже современники сводили портретную палитру до черно-белого диссонанса, растушевывая самые «затененные» места. Со слов хорошо знавшего реформатора престарелого Г.С.Батенькова, в дневнике потомка декабриста А.П.Беляева 2 августа 1854 г. появилась запись: «Воспоминания о М.М.Сперанском не отстают..., но говорить о нем я не люблю. Лицо это принадлежит к явлениям весьма редким, о которых всегда лучше молчать, нежели разглагольствовать не вовремя и не умно...»⁴.

О том, что М.М.Сперанский был обречен на исключительно пристрастное к себе отношение, говорил, в частности, в роковой для реформатора час обвинения в предательстве в своем письме к Александру I от 16 декабря 1811 г. незаслуженно забытый ныне академик Г.Ф.Паррот⁵. Призванный на аудиенцию к императору «спросить совета в отношении неблагодарного Сперанского», он не считал возможным тотчас «высказаться» о своем неизбежном оппоненте, а дал ответ лишь на следующий день в форме письма, где почти «одернул» императора: «Не забывайте, ... Сперанского ненавидят потому, что Вы его так высоко возвели»⁶.

М.М.Сперанский, сначала обласканный властью, со временем сделался объектом подметных писем и пасквилей, дипломатических интриг и анекдотов, мемуаров и записок совершенно не знакомых с ним людей, о чем в письме В.П.Кочубея от 27 июля 1816 г. М.М.Сперанский слышит: «Неприятелей вы имеете кучу»⁷. Проницательный А.И.Герцен увязывал провал деятельности реформатора с его социальными корнями, указывая, что, по сути, М.М.Сперанский был «бельмом в глазу у всех — его равно не мог переваривать ни один из умнейших сановников того времени, ни вольтерьянец Ростопчин, ни екатерининский вельможа»⁸. Это же открыто признавал историограф М.А.Корф в своем сочинении

о М.М.Сперанском, процитировав фрагменты письма самого реформатора, развивавшие ту же тему⁹.

Спустя почти сорок лет после смерти реформатора в «Записной тетради» 1876—1877 гг. Ф.М.Достоевского оказались неожиданные и весьма грубые ремарки-характеристики: «Семинарист, ... от попа оторвался, а к другим сословиям не пристал, несмотря на все желание. ... По образованию проеден самолюбием и естественно ненавистью к другим сословиям, которые хотел бы раздробить за то, что они не похожи на него. В жизни гражданской он многого ... не понимает, потому что в жизни этой ни он, ни гнездо его не участвовали...»¹⁰. Стойкое неприятие личности М.М.Сперанского даже такими людьми, как великий романист, действительно оставляет впечатление некой загадки феномена этого государственника.

Упомянутый Ф.Ф.Вигель в третьей части своих «Записок» издевательски замечал: «Придавленные им дворянчики не захотят продолжить службу; пройдет немного времени — и управление целой Россией будет в руках семинаристов»¹¹. Действительно, именно «поповичи» и сформировали в XIX в. модель государственной власти, которая из рук одного из них — М.М.Сперанского — получила свое кодификационно-правовое оформление, а усилиями другого — адепта самодержавия К.П.Победоносцева — теоретическое обоснование консервативно-охранительного направления русской общественно-политической мысли, которое, напротив, свернуло модернизационный ресурс государственности¹².

Необъяснимый вираж судьбы М.М.Сперанского с *закономерным падением* в сибирскую бездну и *парадоксально-феерическим воскрешением* на политическом олимпе — по существу лицо самого русского «сфинкса самодержавия», так трагически непоследовательно пытавшегося сделать цивилизационный выбор между прошлым и будущим. Это был самоубийственный и романтически вдохновенный порыв элитарной власти совершить невозможное: совместить весьма громоздкую, но устойчивую «ось самодержавно-политических координат» с непредсказуемым итогом возможного реформационного броска, для чего и был приглашен Сперанский. А затем, что было вполне ожидаемо, — все-таки отступить перед решающим выбором. За власть это сделали позже декабристы, но с тем же итоговым результатом.

Между тем судьба реформатора набирала исторические обороты именно после возвращения из сибирской ссылки, когда был вновь востребован его талант и удивительное трудолюбие для решения сложнейшей из задач по кодификации российского права, которого в основе своей ранее не существовало: были лишь разрозненные и бессистемные узаконения, созданные на базе «приказной логики» прошлых веков. В письме В.П.Кочубея от 9 июля 1823 г. прозвучит мысль о том, что его собственное «воображение ... не распространяется так далеко», как у Сперанского: «Прошли времена мечтаний и остается мне уже доживать только кое-как». Но реформатору он отводит в будущем исключительную роль, подчеркивая, что и Аракчеев солидарен с ним: «Величайшую услугу окажете вы отечеству изданием Уложения и приобретете себе бессмертную славу»¹³.

Столь бурная судьба не позволила М.М.Сперанскому написать мемуары, которые могли бы дать его противникам дополнительные аргументы «contra». Зато оказался сохраненным немалый эпистолярный архив, пополнявший всю его жизнь, но интриги с его дешифровкой почти не произошло¹⁴. Малоизвестные письма-трактаты Ш.М.Талейрану, эпистолярные послания редким, не отвернувшимся от него в трагические годы ссылки друзьям — Х.И.Лазареву, П.Г.Массальскому, П.А.Словцову, А.А.Столыпину, дочери — Елизавете Михайловне, императорам Александру I и его брату Николаю I, видным сановникам А.А.Аракчееву, С.С.Уварову, С.Ф.Голицыну, В.П.Кочубею — каждое из них по-своему несет на себе отпечаток его личностной и метафизической исключительности.

Правда, его переписку бывает сложно уложить в классификационные ряды с грифом «официальная», «частная», «дружеская», «интимная», «философическая». Сам статус этого человека в разные годы, меняясь, совмещал в письмах их стилистическую жанровость, создавая эпистолярное полотно, которое бывает непросто разговорить и понять, применительно к современным нашим реалиям. Динамичный стиль и «авторский голос» М.М.Сперанского размывают рамки эпистолярно-смысловой установки на диалог с адресатом, явно выходя за его границы и являя скорее пример самореферирования. Письма становились его единственным «духовным приютом» для разговора, прежде всего наедине

с самим собой. С годами менялись география почтовых штемпелей на письмах М.М.Сперанского и имена адресатов-корреспондентов, а также сама ритмика его эпистолярного слога.

Пережитый им катарсис ложных обвинений, отказанное ему объяснение с императором Александром I, демонстративная публичная ненависть, подогреваемая слухами о возможном его расстреле, унижения разного типа, вплоть до кидаемой вслед грязи, как это имело место в Перми, — надорвали не только душевное здоровье этого человека. Вся складывавшаяся вокруг него обстановка должна была раздавить своей «кармической тяжестью». *Именно переписка стала спасительным средством* сохранения личности в суровых условиях, особенно Сибири, встреча с которой для Сперанского была все-таки серьезным испытанием не только воли, но и умения отказаться от собственных взглядов и оценок, меняясь самому и видя вещи в истинном их свете, особенно в условиях несвободы.

Философский стиль обращал его письма в беседу или, напротив, в нескончаемый монолог, создавая «акустическое» пространство, где логика критического мышления политика пластично уступала место дружескому участию и благодарности просто одинокого человека. И хотя эпистолярная стилистика со временем менялась, в них все-таки ощутимо присутствовали «горизонты потенциально публичного» человека, которого даже отставка и ссылка не могли сделать «частным» лицом. Но по сравнению с его деловым языком образность в письмах приглушена: здесь отсутствуют броские сравнения и эффектные авторские пассажи, как в письмах его более честолобивых современников, поскольку цель его посланий иная — быть *услышанным и понятым*, скорее всего, не современниками. Подобная эпистолярная «рекогносцировка» сохранится до конца жизни, к рубежу которой он подойдет поразительно одиноким, хотя вновь таким же нужным России.

В его архиве сохранились и эпистолярные раритеты с «сибирской пропиской», относящиеся к началу 1820-х гг., — письма основателя «Сибирского вестника» Г.И.Спасского. Будучи лично знакомым со Сперанским, этот энтузиаст-просветитель, сам родом из Рязанской губернии, активно интересовался деятельностью реформатора на посту сибирского генерал-губернатора,

информируя читателей о наиболее значимых событиях, как например, открытия в Тобольске Совета Главного Управления Западной Сибири¹⁵. Уехав за Урал необразованным двадцатилетним юношей, будущий сибирский просветитель, став горным инженером, оказался талантливым собирателем и публикатором уникальных источниковых материалов, в том числе знаменитой Строгановской летописи, введя в научный оборот Есиповскую. Эти материалы вызвали повышенный интерес историка Н.М.Карамзина и поэта А.С.Пушкина, а личность самого краеведа и его археографическая деятельность — внимание последующих поколений историографов¹⁶.

Полагаем, М.М.Сперанский был знаком с материалами журнальных публикаций Спасского. Во всяком случае некоторые «развернутые во времени» впечатления реформатора о Сибири, которыми он делился в письмах прежде всего с дочерью Елизаветой Михайловной, по «сюжетной тональности» и некоторым образно-оценочным характеристикам, при сопоставлении с аналогичными размышлениями Г.И.Спасского (особенно в части опровержения бытующего о Сибири представления как крае, где «невозможно жить», соседствуя с «дикими народами»), невольно вызывают, хотя и не прямые, но некоторые логические параллели. Так, в «Сибирском вестнике», говоря о *старожилах* и *ссылных*, автор подчеркивает особую доброжелательность, приверженность к вере и гостеприимство *первых*. Оппонируя выводам работы «Статистическое обозрение Сибири»¹⁷ с их акцентом на диких нравах населения и особом «имидже» Сибири как символе возмездия, страха, злодейства, угрызений совести и поругания невинности, Спасский тем не менее цитирует того же автора с его характеристикой *вторых*, которые «ведут себя порядочно и редко слышно о каких-либо от них шалостях. Многие из жителей имеют к ним доверенность, обходятся с ними ласково, держат их в своих домах и поручают им разные дела...»¹⁸.

У Сперанского та же самая тема становится одним из принципиально важных методологических оснований пересмотра прежних опасений, штампов и оценок Сибири и ее жителей — «вольных и невольных». Более того, по словам самого опального политика, Сибирский край для него оказался настоящим открытием, где, как он пишет своей дочери в мае 1819 г., «любезная моя Елизавета,

то же небо, тот же благодатный свет солнечный, те же люди, смешение добра и зла, тот же Отеческий Промысел, объемлющий все пространства, сближающий меня с тобой во всех расстояниях...». С другой стороны, подчеркивает он, «те же пороки; те же глупости, то же терпение в бедных и своекорыстие в богатых. Различие только в том, что здесь ... всем жить широко, земля довольно хороша, следовательно, бедных меньше». Но прежде всего Сибирь, как иронично замечает М.М.Сперанский, это «прекрасное место для ссылочных», и лишь потом — «выгодное для некоторой части торговли, любопытное и богатое для минералогии; но не место для жизни и высшего гражданского образования...»¹⁹.

Письма к дочери (в замужестве Фроловой-Багреевой) были для него настоящей «отдушиной»: автор знал — его всегда поймут. Но данный эпистолярный ряд источников отличен от всего того, что выходило из-под пера Сперанского к его *своим другим*. Адресат выступает здесь как тот самый *значимый другой*, кому можно открыть свою душу *напрямую*. В противном случае — можно «быть услышанным», но не без того, чтобы не оказаться в очередной раз преданным. Поэтому стилистика писем, обращенных к родной для него душе, «смягчена», она «плавна», без надрыва и горечи, все сжигающей. Но само их содержание свидетельствует о том, что юная Елизавета Михайловна вполне владела тем уровнем понимания, за которым скрывались философско-дидактические откровения или даже скрытые планы содержания писем. Адресат «внутренним зрением» прочитывал, ЧТО или КТО стоит за философским силлогизмом, как в случае с многозначительной фразой-ремаркой ее отца о невозможности любить того, «кому мы совсем не нужны, кому ничем угодить не можем»²⁰.

Эпистолярные обращения к дочери исключительны по своей значимости для понимания реформатора в критическую для него пору, когда рождался новый Сперанский — не тот, брызжущий энергией действия в светлый период его либеральных надежд и воспринимавший мир все-таки линейно, или другой Сперанский, почти потерявшийся в море окружавшей его в ссылке ненависти и желания любым способом унизить. Теперь он вполне отдавал себе отчет о мере ответственности за «возможное возвращение» в ту ЖИЗНЬ, где уготовано ему вновь вернуться в круг общения

с людьми, ставшими причиной его трагедии, но при этом не опуститься до обычной «сановной» логики поведения — мести²¹.

Время врачевало душевные раны, и у Сперанского за плечами крепили крылья. В письме к дочери из Тобольска от 7 июня 1819 г. он сообщает: «Я окружен здесь хлопотами; а ты знаешь, как ненавижу я всякую хлопотливость. Не дела, а безделки, через кои надобно пройти к делам, неприятны; **НО Я ВИЖУ БЕРЕГ** (выделено нами. — *Н.С.*)...». Удручало лишь одно. В дорожных письмах из Тобольска (от 14 июня, 20 июня, 25 июня 1819 г.), Томска (10 июля 1819 г.) и, наконец, Иркутска (2 сентября 1819 г.) рефреном звучит **ОДНА** мысль: «...Зима в Иркутске будет последнею эпохою моего удаления; с весной я начну обратный путь»; «...Сам думаю только о возврате»; «...Но сердце мое сжато и не прежде раскроется, как при обратном отсюда путешествии». Хотя в письме от 5 сентября 1819 г. он поражен: «Как велика земля Русская!» Но его «убивает» единообразие «социальной физиономии» края, ставшего в хорошем и плохом слепком с отношений и нравов Центральной России. «Сие единство почти не понятно», — искренне поражен новый губернатор. И тут же объявляет о своем «великом моральном открытии» — намерении в будущем издать некие таблицы, «которые удивят, — по его словам, — просвещенную Европу», «доказывающие», что «у нас в двадцати тысячах едва можно найти одного преступника, да и то воришку маловажного; важных же нет ни на сто тысяч одного». И это — в той Сибири, которая «прекрасное место для ссылочных!» Позднее, в августе 1920 г., он вновь заметит: «Дай Бог, чтобы честные люди были так же добροхотны и кротки, как сии преступники. С последними можно жить, а с первыми трудно»²².

Сибирский тракт с окружающими его величественными красотоми природы рождали в нем осознание того, что «дух человеческий есть великан, коему все тесно». Из Иркутска он «укрупнит» эту мысль: «Душа наша есть неизследимая бездна. Мы забываем, что она есть дух: а дух не действует по законам времени». И поэтому именно здесь «противоречие между возможностью и делом разрывает сердце». «Томская губерния, — пишет он в письме от 24 июля 1819 г., — могла бы быть ... одной из лучших губерний в России; но худое управление сделало из нее сущий вертеп разбойников»²³. Сперанский невольно остается деятельным

управленцем и вдали от Петербурга, в роли, хотя и «смягченной» губернаторским назначением, но все еще далеко несвободной, хотя в письме от 1 августа того же года «кривит душой», заявляя: «Частным человеком может быть я нашел бы и здесь способ составить себе довольно сносный образ бытия; но никогда начальником. Слишком много ответственности и перед Богом и пред людьми и силы мои к сему совершенно недостаточны». Год пребывания в «сибирских снегах» дарит осознание, что это не мертвый край рабского Духа, как полагал он прежде. «Я думаю, — возражает сам себе Сперанский в письме от 23 июня 1820 г. к дочери, — Сибирь есть настоящая отчизна Дон-Кихотов»²⁴.

От письма к письму заметно крепнет его душевное здоровье. В письме от 25 ноября 1819 г. он наставляет дочь: «Помни мое правило о постоянном и неприметном созревании идей и способностей. ОПЫТ КАЖДЫЙ ДЕНЬ МЕНЯ В СЕМ УВЕРЯЕТ (выделено нами.— *Н.С.*)». Впоследствии, когда в мае 1820 г. наконец приходит долгожданный вызов в столицу, а затем срок оказывается «переброшенным» на март следующего года, у Сперанского готов вариант прошения об отставке, хотя он «исчислил» и надеется, что «отставки, вероятно, не дадут». Но даже если и «увольят от службы: ни ты, ни я ничего не потеряем. — Ничего Существенного. Время прошло, когда можно меня теснить по произволу: ибо всему есть конец, даже и народным заблуждениям, и моему терпению». И добавляет фразу, повторенную им не единожды раньше: «Публичное мнение у нас слабое; но существует. Оно же мне и нужно в самой малой мере и только для тебя», — подразумеваемая важность сохранения собственного доброго имени для репутации и судьбы дочери²⁵.

Возвращение «на круги своя» к роли «вершителя» судеб государственности было хоть и «сладостно», но полно ловушек, в том числе для собственной души, что прекрасно осознавал сам реформатор и о чем размышлял еще в Сибири. Чем ближе становился Петербург, тем больше был соблазн «смотреть на все сквозь собственное стекло свое и думать, что все ошибаются, когда видят иначе». Поэтому, заключал он в письме к дочери от 30 июня 1820 г., «в высших отношениях вечной истины лучше быть жертвою, нежели жрецом»²⁶.

Его письма, равно как и он сам, «прожили» тяжелую жизнь. Унизительные обстоятельства несвободы и издевательств не могли не сказаться на авторском голосе, на который была «наброшена смирительная рубашка», заставив в одних случаях декларативно «подыгрывать» власти, как, например, в письмах к Александру I, где звучит лесть в адрес одиозных военных поселений, в других — диссонантно смиренно и даже заискивающе почти назойливо просить о «помиловании» и возвращении из ссылки, как в случае с эпистолярным циклом, обращенным к А.А.Аракчееву. Сперанский умоляет этого «доброго пустынного», проживающего в «святой обители» не о содействии, но МИЛОСТИ оправдать себя либо по суду, либо «образом самым простым» — возможностью делом доказать свою невиновность²⁷.

Его «повторное» возвышение (правда, еще фактически в условиях ссылки, но уже в статусе сибирского генерал-губернатора), было действительно впечатляющей победой, обескуражившей современников почти наравне с полученной вестью о бегстве Наполеона с острова Эльба. В результате — лавина адресованных ему посланий от сановных вельмож, торопившихся засвидетельствовать свое личное почтение. 7 марта 1818 г. министр финансов граф Д.А.Гурьев с соблюдением всех эпистолярно-служебных канонов, теперь уже сам «просительно» делится со Сперанским информацией «по поводу открытия совета кредитных установлений», не забывая осведомиться: «Вы, конечно, примете участие в первоначальном и довольно успешном ходе нашей новой кредитной системы — удовлетворительно излагать правду, когда глубоко ее чувствуешь. ... Сделайте мне замечания ваши, ежели я в речи своей что-либо пропустил, или излишнее сказал. Я вас искренне о сем прошу и также искренне уверяю в отличном моем к вам почтении...»²⁸.

Год спустя, 23 апреля 1819 г., граф С.С.Уваров, литературную одаренность которого высоко ценил Сперанский, удостоил последнего, назначенного указом от 22 марта 1819 г. уже сибирским генерал-губернатором, пространным эпистолярным напутствием: «...Случай изъяснить вам, любезный и почтенный Михайло Михайлович, ...чувствования нелицемерного уважения... <...> Но я радуюсь душевно при мысли, что ... свет правосудия ... озарит сей огромной и прекрасной край нашего отечества. ... Позвольте ...

надеяться, что ваше пребывание в Сибири будет полезно и для науки. ...За особое удовольствие почту я войти с вами, если вы позволите, в сношение и по сему предмету». Чуть ниже, «кокотливо» поигрывая в либерализм и опускаясь до неприличного *moteton*, замечает: «В Иркутске вряд ли нам увидиться: разве восторжествует святая инквизиция, а бедных *hos liberales* отправят для исправления под вашу державу...». В дальнейшем эта переписка продолжилась. В письме от 1 декабря 1819 г. Уваров восстановит «классический» строй письма с его «высоким штилем»: «...Говоря о Сперанском, случилось мне сказать, что история Сибири делится на две ... эпохи: первая — от Ермака до Пестеля, вторая — от Сперанского до XX века... — Это моя мысль — и мое убеждение»²⁹. Спустя полгода «уваровская параллель» (Ермак — Сперанский), пришедшаяся, видимо, к душе честолюбивого Сперанского, «получила прописку» в письме к дочери от 1 февраля 1820 г.: «Если не много я здесь сделал: по крайней мере много осушил слез, утишил негодования, пресек вопиющих насилий и, что может быть еще и того важнее, открыл Сибирь в истинных ее политических отношениях. Один Ермак может спорить со мной в сей чести». Далее следует оговорка: «Все сие — разумеется, я пишу только к тебе и для тебя»³⁰.

Крайне впечатлительный от природы, Сперанский сумел выстоять в смертельном вихре придворных амбиций и, используя оружие, какое применялось и против него самого, выйти победителем. Но главная причина заключалась не в его коварстве или мастерски усвоенном интриганстве, как об этом часто рассуждали его современники. Рационализм его мышления, умение «шахматно» выстраивать собственную диспозицию, организаторский, научный дар и вера в свое историческое предназначение не оставляли места тем эмоциям, которые разрушают, а не создают личность. Особенно такую, как сам Сперанский.

Эпистолярный дискурс в чрезвычайных условиях политической опалы и ссылки сыграл в судьбе М.М.Сперанского поистине судьбоносную роль. Письма позволили достичь корреляционно-стереоскопического эффекта проекции личности, метафизически сложной и впечатлительной от природы, но, несмотря ни на что, сумевшей не только выстоять, но и фактически победить — силой интеллекта, понимания существа самодержавного механизма власти

и неизбежности компромиссов. Правда, цена последних оказалась чрезвычайно высокой, равно как и смысл «исторической рокировки» с властью, все-таки принявшей «условия» Сперанского, тем подтвердив справедливость афоризма Ф.Бэкона: «Время — лучший новатор».

Судя по письмам реформатора, он отнюдь не идеализировал себя самого, осознавая присущие ему слабости, хотя в некоторых позициях стремился «сохранить лицо» с помощью эпистолярно-философической практики. Не случайно его эпистолярная трактовка понятия «философия» напрямую выходит на онто-гносеологический уровень: он пытался, несмотря на враждебность общества, объясниться не столько с современниками, которые фактически (за редчайшим исключением) не слышали его, сколько, видимо, с потомками, «истинными судиями его дел». Поэтому он и называет нравственной философией науку познавать человека, надеясь хотя бы в будущем быть понятым, в том числе посредством письма, донеся свой голос, вступив в контакт с теми, кто, цитируя П.Я. Чаадаева, «лучше информирован».

Примечания

¹ Вигель Ф.Ф. Записки. Ч. 2. М., 1892. С. 197.

² Одними из первых «тобольское ссыльное» направление освоили, как ни странно, опальные представители рода Романовых.

³ Он происходил из беднейшей семьи сельского священника, не имевшей даже родовой фамилии. И уже в семинарии стал Сперанским (от лат. «spereare» — «надеяться»), оправдав фамилию всей своей, по большому счету, счастливой исторической судьбой с ее «крутизной исторического спуска», в которой были и стремительный взлет пусть одаренного, но безродного социального изгоя, и обвинение в государственной измене, и мысль императора Александра I, пусть и несколько театральная, о его расстреле, и роковая опала с фактической ссылкой в Сибирь, и вновь исторический виток с возвращением Сперанского на вершину реформационной деятельности уже при новом императоре Николае I.

⁴ Институт русской литературы. Пушкинский дом. Ф. 265. Оп. 2. Д. 10. С. 132.

⁵ См.: Сапожникова Н.В. Эпистолярный дискурс как социокультурный феномен: Россия — век девятнадцатый. Екатеринбург, 2003. С. 65—113; Сапожникова Н.В. В Письме я емь: Жизнь и философско-антропологическая судьба эпистолярного дискурса «русского» XIX века. Нижневартовск, 2006. С. 122—129.

⁶ Переписка Г.Ф. Паррота с русскими императорами // Русская старина. 1895. Апрель. С. 206, 207.

⁷ Корф М.А. Жизнь графа М.М. Сперанского: В 2 т. СПб., 1861. Т. 2. С. 470.

- ⁸ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1960. Т. 20. Кн. 2. С. 646.
- ⁹ Корф М.А. Жизнь графа М.М.Сперанского. Т. 1. С. 84.
- ¹⁰ Достоевский Ф.М. Записная тетрадь. 1976—1977. М., 1957. С. 254.
- ¹¹ Вигель Ф.Ф. Записки. Ч. 3. М., 1892. С. 102.
- ¹² Время поповичей в русской истории // Сапожникова Н.В. Эпистолярный дискурс... С. 85—149.
- ¹³ Письма В.П.Кочубея М.М.Сперанскому // Русская старина. 1902. Ноябрь. С. 302—303.
- ¹⁴ См.: Сапожникова Н.В. Эпистолярный дискурс... С. 65—113; Сапожникова Н.В. В Письме я есмь... С. 114—134, 184—206.
- ¹⁵ Сибирский Вестник. 1823. Кн. IV.
- ¹⁶ Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970; Анисимов К.В. Символика границы в текстах о Сибири XVI—XIX веков // Европейские исследования о Сибири. Томск, 2001. Вып. 3; Анисимов К.В. У истоков сибирской темы в русской литературе XIX века. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/u-istokov-sibirskoy-temy-v-russkoy-literature-xix-veka-zhurnal-g-i-spaskoggo-sibirskiy-vestnik>
- ¹⁷ Сибирский Вестник. 1820. Кн. VII—X; 1820. Кн. IX. С. 90—91.
- ¹⁸ Сибирский Вестник. 1820. Кн. IX. С. 91—93.
- ¹⁹ Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне. М., 1869. С. 8—10, 15, 17, 19.
- ²⁰ Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне. М., 1869. С. 73—74.
- ²¹ Хотя, заметим, ему все-таки это не всегда удавалось, как в случае с Г.Ф.Парротом, так и в случае с отставным к моменту возвращения М.М.Сперанского во власть А.А.Аракчеевым. См.: Сапожникова Н.В. В Письме я есмь... С. 122—129, 202—204.
- ²² Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне. С. 11, 34, 35, 192.
- ²³ Там же. С. 17, 24, 27, 65.
- ²⁴ Там же. С. 164.
- ²⁵ Там же. С. 63, 142—143.
- ²⁶ Там же. С. 74.
- ²⁷ Письма М.М.Сперанского // Русская старина. 1902. Октябрь. С. 51; 1901. Ноябрь. С. 370.
- ²⁸ Там же. 1902. Октябрь. С. 162.
- ²⁹ Там же. С. 36, 242.
- ³⁰ Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне. С. 106.

Глава 5

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ 1918—1920 гг. О НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ОБЛИКЕ И ДЕВИАНТНОМ ПОВЕДЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Периодическая печать белой Сибири (1918—1919 гг.), а также советские периодические издания конца 1919 — начала 1920-х гг. являются уникальным историческим источником, без обращения к которому невозможно воссоздать трагическую действительность Гражданской войны, духовно-нравственное состояние общества, социально-психологическую атмосферу тех эпохальных лет. Несмотря на действовавшие цензурные ограничения, особенно ценным в информационно-аналитическом плане являются газеты и журналы социалистического направления (эсеров и меньшевиков, народных социалистов), органы печати кооперативов, профсоюзов, самоуправления (городских дум и земств). Большое внимание нравственно-психологическому облику сибирской деревни уделяли также кадетская и церковная печать. Довольно ценная информация содержится в материалах периодических изданий местных органов власти (Временного Сибирского и колчаковского правительств).

При этом необходимо учитывать, что в белогвардейской прессе немало искажений, вымыслов, особенно при рассмотрении мотивов и целей антиколчаковской повстанческо-партизанской борьбы. Аналогичным образом можно охарактеризовать и советскую печать начала 1920-х гг., пытавшуюся с точки зрения официальной идеологии дать объяснение происхождения и характера повстанческого движения против коммунистов, за «чистую» советскую власть. Поэтому внутренняя критика источников, использование всего комплекса методов и приемов источниковедческого анализа газет и журналов являются необходимым условием при обращении к ним.

Революция и кровавая гражданская война представляют собой мощные факторы изменения поведения, деградировали людей в

морально-правовом отношении. К этому привели общество как голод, чрезмерные лишения и страдания, так и разрушение прежней системы нравственных ценностей, уничтожение сдерживающих, регулирующих поведение человека факторов.

Всплеск отклоняющегося поведения связывают, как правило, с состоянием социальной дезорганизации, аномии. Согласно одной из точек зрения, девиантное поведение — это продукт разочарования, безнадёжности, отчаяния и отчуждения от общепринятых институтов.

«Объявляя, — это особенно относится к революции, — писал известный социолог П.А.Сорокин, — моральные, правовые, религиозные и др. ценности и нормы поведения “предрассудками”, они тем самым: 1) уничтожают те тормоза в поведении, которые сдерживают необузданное проявление чисто биологических импульсов, 2) прямо укрепляют последние, 3) прямо прививают “антисоциальные”, “злостные акты”»¹.

«Известия рабоче-крестьянской инспекции» справедливо подчеркивали: «Русская революция — это не только всесторонняя ломка внешних форм жизни, это — коренной переворот во всех понятиях и нравственных нормах. Все сломы были в ней резки и грандиозны. ... Так было и в нравственном мире, и в душах»².

Несмотря на известную патриархальность, традиционализм крестьянского мировоззрения, и на сибирской деревне болезненно сказались революционное, анархическое разложение и духовное опустошение народа.

В письмах к читателям «Каменная мысль» задавала сакраментальный вопрос, рассматривая духовное содержание человека в Гражданскую войну с точки зрения теологии православного христианства: «...Почему в некоторые исторические моменты нарушается равновесие этой борьбы (“Здесь Бог борется с дьяволом, а поле — сердца человеческие”) и берет перевес дьявол?»³.

Газета «Алтай» в июне 1918 г. в весьма симптоматичной переписке «Эпоха крови и озверения» так откровенно определяла стержневые мотивы человеческой психологии в период Гражданской войны: «Несомненно, будущий историк назовет наше время эпохой крови и озверения. Мы теряем самое главное, самое дорогое, святое сознание, что каждое лицо есть, прежде всего, человек, личность и уже потом член той или иной группы, нации, расы.

Мы забываем, что каждый человек имеет одинаковые права. Мы готовы ненавидеть один другого и мстить по-звериному — кровью за кровь. Сознание затуманено. Мы не видим перед собою яркой цели — объединения человечества»⁴.

В период Гражданской войны произошло резкое обнищание западносибирской деревни. Известный исследователь истории Гражданской войны в Сибири Ю.В.Журов убедительно показал, что значительный материальный ущерб в период правления белых в Сибири понесли не только бедняцкие хозяйства, но и середняки, и даже кулаки⁵. А это обстоятельство не могло, в свою очередь, не сказаться на усилении роли материальных стимулов в социальном поведении сибирских крестьян, их моральном облике.

Деформированные стремления и влечения в наибольшей степени являлись характерными для мощного маргинального слоя фронтовиков, выбитых из жизненной колеи и ставших бесстрашными проводниками стихийного большевизма в западносибирской деревне. Механизм естественного социального сдерживания преступности оказался разрушен. По мнению историка А.Н.Зорикова, в это время уже трудно было провести чёткую грань между революционером и обычным нарушителем закона, между экспроприатором и грабителем⁶.

В годы Гражданской войны механизмы социально-правового регулирования поведения крестьянства, характерные для традиционной общины, подверглись еще более сильному разрушению. К тому же нравственная деградация структур колчаковского государственного аппарата, утрата социально значимых ориентиров приводили к непрерывному размыванию нравственно-ценностных установок в поведении как городского, так и сельского населения.

В условиях сильно пошатнувшегося авторитета власти, значительного ослабления государственно-политического контроля, на фоне всеобщего ожесточения нравов это приводило к разгулу разрушительных страстей в деревне, различным формам деструктивного поведения.

Подчеркнем, что нравственному разложению в западносибирской деревне подверглись в большей степени социальные группировки: а) уголовных, деклассированных элементов, б) только что вернувшейся с фронта молодежи, дезертиров, представлявших наиболее радикально настроенные деревенские слои и составлявших

первоначальное ядро повстанческо-партизанских отрядов, в) части зажиточного крестьянства, уездной и сельской буржуазии, распаленных собственническими инстинктами. В ряде мест к партизанским отрядам, например, примкнули и некоторые богатые крестьяне, которые грабили других состоятельных людей⁷.

Периодическая печать, в особенности Белой Сибири, является весьма ценным информационным источником по истории преступности в годы Гражданской войны.

«Буйным чертополохом» в жизни западносибирского крестьянства в Гражданскую войну вышли на поверхность узкоэгоистические, сугубо материальные интересы. «Чувство долга, гражданственности в деревне почти что совсем не знают, а вместо этого — на первый план выдвигаются личные интересы, шкурный вопрос»⁸, — подчеркивала газета «Приишимье».

«Наши интересы не идут дальше удовлетворения чисто животных потребностей. Ничто нас не возмущает, царит обывательщина и нет места гражданственности»⁹, — признавалась «Каменская мысль» в письмах к читателям.

Данные периодической печати свидетельствуют о том, что на всем протяжении Гражданской войны (особенно к осени 1919 г.) попеременно, то ослабевая, то усиливаясь, сибирскую деревню сотрясали волна кровавых, жестоких самосудов и грабежей, порубок и поджогов леса, убийств на почве мести, повальное самогонование и алкогольная зависимость; отмечались половая распущенность, заметное ослабление религиозно-нравственного чувства. Деревня как никогда замкнулась в узколичных, индивидуальных интересах, потеряла интерес к государственному строительству, довольно индифферентно, а иногда и враждебно относилась к возрождению земства в Сибири, считая его для себя излишней, обременительной ношей¹⁰.

Рост уголовной преступности был особенно характерен для районов (таких, как, например, Алтай), где наиболее остро проявлялся аграрный кризис, в большей степени ощущался недостаток земельных и лесных угодий, высоким являлся процент бедного и беднейшего крестьянства, и социально-имущественное расслоение населения стало очень контрастным. К тому же развитие массового повстанческо-партизанского движения, с его приливами и отливами, неизбежно приводило к ситуации безвластия.

Революция, беспощадно сметая на своем пути старые нормы жизни, разрушила и традиционные для деревни судебно-правовые учреждения, например, волостные суды. Колчаковская пресса постоянно выступала за восстановление судебных органов в сельской местности. В этих условиях неизбежной ответной реакцией на скачкообразное увеличение уголовных преступлений в западносибирской деревне стали крестьянские самосуды, позволявшие не только компенсировать утраченные административно-судебные функции, но и осуществить скорое возмездие над преступниками, восполнить моральный ущерб, предотвратить в доступной для понимания крестьян форме дальнейшее распространение нарушений неотъемлемых форм крестьянского общежития.

При этом всеобщее ожесточение нравов в годы Гражданской войны накладывало неизгладимый отпечаток и на сами процессы сельских самосудов, которые нередко превращались просто в акты изодранных насилий и кровавых побоищ, служили средством для выплеска накопившихся отрицательных эмоций, массового снятия психоэмоциональных стрессов.

Крестьянская анархическая стихия в образе опьяненной, озверевшей, подвижной стадным инстинктом толпы часто вершила суд в деревне, воскрешая в памяти жестокие нравы средневековья. Так, в корреспонденции жителя старообрядческого села Верх-Убинское Владимирской волости Змеиногорского уезда указывалось на резкие перемены в нравственной жизни селян, их моральную деградацию: «...Пьянство, хулиганство и прочие безобразия свили себе здесь прочное гнездо. Анархия дошла до того, что стало опасно по вечерам выходить на улицу. Только за одну нынешнюю масленицу, — сообщила газета, — убито в селе 7 человек. В эти же дни произошло прямо-таки кошмарное событие. За изнасилование или за попытку к изнасилованию одного молодого парня арестовали, привели в волость, присудили народом к повешению, принесли веревку, надели на шею и тут же, в помещении волости, удавили, а затем за 30 рублей наняли увезти за село и закопать в землю»¹¹.

По сообщению другого крестьянского корреспондента, в селе Георгиевском, Кадниковской волости, в день Вознесения Христова крестьяне устроили жестокий самосуд: «Одного гражданина призвали в сельскую сборню, избили его и живым закопали в землю,

только за то, что он увез 2 воза дров, принадлежащих соседу. Зарываемый долго подымался, но нашелся герой, который наступил ему на спину и тем позволил толпе спокойно работать по засыпке землей»¹².

В корреспонденции из села Камышенка Устькаменогорского уезда под симптоматичным названием «Зверство деревни» сообщалось о том, что один крестьянин продал по ошибке, вместо своего, чужое сено и, поняв свою оплошность, заявил об этом сам, возможно, желая возратить чужое сено. Однако, несмотря на признание, его избивали с утра до вечера. Затем собрался сход, на котором решали, убить ли его или отправить в соседнее село Самарку в медицинский пункт. «Избитый, — подчеркивалось в газете, — лежал у порога избы, где собирался сельский сход, и каждый проходящий сюда считал своим долгом еще топтать и бить обреченную жертву»¹³.

А.М.Горький в брошюре «О русском крестьянстве» считал средой, в которой разыгрывалась трагедия русской революции, «среду полудиких людей», и объяснял «жестокость форм революции ... исключительной жестокостью русского народа»¹⁴. С этим утверждением пролетарского писателя вряд ли можно полностью согласиться, так как оно носит односторонний характер. Выявляя причины экстремистских тенденций в поведенческой деятельности сибирского крестьянства, следует непременно учитывать и воздействие фактора массовости, интенсивности душевных переживаний в толпе. Глубокий анализ поведения людей в толпе, в массе был, как известно, осуществлен в классической работе С.Сигеле «Преступная толпа»¹⁵.

Один из авторов журнала «Сибирский старообрядец» В.Росинский приводил следующие наблюдения над психологией толпы: «Психология толпы показывает нам, как заразительно чувство в массе, как оно передается от одного человека к другому, все возрастающая и возрастающая по величине и становясь огромной стихийной силой. Трудно, почти невозможно противиться этому стадному чувству: трусы становятся тогда героями, и, наоборот, храбрецы могут поддаться общей панике. В таких случаях чувствования и стремления, почти незаметные или слабые в отдельном человеке, приобретают большую интенсивность в толпе, становятся причиной безумств, преступлений, создают массовые галлюцинации, чудеса и т.д.»¹⁶.

Иногда кровавые самосуды в западносибирской деревне происходили и на почве суеверий, невежества, подозрений в порче, колдовстве¹⁷.

Несмотря на торжественные заявления колчаковских официальных средств массовой информации о снижении количества преступлений, даже судя по опубликованным данным милиции, уровень преступности как в городах, так и в уездах Западной Сибири имел постоянную тенденцию к повышению¹⁸.

Корреспондент из села Косиха Барнаульского уезда, делаясь своими впечатлениями, так оценивал нравственное состояние деревни на страницах «Нового Алтайского луча»: «Если же поживешь в деревне, присмотришься немного к ее жизни — холодом веет в душу, сердце сжимается от боли: такие уродливые, такие непривлекательные формы принимает эта жизнь. Бесшабашное пьянство, дикий необузданный разгул, разврат, ссоры, драки, убийства, ненасытная алчность к наживе и т.д. и т.д. без конца и края. ...И раньше деревенское житье-бытье не особенно то красно было духовно, а теперь и совсем плохо. Деревня падает все ниже и ниже»¹⁹.

Аналогичные взгляды высказывал в газете «Сибирская земская деревня» учитель Б. из Ишимского уезда: «Грубый материализм деревни, без того жившей без идеалов, характерная черта нашего времени. Одичание, хамство, самогонка, которой спилась и провоняла современная деревня, его реальные результаты. Гнать самогонку дело привычное и обыкновенное. Крестьянин считает выгодным это зазорное предприятие, не задумываясь о нравственном и физическом растрении, тяжелых последствиях для самого же себя и своих детей»²⁰.

Довольно критически писала о нравственном состоянии крестьянства и кадетская «Свободная речь»: «Наша деревня никогда так не упивалась самогонкой, как в переходное время двух последних годов, никогда не было такого разврата, как теперь. Прелести Венеры также процветают в деревне, как и в городе, а ведь раньше деревня их не знала. Семейные несогласия стали обычным явлением...»²¹.

Касаясь причин морального растрения жителей деревни, газета «Алтайский край» подчеркивала, прежде всего, весь трагизм положения народа в Гражданскую войну, необходимость отдыха, создания иллюзий для истерзанной психики крестьянства, с неизбежностью

приводившую его к употреблению алкоголя, использованию карточной игры²².

Очень опасным социальным явлением стала продажа, распространение среди населения на территории 2-го Отдельного Степного Сибирского Корпуса сильных наркотических веществ, кокаина, опиума и гашиша. В погоне за легкой наживой многие крестьяне на Алтае и в Семипалатинской области засевали часть полей маком, вместо пшеницы, или сдавали в аренду плодородные земли китайцам-макосевам²³.

С целью пресечения этого власти издавали специальные приказы и распоряжения. Так, помощник командира корпуса по военно-административному управлению полковник Караев издал 6 ноября 1919 г. приказ № 58, в котором предупреждал, что лица, которым на законных основаниях не разрешена торговля сильнодействующими средствами, виновные в продаже и хранении наркотических веществ, первый раз будут подвергаться в административном порядке денежному взысканию до 20 тысяч рублей или аресту до трех месяцев, а отобранный товар будет конфискован²⁴.

И алкогольная зависимость, и распространение наркотиков являлись для крестьянства, как и для других социальных слоев, одной из отдушин в стрессовой ситуации, вызванной революцией и Гражданской войной. По справедливому мнению С.А.Павлюченкова, «в алкогольном пламени революция грозила сжечь себя саму». В самогоноварении (и, добавим, в распространении наркотических веществ) подпитывали друг друга две тенденции — «искаженный эпохой хозяйственный, материальный интерес одних и потребность в социальной наркотизации других»²⁵.

Профессор Иркутского университета Г.Маннс в статье «Алкогольная преступность и борьба с самогонокурением в Иркутской губернии» отмечал, что «преступность, подобно зеркалу, отражает отрицательные черты социального, в частности, бытового уклада жизни населения». Он указывал на то, что среди факторов преступности современного общества особенно важную роль играет экономический фактор, материальная необеспеченность, непосредственно обуславливающая возрастание имущественных преступлений, и алкоголизм, оказывающий основное влияние на преступления против личности и порядка управления²⁶.

Данные периодической печати свидетельствуют о том, что многие преступления в западносибирской деревне в годы гражданской войны совершались лицами в состоянии алкогольного опьянения, особенно в дни массовых народных праздников. Так, по свидетельству газеты «Пришимье» пьяное веселье в масленицу 1919 г. для жителей Петропавловского уезда обернулось десятками трагических происшествий. Например, в поселке Раки-товском крестьянин Е.Баластрин, будучи в состоянии опьянения, убил своего односельчанина Я.Шевченко. В поселке Святодуховском во время масленичного катания местный житель А.Карпов на почве мести нанес тяжелое ранение в голову Е.Петренко²⁷. Как сообщала «Ишимская жизнь», в деревне Полевиной Усовской волости крестьянин Г.Ф.Богданов в пьяном виде нанес своему отцу 3 ножевые раны, от которых он умер²⁸.

При этом, по справедливому заключению П.Сорокина, параллельно с количественным ростом преступности происходил ее качественный рост: переход от некровавых и несадистских форм преступности к кровавым и зверским²⁹.

Нередко зверские убийства совершались в западносибирской деревне и на почве семейных разногласий, любовных чувств и влечений, ревности. Например, «Жизнь Алтая» сообщала о том, что 5 ноября 1918 г. в селе Боровском Барнаульского уезда местный крестьянин Никифор Шишкин, 18 лет, явившись в дом своего односельчанина Степана Щетинкина, набросился на его дочь Анастасию, девицу 17 лет, и вонзил ей в грудь кинжал. Убийство, по мнению газеты, произошло на романтической почве³⁰.

Зверское убийство мужа в селе Рожнев Лог, Ребрихинской волости, находясь с ним в ссоре, совершила шестидесятилетняя крестьянка Евдокия Косолапова. Обороняясь во время драки от ударов И.Косолапова, она нанесла ему удар по голове стягом, затем вырвала у него вилы и наносила ими удары мужу, от чего он скончался³¹.

По сообщению «Алтайской мысли», в селе Шипуновском был задушен и спущен в прорубь реки Сузун крестьянин Андрей Колпаков. Убийство совершила его жена Мария с помощью своего сожителя Якова Качалова; производилось расследование этого преступления³². По сообщению «Каменской мысли», 23 июля 1919 г. крестьянин поселка Рыбинского, Индерской волости К.Попович убил и сжег на костре жителя этого же поселка С.Бошко³³.

Подобные факты можно часто обнаружить на страницах газет, выходявших в годы Гражданской войны в Сибири.

Подчеркнем, что нравственно-правовой деградации в наибольшей степени оказались подвержены бывшие фронтовики³⁴, молодежь, в поведении которой часто главенствовал принцип «все позволено». «Война и революция не только биологически ослабили молодежь, но развратили ее морально и социально»³⁵.

Сибирские газеты приводили массу фактов, свидетельствующих о злостном хулиганстве, бесстыдстве, половой распущенности и извращениях сельской молодежи на этой почве (изнасилованиях девушек и малолетних)³⁶. В городах картина была еще более жуткой и безотрадней.

Так, корреспондент из села Солоньки Сычевской волости Бийского уезда обращал внимание читателей на то, что разнузданность молодежи дошла до невероятных размеров, пьянство, драки стали обычным явлением, в ноябре толпа хулиганов избила до полусмерти одного из жителей; местная же милиция или была бессильна справиться с правонарушителями, или потворствовала им. Крестьяне, находясь в беспомощном состоянии, испытывали постоянное чувство страха перед убийствами и грабежами, боялись мести со стороны хулиганов³⁷.

Половая распущенность даже в сибирской деревне (хотя подобные случаи фиксировались и до революции) доходила до того, что иногда свекор насиловал собственную сноху в поле³⁸. По заключению П.Сорокина, революция, объявляя многое «предрассудками» старой морали, разбивая ряд тормозов поведения, сдерживающих проявление примитивно-биологических импульсов, предоставила полную свободу удовлетворения половых инстинктов³⁹.

Ставшая постоянной стрессовой ситуация, расстройство психики вызвали волну суицидального поведения, самоубийств в среде западносибирского крестьянства в период Гражданской войны, о чем беспристрастно свидетельствуют данные «хроник» газет Белой Сибири⁴⁰. Резкое ухудшение жизненных условий, всеобщее огрубение и ожесточение нравов в военные годы часто приводили к вынужденной изоляции, отчуждению личности от общества, лишали ее столь необходимой, социальной поддержки.

Сострадание, доброта, стремление к взаимопониманию в отношениях между крестьянами отходили на задний план, подменялись

равнодушием к чужой жизни, а жестокость нравов деревни принимала подчас крайне уродливые, садистские формы. Пресса, в частности, отмечала случаи убийства младенцев в деревнях и поселках, в том числе их матерями, особенно в Алтайской и Тобольской губерниях⁴¹. Так, «Алтайский край» приводил такое характерное сообщение под названием «Ужасы жизни»: «Гражданка поселка Мельниковского Зимовской волости Ульяна Глушкова, родив внебрачного младенца, от страха и стыда сожгла его в железной печке»⁴².

Циничное объяснение мотивов чудовищного по своей жестокости и кощунству убийства матерью собственного ребенка, свидетельствующее о безнравственности этой женщины, находим в докладе председателя Барнаульской уездной земской управы К.Кривчикова, опубликованном в «Алтайской мысли»: «В отдельном помещении (каталажке села Тальменка) лежит, томится молодая женщина, посаженная за убийство дитя (от незаконного мужа родила ребенка, чтобы скрыть свой бесстыдный поступок, ребенок был заморожен). Тяжело было слышать, когда обвиняемая чистосердечно сознавалась в своем поступке. Глубоко обвиняет деревню за то, что она строила и строит в городах разного рода приюты, но о родной деревне мало думает; будь бы приют для подкидышей хотя бы в 30—40 верстах, женщина никогда бы себе не позволила убивать свое дитя. Родители ее, как заявила арестантка, богатые, они много отдали бы денег, лишь только выпустить ее на волю»⁴³.

На всем протяжении гражданской войны, по данным периодической печати, западносибирскую деревню захлестывала волна краж (в том числе ограбления церкви)⁴⁴, грабежей и убийств с целью ограбления. Во многих местах действовали организованные шайки отъявленных грабителей, головорезов, так что ездить в город или окрестные села и деревни в одиночку для крестьян становилось все рискованнее, опаснее.

О том, какие конкретные масштабы принимала преступность в сельской местности, свидетельствуют, например, сведения о преступлениях за сентябрь 1918 г. в Барнаульском уезде, опубликованные в газете «Жизнь Алтая» (в частности, фиксировалось преступлений против власти — 10 случаев, убийств — 13, самосудов — 2, краж — 58, изнасилований — 12, пьянства (самогонварения) —

58, дезертирства — 50, пожаров — 8)⁴⁵. Аналогичные сведения о преступности публиковали и другие периодические издания.

Нравственное падение западносибирского крестьянства в сложившейся ситуации являлось неизбежным и было вызвано как резкими изменениями в социальной психологии, деформациями общественного сознания, так и состоянием экономической разрухи и «пьяного угара безвластия», слабо налаженной культурно-просветительной, идеологической работой со стороны колчаковского правительства.

«Месть, поголовное истребление, упадок морали и культуры, — вот что может дать гражданская война, во имя каких бы идеалов она ни велась. “Революция” и “контрреволюция” имеют одинаковую психологию, одинаковый поэтому и результат: возврата к исходу», — с проницательностью заключал эмигрантский историк П. Рысс.

Стихия нравственного разложения крестьянства не утихла и сразу после поражения колчаковщины. Советская печать 1920 г. обращала серьезное внимание на повсеместное самогоноварение, алкогольную преступность, случаи половых извращений в сибирской деревне⁴⁶. Так, Алтайский губревком, чрезвычайно озабоченный пьянством в алтайской деревне, участвовавшими случаями буйства, драк, насилий на почве алкоголя, опубликовал специальное обращение «К сознательным крестьянам». В нем он призывал крестьянство принять самые суровые меры к искоренению пьянства и самогоноварения. «Время мы переживаем трудное, работы много, и кто в такое великое время пьянствует — тот вор, потому что он крадет у народа свой труд, который он обязан народу отдать»⁴⁷, — подчеркивалось в обращении.

Рассматривая социально-психологические мотивы многочисленных злоупотреблений в годы Гражданской войны и переходный период, журнал «Известия рабоче-крестьянской инспекции» одним из важнейших из них считал, что «русская революция слишком напряженна в своем течении. Слишком богата резкими переходами и трагическими поворотами. Она взвинтила нервы и вызвала острую жажду наслаждений. Трагическое всегда идет рядом со сластолюбием и погоней за минутной радостью. Еще война понизила ценность жизни и увеличила искание наслаждений. Революция сделала карьеры и положения недолговечными

и развила страсть к игре судьбою и стремление к риску во имя ничтожной улыбки жизни. Жажду наслаждений повысило также и общее ощущение освобождения от целого ряда пут и условностей старого быта»⁴⁸.

Одним из стержневых моментов при характеристике психологического, нравственного облика крестьянина и происшедших в нем изменений в годы революции и Гражданской войны являются взаимоотношения человека и природы. В революционный и военные годы, по свидетельству периодической печати, произошли значительные, глубокие сдвиги и во взаимоотношениях сибирских крестьян с окружающей природой. По справедливому мнению П.И.Симуша, «природа и история составляют два основных элемента той среды, в которой живет, трудится и проявляет себя крестьянство»⁴⁹.

Социальный опыт крестьянина-сибиряка приучил его к бережному, разумному, практичному природопользованию. Гражданская война с неизбежностью обострила хозяйственные, материальные интересы западносибирского крестьянства, которые оно часто пыталось удовлетворить при помощи бессистемного изъятия тех или иных природных ресурсов, богатств. Белая печать Сибири (а также и партийно-советская пресса 1920 г.) постоянно сообщала о хищническом истреблении лесов крестьянами, непрекращающихся самовольных порубках леса, его поджогах и пожарах.

На страницах Белой печати фиксировалось множество случаев вырубki леса не для непосредственных хозяйственных нужд, а про запас, или, как подчеркивалось в корреспонденции из села Красный Яр на Иртыше, «в силу обуявшего всех какого-то духа разрушения»⁵⁰.

Гражданская война привела к резкому обострению экологических проблем в Сибири. От массовых, нередко совершенно безжалостных вырубok леса крестьянами, лесных пожаров, участившихся с 1917 г., особенно пострадали степные пространства юга Западной Сибири с их редколесьем. По сообщению «Свободной речи», только в Семипалатинском и Змеиногорском уездах леса были выжжены на площади до 100 тысяч десятин, а самовольные порубки леса не поддавались учету, колоссальные лесные площади стали пустошами или открытыми сыпучими песками⁵¹.

«Алтайский край» в воззвании «Об охране памятников Алтайской природы» предупреждал о том, что «уныло торчащие обгорелые пни красноречиво повествуют о неразумном отношении населения к дарам природы, а нередко о его злой воле. Почти все предгорья Алтая — безлесны. ...Печальную и невзрачную картину представляют теперь и алтайские степи, среди которых “колки” и пасеки, как оазисы в пустыне, напоминают о былом существовавшем когда-то зеленом лесе»⁵².

При этом лесные бесчинства нередко сопровождались жестокими расправами деморализовавшихся крестьян, солдат-фронтовиков над представителями лесного надзора. Например, в деревне Орловке Змеиногорского уезда бывшие солдаты варварски убили лесного объездчика и лесного смотрителя, раненого на войне солдата-инвалида, предварительно ограбив их до белья, а один из убийц, Феодосий Путинцев, намотал на палку кишки убитого лесного смотрителя со словами: «Ишь какие длинные кишки у буржуазии»⁵³.

По свидетельству «Свободной речи», в одном из лесничеств Алтайской губернии помощника лесничего раздели донага и по снегу водили из конца в конец по деревне, всячески издеваясь⁵⁴.

Часто основным оправдательным мотивом в поведении расхитителей лесных богатств был такой: «Мы проливали кровь и получили право!»⁵⁵.

З.А.Чеканцева в своем исследовании ментальности французских простолюдинов XVII—XVIII вв. отмечает, что лесные стражники сразу же попадали в разряд людей ненавистных в силу своего маргинального статуса по отношению к общине, обязанностей, шедших вразрез с традицией, и многочисленных злоупотреблений.

Временное Сибирское и колчаковское правительства в целях борьбы с самовольными лесными порубками, поджогами леса и насилиями над лесной администрацией вынуждены были принимать специальные постановления, которые, однако, слабо выполнялись⁵⁶.

Постановления по борьбе с массовыми порубками лесов и насилиями над лесной стражей со стороны крестьянства принимали в 1920 г. и органы советской власти, земотделы⁵⁷. В опубликованном в печати приказе № 120 «О поджогах леса» алтайского

предгубревкома Вс. Аристова, например, дано четкое указание: «Застигнутых на месте преступления поджигателей леса убивать на месте»⁵⁸.

Жестокому истреблению в период Гражданской войны подверглись и многие редкие животные, беременные и кормящие самки, птицы. Так, по сообщению газеты «Новое слово», в горах Алтая почти исчез дикий марал, из рогов которого в Китае готовяли сильно возбуждающее средство, пользующееся большим спросом. Значительно уменьшилась популяция соболя, несмотря на запрет охоты на него. Промышленники, не считаясь со временем года, били беременных или кормящих самок (в результате чего гибли целые семьи), выкапывали лисят, корсаков из нор, выкармливали и после линьки убивали их. Жестокому разорению подвергались и гнезда водоплавающих птиц⁵⁹.

Вполне понятно, что мотивом столь хищнического отношения к природе служили соображения получения материальной пользы, выгоды, жажда наживы. «Ишимская жизнь», например, сообщая о пушном промысле зимой 1918 г. среди жителей Акмолинской области, отмечала, что он получил широкое развитие в силу понятной причины — высоких цен на пушнину⁶⁰.

Министерство земледелия колчаковского правительства занималось выработкой ряда мер по упорядочению пушного промысла в Сибири (в том числе и по устранению хищнических приемов охоты), однако практических результатов это не принесло⁶¹.

Лишь с восстановлением Советской власти в Сибири началась планомерная природоохранительная работа; в печати, например, были опубликованы тщательно разработанные «Временные правила о производстве охоты»⁶².

И сам крестьянин в войну сильно пострадал от различных природных явлений, происходило неизбежное усиление взаимного противостояния между человеком и природой (в период социальных катаклизмов).

Например, «Свободная речь» в корреспонденции из Каркаралинского уезда сообщала о том, что в его пределах «появилась масса волков, в Беркаринской волости волки ходят стаями от 4 до 9 штук и открыто нападают даже на людей в аулах. Табуны лошадей и стада баранов сильно страдают от волчьих стай. Растерзано много баранов, коров и лошадей. И это случается ежедневно».

В то же время крестьяне были бессильны бороться с этим бедствием, поскольку стрихнина в продаже не имелось, гладкоствольные охотничьи ружья были конфискованы, отсутствовали и дробь с порохом⁶³. Ко всему прочему, посеы и сенокосные луга степной зоны Западной Сибири были уничтожены сусликами, произошел большой падеж скота от бескормицы (джут).

Разрушительное начало во взаимоотношениях человека и природы было одним из проявлений очерствления крестьянства, всецелой подчиненности его борьбе за физическое существование, господства сугубо прагматических, материальных интересов в его жизни.

Первые признаки морального оздоровления западносибирского крестьянства проявились с окончательным завершением Гражданской войны, стабилизацией, укреплением аппарата государственной власти на местах, расширением идеологической работы, культурно-просветительного движения.

Таким образом, анализ материалов периодической печати в годы Гражданской войны в целом достоверно свидетельствует о существенных деформациях, отразившихся в морально-нравственном состоянии как общества в целом, так и западносибирского крестьянства, позволяет рассмотреть конкретные формы и проявления девиантного поведения, а также меры борьбы с ним в ситуации острых социальных катаклизмов. Источниковедческий потенциал этого источника огромен, и еще далеко не исчерпан исследователями.

Примечания

¹ Сорокин П.А. Современное состояние России // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 459.

² Известия рабоче-крестьянской инспекции. 1920. № 5—6. С. 6.

³ Каменская мысль. 1919. 17 августа.

⁴ Алтай. 1918. 14 июня.

⁵ Журов Ю.В. Крестьянство Сибири в годы Гражданской войны (1918—1920 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1975. С. 25—29.

⁶ Зориков А.Н. Криминогенная обстановка как результат и фактор социальной мобильности в России в начале XX в. // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 11.

⁷ Сибирская жизнь. 1919. 5 октября.

- ⁸ Приишимье. 1919. 16 марта.
- ⁹ Каменская мысль. 1919. 13 августа.
- ¹⁰ Единство. 1918. 12 (30) ноября; 19 (6) декабря; Ишимская жизнь. 1918. 17 декабря; и др.
- ¹¹ Алтайский луч. 1918. 3 апреля (21 марта).
- ¹² Там же. 14 (1) июля.
- ¹³ Новое слово. 1919. 16 марта.
- ¹⁴ Горький М. О русском крестьянстве. Берлин, 1922. С. 12.
- ¹⁵ См.: Кузнецов И.С. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992. С. 77—79.
- ¹⁶ Сибирский старообрядец. 1919. № 8. С. 10.
- ¹⁷ Ишимская жизнь. 1919. 11 февраля.
- ¹⁸ Приишимье. 1919. 7 января.
- ¹⁹ Новый алтайский луч. 1919. 11 февраля.
- ²⁰ Сибирская земская деревня. 1919. 9 июня (27 мая).
- ²¹ Свободная речь. 1918. 1 (14) декабря.
- ²² Алтайский край. 1919. 13 апреля.
- ²³ Свободная речь. 1918. 17 (4) июля; 22 августа (4 сентября); За Родину! 1919. 13 ноября; Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане: В 2 т. Т. 1: Май 1918 г. — сентябрь 1919 г. Алма-Ата, 1963. С. 631.
- ²⁴ За родину! 1919. 13 ноября.
- ²⁵ Телицын В.Л. Две научные конференции по проблеме «Революция и человек» // Отечественная история. 1997. № 1. С. 192.
- ²⁶ Маннс Г. Алкогольная преступность и борьба с самопокуренением в Иркутской губернии // Сборник трудов Иркутского государственного университета. Вып. 10. Факультет права и местного хозяйства. Иркутск, 1926. С. 253.
- ²⁷ Приишимье. 1919. 16 марта.
- ²⁸ Ишимская жизнь. 1919. 10 апреля.
- ²⁹ Сорокин П.А. Современное состояние России. С. 464.
- ³⁰ Жизнь Алтая. 1918. 10 ноября.
- ³¹ Там же. 29 декабря.
- ³² Алтайская мысль. 1919. 25 апреля.
- ³³ Каменская мысль. 1919. 10 августа.
- ³⁴ Новый алтайский луч. 1919. 26 февраля.
- ³⁵ Сорокин П.А. Современное состояние России. С. 463.
- ³⁶ Алтайский крестьянин. 1918. № 37. С. 13; Ишимская жизнь. 1919. 20 февраля; 20 марта; Приишимье. 1919. 21 января; Алтайская мысль. 1919. 2 апреля; и др.
- ³⁷ Думы. 1918. 6 декабря.
- ³⁸ Свободный луч. 1918. 15 (2) августа.
- ³⁹ Сорокин П.А. Современное состояние России. С. 462—463.
- ⁴⁰ Жизнь Алтая. 1918. 17 сентября; Думы. 1919. 22 января; Ишимская жизнь. 1919. 16 марта; 10 апреля; Алтайский край. 1919. 16 марта; 7, 8 августа; Друг народа. 1919. 27 апреля; 22 мая; 28 мая; Алтайская мысль. 1919. 25 апреля; 21 мая; и др.

- ⁴¹ Алтайский край. 1919. 27 июня; 20 июля; 27 июля; 2 августа; 7 августа; Алтайская мысль. 1919. 3 апреля; Каменская мысль. 1919. 16 мая; Ишимская жизнь. 1919. 20 февраля; и др.
- ⁴² Алтайский край. 1919. 25 февраля.
- ⁴³ Там же. 10 мая.
- ⁴⁴ Жизнь Алтая. 1918. 31 октября.
- ⁴⁵ Там же. 2 ноября.
- ⁴⁶ Известия Устькаменогорского уездного революционного комитета. 1920. 14 февраля; 4, 9 марта; Кулундинская правда. 1920. 28, 29 марта, 24 июня; Красный Алтай. 1920. 2, 22, 24 апреля; Алтайский коммунист. 1920. 27 августа; и др.
- ⁴⁷ Кулундинская правда. 1920. 29 марта.
- ⁴⁸ Известия рабоче-крестьянской инспекции. 1920. № 5—6. С. 7.
- ⁴⁹ Симуш П.И. Мир таинственный... Размышления о крестьянстве. М., 1991. С. 109.
- ⁵⁰ Новое слово. 1919. 27 марта.
- ⁵¹ Свободная речь. 1918. 30 (17) ноября.
- ⁵² Алтайский край. 1919. 22 февраля.
- ⁵³ Свободная речь. 1918. 7(20) сентября.
- ⁵⁴ Там же. 30 (17) ноября.
- ⁵⁵ Там же. 23 (10) февраля.
- ⁵⁶ Правительственный вестник. 1919. 1 мая, 26, 27 июня; Свободная речь. 1918. 28 (15) июня; 25 октября (7 ноября).
- ⁵⁷ Известия Каменского уездного ревкома. 1920. 17 января; Алтайский коммунист. 1920. 7 мая.
- ⁵⁸ Бюллетень Алтайского губпродкома. 1920. № 4. С. 28.
- ⁵⁹ Новое слово. 1919. 2 апреля; Сибирский рассвет. 1919. № 5. С. 75.
- ⁶⁰ Ишимская жизнь. 1918. 10 декабря.
- ⁶¹ Новое слово. 1919. 25 мая.
- ⁶² См.: Алтайский коммунист. 1920. 6 мая.
- ⁶³ Свободная речь. 1919. 19(6) марта.

Глава 6

ПРОТОКОЛЫ И РЕШЕНИЯ ТЮМЕНСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА КАК ИСТОЧНИК ПО ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В ОТНОШЕНИИ ГОРОДОВ НЕФТЯНИКОВ ХАНТЫ- МАНСИЙСКОГО ОКРУГА В 1970—1980-х ГОДАХ

Основным источником по истории градостроительной политики Тюменского руководства в отношении городов нефтяников Ханты-Мансийского округа в 1970—1980-х гг. являются протоколы и решения Тюменского облисполкома. В сравнении с протоколами заседаний бюро и секретариата Тюменского обкома КПСС документы облисполкома наиболее информативны, в них в большей степени отразились основные направления градостроительной политики и развития городского хозяйства.

В конце 1960-х гг. государственная политика развития городов нефтегазодобывающих районов Западной Сибири формировалась по линии ускоренного градостроительного развития на базе комплексно-блочного и крупнопанельного, а также ведомственного строительства с централизацией в строящихся крупных городах. На государственном и местном уровнях была принята концепция градостроительного освоения нефтедобывающих районов. Согласно концепции расселение в регионе должно было осуществляться в базовых крупных городах, где проживали нефтяники, которые работали на месторождениях вахтовым методом. В конце 1960-х гг. были утверждены генеральные планы развития базовых городов нефтяников — Сургута, Урая, Нефтеюганска, Нижневартовска.

В 1970-х гг. Тюменский облисполком проводил политику осуществления принятой градостроительной концепции «базовый поселок — вахтовый метод». Протоколы и решения облисполкома это подтверждают. Практически все вопросы по градостроительной политике в документах посвящены развитию базовых городов нефтяников, а также Тюмени и Тобольску.

В феврале 1971 г. на заседании Тюменского облисполкома было принято решение «О соблюдении генерального плана развития

города Сургута»¹. Руководство области не устраивало качество застройки нового города. Главными виновниками объявлялись ведомства. В протоколе заседания было записано: «в застройке города и инженерном оборудовании проявляется ведомственность, низкая градостроительная дисциплина»². В частности, возмущение облисполкома вызывало самовольное строительство предприятиями Сургутгазстрой и Сургутнефть производственных объектов на землях, предназначенных для жилого фонда. За неудовлетворительное выполнение функций единого заказчика подверглось критике главное нефтяное ведомство: «Главтюменнефтегаз (т. Муравленко) задерживает проектирование общегородских и культурно-бытовых объектов и магистральных сетей водопровода, канализации и энергоснабжение города»³. Также отмечалось, что Сургутский горисполком не обеспечивал необходимое руководство и контроль за застройкой города и развитием городского хозяйства, в результате чего имели место факты нарушений утвержденного генерального плана, отставание в инженерном оборудовании города, медленно решались вопросы улучшения бытового обслуживания населения.

В первой половине 1970-х гг. облисполком неоднократно проводил заседания, посвященные проектам застройки и детальной планировки жилых районов и промышленных зон, развития сельского хозяйства пригородных зон городов Сургута, Нижневартовска и Нефтеюганска⁴.

В начале 1970-х гг. у руководства Тюменской области были планы по возведению на территории ХМАО еще одного базового города, который должен был получить название — Южный Балык. Рассчитывали, что город станет железнодорожным транспортным узлом и центром для освоения Мамонтовского и Южно-Балыкской группы месторождений, в нем будет построен газоперерабатывающий завод. 24 мая 1972 г. облисполком согласовал эскиз генерального плана г. Южный Балык, разработанный институтом ЛенНИИПградостроительства⁵. Согласно проекту, расчетная численность города должна была достигнуть 50 тыс. человек, а на первую очередь строительства — 22 тыс. человек. Генплан был утвержден облисполкомом 13 октября 1972 г.⁶ Но впоследствии он так и не был согласован с ведомствами. В Главтюменнефтегазе проект генплана Южного Балыка получил твердый

отказ во имя развития Нефтеюганска, чтобы сосредоточить силы на тех городах, которые уже строились, но отставали от резкой потребности в жилье⁷.

Протоколы показывают, что между Тюменским облисполкомом и основным нефтяным главком — Главтюменнефтегазом и его предприятиями — шла острая борьба интересов. В ноябре 1971 г. областным отделом по делам строительства и архитектуры была проведена комиссия по проверке строительства Главтюменнефтегазом поселков Пойковский, Мамонтово, Белый Яр и Мегион⁸. Комиссия обратила внимание на плохое благоустройство поселков и допущение отставания в строительстве жилья. В декабрьском решении по этому вопросу предписывалось «обратить внимание Главтюменнефтегазу (т.т. Муравленко, Парасюк) на неудовлетворительную застройку, обустройство и плохое санитарное состояние в поселках»⁹. От ведомства было потребовано срочно обеспечить поселки генеральными планами и схемами застройки первой очереди, произвести в них санитарную очистку. Заместитель начальника главка по капитальному строительству А.С.Парасюк заявил, что «семьи рабочих, занятых обустройством и эксплуатацией Правдинского и Мамонтовского месторождений и проживающие в поселках Пойковский и Мамонтово, будут в течение 1972—73 гг. переселены в гг. Нефтеюганск и Сургут, для чего в этих городах будет обеспечено строительство необходимого количества жилья»¹⁰. Однако переселение семей так и не было осуществлено. Поселки продолжали разрастаться и фактически превратились в настоящие города.

В начале 1970 г. Тюменская власть начала борьбу за переселение людей из ветхого жилья в благоустроенные квартиры и снос бараков и аварийных домов. 30 июня 1970 г. было принято решение «О сносе аварийного жилого фонда по городам и районам области в 1971—1975 гг.»¹¹. За пятилетку в ХМАО должны были снести 3003 дома и переселить 4190 семей. Больше всего жилищного фонда подлежало снести Главтюменнефтегазу — 3565 домов. Но ведомства не только не выполняли планов сноса, но застраивали новые поселки временным неблагоустроенным жильем — об этом неоднократно упоминается в протоколах облисполкома.

Становилось понятным, что для координации городского развития требовались специальные директивы. Еще в январе 1970 г.

Тюменским облисполкомом были внесены предложения в Совет министров РСФСР и Госплан РСФСР по улучшению культурно-бытового обслуживания населения, развитию промышленности, подведомственной облисполкому¹². Всего было внесено 49 предложений. Первостепенное значение имели вопросы, связанные с благоустройством городов. Руководство области просило поручить Госстрою РСФСР возложить на один из проектных институтов функции генерального проектировщика по проектированию жилья, культурно-бытовых учреждений, предприятий пищевой промышленности, коммунального хозяйства. Однако это предложение не было поддержано Госпланом РСФСР, так как данные функции выходили за пределы компетенции институтов Госстроя РСФСР¹³. Далее облисполком предложил определить заказчиком по строительству городов Министерство нефтедобывающей и газовой промышленности СССР. По мнению местных властей, такое решение позволило бы решить вопросы строительства городов в соответствии с темпами развития добычи нефти и газа. Не нашло понимание и это предложение облисполкома, в силу того что партийно-правительственное постановление 1969 г. «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» разрешало осуществлять городское строительство за счет средств, выделяемых на развитие нефтегазовой промышленности¹⁴. В целом Госплан РСФСР достаточно критично отнесся ко многим предложениям тюменских властей в период до 1970 г., обосновывая отказы отсутствием необходимых ресурсов. Однако было обещано рассмотреть инициативы на 1971—75 гг.¹⁵

Инициативы были рассмотрены только через полтора года. Они послужили основой для правительственного постановления «О мерах по дальнейшему развитию городов и поселков в районах добычи нефти и газа Тюменской области»¹⁶, которое вышло 21 декабря 1971 г. Государство усиливало контроль над форсированным ростом городов в Тюменской области, которое к этому времени обрело стихийные формы. В документе было отражено стремление государства придать урбанизации планомерный характер, улучшить жилищные условия горожан.

30 ноября 1972 г. Тюменский облисполком принял решение «О соблюдении генерального плана застройки города Нижневартовска»¹⁷. В отличие от такого же решения по Сургуту, отмечалось,

что строительство Нижневартовска проводилось в основном в соответствии с утвержденным генеральным планом, внедрялись комплексная застройка жилых микрорайонов, малые архитектурные формы. Вместе с тем отрицательная оценка была дана местному горисполкому, который не предъявлял необходимой требовательности по застройке и развитию города. За отступления от генерального плана подверглись критике многие ведомства и предприятия: Главтюменнефтегаз, Мегионнефть, Нижневартовскжилстрой, Мегионгазстрой, Тюменьдорстрой, Тюменьпромстрой.

Решения Тюменского облисполкома были направлены на улучшение качества городского строительства и жилищных условий горожан. Директивная часть документов в основном касалась выполнения заданий по вводу в эксплуатацию жилых домов и культурно-бытовых объектов и подключению всего жилого фонда к сетям канализации и водопровода. Местной властью отмечалась необходимость создания ведомствами служб коммунального хозяйства. Однако эти вопросы продолжали оставаться нерешенными в первой половине 1970-х гг. Ход и качество строительства Нижневартовска находились на низком уровне. С некоторой периодичностью не выполнялись планы по вводу жилищного фонда и социально-культурных учреждений. Со значительными недоделками в эксплуатацию сдавались жилые дома, отставала прокладка инженерных сетей, плохо осуществлялось благоустройство городов. Все эти проблемы в той или иной степени рассматривались на заседаниях облисполкома. В конце 1970-х гг. Минпромстрой СССР оправдывался перед облисполкомом и обкомом КПСС тем, что в Тобольске и Нижневартовске отсутствовали базы строительной индустрии, а предприятия стройиндустрии в Тюмени выполняли работу неудовлетворительно. В силу этого министерство было вынуждено подключить восемь Главстроев к поставке жилых домов и железобетонных конструкций. Однако эти поставки систематически не выполнялись Минстроем, Минтяжстроем и Минпромстройматериалами СССР. Еще одной причиной невыполнения заданий назывался медленный прирост численности рабочих на стройках из-за высокой текучести кадров и неразвитости жилищного фонда. Все это естественно срывало планы строительного-монтажных работ Минпромстроя¹⁸.

Такое ужасное положение в сфере строительства и социально-бытового развития было характерно для всех городов Ханты-Мансийского округа. Тюменское руководство нещадно повергало критику ведомства за скверное качество жилищно-гражданского строительства в области. Особенно доставалось объединению Тюменьпромстрой и Главтюменнефтегазстрою за то, что на их домостроительных комбинатах в городах Тюмени и Сургуте до сих пор выпускали жилые дома серии 1-464 и 1-467, которые не соответствовали природно-климатическим условиям севера¹⁹. При проверке строительства Нижневартовска и Мегиона осенью 1972 г. главный архитектор области В.Бешкильцев отмечал, что «Главтюменнефтегаз по существу не использует предоставленное право расходовать 5,4% от выделенных средств на жилищное строительство для строительства предприятий торговли и бытового обслуживания за счет встроенно-пристроенных помещений»²⁰. Также местную власть волновало, что большинство зданий и домов вводились в эксплуатацию с недоделками, а генпланы городов не соблюдались.

21 мая 1975 г. облисполкомом было принято решение «О мерах по дальнейшему улучшению жилищного и культурно-бытового обслуживания трудящихся городов Нижневартовска, Сургута, Нефтеюганска и Надыма»²¹. В решении констатировалось, что постановление Совета министров СССР от 21 декабря 1971 г. выполнялось неудовлетворительно. Например, за истекшие четыре года ввод в эксплуатацию жилых домов составил 63% к намеченным объемам, общеобразовательных школ — 74%, детских дошкольных учреждений — 41%, учреждений здравоохранения — 30%, культуры — 25%, предприятий торговли — 27%. Большое внимание в решении было уделено вопросам развития в городах торговли и общественного питания, которые находились в плачевном состоянии. Была дана плохая оценка благоустройству городов.

Местная власть пошла на радикальные меры. До сведения Главтюменнефтегаза, Главтюменнефтегазстрою и объединения Тюменгазпром доводилось, что если ими не будут проведены мероприятия «по коренному улучшению водоснабжения и канализования гг. Нижневартовска, Нефтеюганска, Сургута и Надыма, облисполком вынужден будет ограничить въезд трудящихся в эти города до приведения их в надлежащее санитарное состояние»²².

В целях улучшения архитектурного облика городов горисполкомам обязывалось принять необходимые меры по увеличению строительства домов повышенной этажности, обеспечить в течение 1975—78 гг. переселение семей, проживающих в балках и бараках, в благоустроенные жилые дома, а также способствовать прекращению самовольного строительства времянок, запретить всем организациям и предприятиям дальнейшую установку вагончиков на городской территории.

3 февраля 1976 г. Тюменским облисполкомом было принято решение «О выполнении генеральных планов застройки городов Сургута и Нефтеюганска»²³. Указывалось, что по итогам девятой пятилетки строительство городов осуществлялось в основном в соответствии с генпланами. В то же время отмечалось, что застройка велась некомплексно, а архитектурно-планировочные решения реализовывались не полностью, за что обвинялись горисполком, предприятия города и генеральный заказчик Главтюменнефтегаз.

Однако принятые решения не были услышаны ведомствами. Об этом свидетельствует история с застройкой поселка Мегион. В 1979 г. руководству Тюменской области и начальникам основных главков было послано коллективное письмо от депутатов областного, окружного, районного и поселкового Советов. Депутаты резко осудили деятельность ведомств, которая стала главным фактором деградации жилищно-бытовых условий в Мегионе. Еще в начале 1976 г. они обращались в Миннефтепром СССР с просьбой немедленно принять меры. На что от заместителя министра Ш.С.Донгаряна был получен следующий ответ: «Миннефтепром считает нецелесообразным свое участие в дальнейшем развитии поселка Мегион, а также размещение в нем нефтегазодобывающего управления»²⁴. Несмотря на это заявление, нефтяники расположили в городе не одно предприятие, в том числе трест «Мегионнефтьстрой», а количество работающих в нефтяной промышленности увеличилось в три раза, с 1850 до 5700 человек. Из-за отставания в строительстве социально-культурных и коммунальных объектов в 1976 г. облисполком запретил дальнейшее возведение жилых домов в поселке, до исправления сложившейся ситуации главками. Но ведомства не хотели решать проблемы, а самовольно принялись застраивать поселок жилыми

домами: за 1976—78 гг. ими было построено свыше 12 тыс. м² жилья²⁵. Однако этого не хватало. Депутаты отмечали, что ведомства, «комплектующая управления без жилья, вынуждены сначала селить людей в общежитие, а затем, когда приезжает семья, рабочие получают вагончик или строят временное жилье, по северному называют “балки”. Их в Мегионе более тысячи, в которых проживают более трех тысяч человек»²⁶. В 1979 г. комиссия по проверке письма группы депутатов констатировала: «неудовлетворительное положение с жилищно-бытовым и коммунальным обслуживанием населения поселка явилось вследствие того, что Главтюменнефтегаз, организации Министерства строительства нефтяной и газовой промышленности превысили предусмотренные генпланом численность градообразующих кадров поселка в 2—2,5 раза»²⁷. Депутаты выступили за строительство в ближайшие годы 150 тыс. м² жилья и преобразование поселка Мегион в город, что должно было способствовать развитию населенного пункта. Понимая, что дальнейшее хаотичное расширение поселка недопустимо, прошение депутатов было принято облисполкомом. В июле 1980 г. Мегион получил статус города, а институт «Тюменьгражданпроект» принялся за разработку генплана города с расчетной численностью населения 60 тыс. человек.

9 февраля 1978 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление «О мерах по дальнейшему улучшению социально-бытовых условий работников предприятий, организаций и строек нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири»²⁸. Документ обязывал в первом полугодии 1979 г. пересмотреть и скорректировать генеральные планы городов Сургута, Нефтеюганска и Нижневартовска, которые в 1970-х гг. стали бесспорными центрами расселения в нефтегазоносных районах. Генпланы были разработаны в конце 1960-х гг. и в условиях продолжавшейся высокой миграции в регион уже никого не устраивали. Также было поручено обеспечить разработку генпланов быстрорастущих городов Нового Уренгоя и Надыма.

Корректировка генеральных планов гг. Сургута, Нефтеюганска, Надыма (институтом ЛенНИИП градостроительства) и Нижневартовска и будущего города Нового Уренгоя (Гипрогором) была завершена к лету 1979 г. 17 октября 1979 г. откорректированные генпланы были утверждены решением облисполкома²⁹. Пересмотр

генпланов был связан с тем, что увеличение объемов добычи нефтегазодобычи и размещение дополнительных производственных объектов, темпы роста численности населения в городах превысили темпы роста, предусмотренные в ранее утвержденных генпланах. Так, по генплану Сургута, принятому в 1969 г., численность населения города на расчетный срок 25—30 лет предусматривалась 130 тыс. человек и на первую очередь строительства до 1980 г. — 80 тыс. человек. Однако уже в начале 1979 г. в городе проживало 107 тыс. человек. Генплан Нефтеюганска предусматривал для города 18 тыс. жителей на 1980 г., но к этому времени город вырос до 43,6 тыс. человек. Единственным городом, который развивался в 1970-х гг. в соответствии с генпланом, был Нижневартовск: 1 января 1979 г. в городе проживало 109 тыс. человек, а генпланом на 1980 г. было предусмотрено 110 тыс.

Предлагались разные варианты развития городов. Многие ратовали за увеличение к 2000 г. численности населения городов Сургута и Нефтеюганска до 350 тыс. человек и 100 тыс. человек соответственно. Для Сургута также называлась цифра в 500—550 тыс. человек в случае размещения в городе газохимического комплекса НПО «Пластполимер». Госплан СССР не исключал, что население Сургута могло достичь 1 млн. жителей³⁰.

Для Сургута был принят генплан, который предусматривал увеличение численности горожан до 170 тыс. человек на первую очередь строительства до 1985 г. и 300 тыс. человек до 2000 г. с резервами территории на более отдаленную перспективу. Для Нефтеюганска были приняты другие цифры: 100 тыс. человек на перспективу, 75 тыс. человек на первую очередь строительства. Новый генплан Нижневартовска предусматривал рост населения города до 250 тыс. человек на расчетный срок и 170 тыс. человек на первую очередь до 1985 г. Новые генпланы предопределили развитие базовых городов ХМАО в последующие двадцать лет, но в то же время невозможно говорить об их полной реализации.

Однако какие бы решения местная власть не принимала, градостроительные проблемы только множились. Со стороны местной власти не утихала критика городского развития. В декабре 1979 г. на XII сессии областного Совета народных депутатов отмечалось, что «в застройке городов все еще имеет место однообразие архитектурных решений, фасады многих зданий имеют

непривлекательный вид, медленно формируются общественные центры, застройка жилых микрорайонов осуществляется некомплексно, с отставанием строительства объектов культурно-бытового назначения и инженерных коммуникаций»³¹.

Протоколы заседаний облисполкома в 1980-х гг. свидетельствуют о том, что противостояние между ведомствами и облисполкомом постепенно сглаживалось. Облисполком будто самоустранился. Все меньше вопросов уделялось градостроительной политике в северных районах Тюменской области.

Однако в начале 1980-х гг. продолжали интенсивно корректироваться и дополняться генеральные планы городов ХМАО³². Так, решением облисполкома от 30 марта 1982 г. были утверждены генеральные планы и проекты детальных планировок городов Мегион (расчетная численность населения 45 тыс. человек), рабочего поселка Радужный (60 тыс. человек), поселков Лангепас (50 тыс. человек), Мамонтово — Пыть-Ях (45 тыс. человек) и Островной (8 тыс. человек)³³. Для Когалыма Ленгипрогором был разработан генплан на 80 тыс. человек, а для Нягани институтом ЛенНИИП-градостроительства был спроектирован на 60 тыс. человек³⁴.

Ключевое значение в концептуализации урбанизационных процессов ЗСНГК имело постановление Совекта министров РСФСР от 28 октября 1985 г. № 475 «О схеме расселения в зоне Западно-Сибирского нефтегазового комплекса». Схема была согласована Тюменским облисполкомом 26 сентября 1985 г.³⁵. В первоначальном варианте она звучала как «генеральная схема градостроительства в районах добычи нефти и газа в Западной Сибири». Констатировалось, что в Тюменской и Томской областях «сложилась система городов, поселков и вахтовых поселков на месторождениях». Вместе с тем впервые подверглась критике прежняя схема централизованного расселения в крупных городах, функционировавшая в 1960—70-х гг.: «размещение жилищно-гражданского строительства преимущественно в крупных сложившихся городах сдерживает развитие поселков, расположенных в районах наращивания добычи нефти и газа».

В документе были обозначены основные грубые недостатки в градостроительном развитии региона: 1) невыполнение планов по жилищному строительству; 2) некомплексная застройка; 3) отставание строительства инженерных сооружений и коммуникаций,

благоустройства и озеленения территорий; 4) недостаточное количество общественных центров, магистралей, площадей и набережных; 5) невыразительный архитектурный облик; 6) медленная разработка проектов строительства, которые отвечали бы всем местным природно-климатическим условиям; 7) возведение промышленно-коммунальных зон без единого архитектурного замысла.

Постановление утверждало разработанную институтами ЛенНИИГрадостроительства и Гипрогор схему расселения в зоне Западно-Сибирского нефтегазового комплекса на 1986—1990-е гг. Узаконивалась новая градостроительная стратегия: первостепенная важность в системе расселения отводилась поселкам, основной упор делался на их развитие. За счет поселков предусматривалось увеличение численности населения в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири с 1,1 млн. чел. в 1985 г. до 1,7 млн. чел. к 1991 г. и до 2,3 млн. человек на перспективу (причем без учета численности населения Тюмени, Томска и Тобольска).

Вменялось обеспечить в 1986—87 гг. разработку генеральных планов новых городов и поселков, а также корректировку действующих в соответствии с показателями принятой схемы расселения. За 1985—87 гг. областным управлением архитектуры и строительства было проведено 47 областных градостроительных советов, 23 технических совещания, на которых рассматривались генеральные планы и проекты детальных планировок городов, поселков, сельских населенных мест, проекты городской черты, районные планировки административных районов и промрайонов и других объектов³⁶. Однако генеральные планы и схемы расселения уже больше не рассматривались на заседаниях Тюменского облисполкома, эти вопросы были переданы главным образом областному управлению архитектуры и строительства.

Плохая оценка деятельности ведомств давалась в постановлении Тюменского облисполкома и коллегии Министерства жилищно-коммунального хозяйства от 26 мая 1986 г. «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению жилищно-коммунального обслуживания населения Тюменской области на 1986—1990 гг. в свете решений XXVII съезда КПСС»³⁷. В решении облисполкома от 26 октября 1987 г. «О мерах по обеспечению выполнения плана строительства жилых домов и объектов социально-культурного

назначения в области» отмечалось: «коренного улучшения в строительстве объектов социальной сферы не произошло. Руководители ряда горрайисполкомов, организаций и ведомств не сделали необходимых выводов из указаний ЦК КПСС о политической значимости безусловного выполнения планов строительства жилья и объектов соцкультбыта»³⁸. Местную власть волновало, что теперь ведомства в недостаточной степени уделяли внимание развитию малых и средних городов области.

Однако этот документ был одним из последних, затрагивающих градостроительную политику в отношении городов нефтяников. Но по большому счету новая система расселения способствовала тому, что борьба между городскими и областными властями и ведомствами к концу 1980-х гг. затихла. В Тюменском облисполкоме уже практически не обсуждались вопросы по преодолению ведомственности и контролю над деятельностью основных объединений и организаций в отношении застройки и развития населенных пунктов. Малые города нефтяных районов во многом были отданы на откуп ведомствам.

Таким образом, протоколы и решения Тюменского облисполкома в 1970—1980-х гг. дают во многом полное представление о направлениях градостроительной политики в нефтедобывающих районах Тюменской области. Анализ протоколов и решений облисполкома показывает, что градостроительная политика руководства Тюменской области в основном сводилась к контролю выполнения министерствами правительственных директив. Вместе с тем противоречия между местной властью и ведомственными интересами, которые зародились в начале 1960-х гг., не были преодолены. Протоколы свидетельствуют о постоянном невыполнении заданий по жилищно-гражданскому и социально-культурному строительству в городах нефтяников.

Примечания

¹ Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТО). Ф. 814. Оп. 1. Д. 5033. С. 7—12.

² Там же. С. 9.

³ Там же.

- ⁴ Там же. Д. 5032. С. 49—50; Д. 5179. С. 208—210; Д. 5316. С. 142, 146—149, 334.
- ⁵ Там же. Д. 5171. С. 206—207.
- ⁶ Там же. Д. 5179. С. 294—295.
- ⁷ История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М., 2004. С. 157.
- ⁸ ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5053. С. 24—34.
- ⁹ Там же. С. 11.
- ¹⁰ Там же. С. 11—12.
- ¹¹ Там же. Д. 5041. С. 54, 446—453.
- ¹² Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 436. С. 80—95.
- ¹³ Там же. С. 74.
- ¹⁴ Там же. С. 71.
- ¹⁵ Там же. С. 76.
- ¹⁶ ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1470. С. 104—119.
- ¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 5183. С. 14—20.
- ¹⁸ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6882. С. 51—53.
- ¹⁹ ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5161. С. 15—19.
- ²⁰ Там же. Д. 5183. С. 35.
- ²¹ Там же. Д. 5545. С. 29—35.
- ²² Там же. С. 33.
- ²³ Там же. Д. 5662. С. 20-23.
- ²⁴ Там же. Д. 6218. С. 171.
- ²⁵ Там же. С. 139.
- ²⁶ Там же. С. 177.
- ²⁷ Там же. С. 138.
- ²⁸ Там же. Д. 855. С. 165 об.—168 об.
- ²⁹ Там же. Д. 6140. С. 54—55.
- ³⁰ Там же. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 48. С. 30—31.
- ³¹ Там же. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6218. С. 318.
- ³² Там же. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 80, 81, 91.
- ³³ Там же. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6569. С. 160—161.
- ³⁴ Там же. Д. 6860. С. 16—17.
- ³⁵ Там же. Д. 7016. С. 98.
- ³⁶ История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М., 2004. С. 262.
- ³⁷ ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7158. С. 80—85.
- ³⁸ Там же. Д. 7308. С. 10.

Раздел II

**ПРОШЛОЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
XVII—XX СТОЛЕТИЙ**

Глава 1

ПЕРВЫЕ АНГЛИЙСКИЕ СОЧИНЕНИЯ О СИБИРИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ М.П.АЛЕКСЕЕВА

В работах выдающегося литературоведа советского времени М.П.Алексеева (1896—1981) тщательному анализу подверглись многочисленные сочинения о Сибири, оставленные англичанами во второй половине XVI — XVII вв. Из этих работ, несомненно, выделяется книга «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей...». Завершенная в 1932 г. и выдержавшая к настоящему времени три издания, она признается классическим, образцовым трудом¹.

Одно из рассмотренных М.П.Алексеевым сочинений вышло из-под пера Р.Джонсона. Он приехал в Московию с первым английским кораблем, достигшим ее северного побережья в 1553 г., через пять лет вместе с видным агентом английской торговой компании А.Дженкинсоном совершил из Москвы путешествие с караваном в Бухару, получив тогда от русских и иностранцев сообщения о путях из России в Китай и о разных народах, живущих между двумя названными государствами.

В оценке М.П.Алексеева расспросные данные, собранные Р.Джонсоном, заключают и «сведения о некоторых странах самоедов, живущих по реке Оби и по морским берегам за этой рекой, переведенные слово в слово с русского языка».

С точки зрения М.П.Алексеева, все краткие заметки Р.Джонсона полны громадного исторического интереса: любопытный англичанин буквально воспроизвел в них все то, что ему удалось узнать в России о еще таинственной и для русских Сибири; особенно любопытна та заметка Джонсона, которая «слово в слово переведена с русского языка». Д.Н.Анучин в работе «К истории ознакомления с Сибирью до Ермака» (1890 г.) обратил внимание на то, что данные англичанина очень близки к тем, которые приведены в одной древнерусской этнографической статье «О человецех

Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-4218.2012.6.

незнаемых в восточной стране); правда, сравнительно с подлинником английская версия данной статьи значительно короче; из нее выпущено «все то, что представляется более невероятным и преувеличенным»². Это позволило Д.Н.Анучину заключить, что «Джонсон ознакомился непосредственно или при помощи какого-нибудь русского» с названным сочинением и что упомянутый английским путешественником «житель Холмогор Федор Товтыгин был, возможно, и составителем статьи “О человецах незнаемых”»³.

Первым англичанином, который водным путем старался доехать до Оби (в 1556 г.), являлся, насколько известно, Стивен Бёрро. Он выехал из устья Печоры вместе с самоедами и впоследствии привез на родину те сведения об Оби, которые получил от местных рыбаков и охотников на моржей. Одним из информаторов С.Бёрро явился некий Федор, которого М.П.Алексеев склонен был отождествить с Федором Товтыгиным, давшим Джонсону материал для его донесения⁴.

Еще одно произведение, которое привлекло внимание ученого, принадлежит фактору английской торговой компании Антону Маршу.

Он в то время, когда Иван Грозный разгневался за что-то на Московскую компанию, выпросил у царя позволение на самостоятельный торг в Астрахани и Сибири; соучастниками Марша были Дж. Горсей и некоторые другие англичане, состоявшие в то же время на службе у этой «русской» купеческой компании. Когда иски предъявили к взысканию, то ее агенты уверяли, что у Марша имелся собственный двор и что компания не может отвечать за действия, предпринятые всецело по собственному почину этого фактора.

Марш начал с найма русских торговых агентов (без которых тогда не могли обходиться крупные предприниматели) и поручил им исследовать морской путь в Обь и условия сибирского пушного рынка. Эти агенты удачно исполнили поручение и в Обском крае купили для англичанина много мехов на большую сумму. Однако следом русские служилые люди отняли у агентов Марша все товары и передали их в казну, ему же московские власти запретили устраивать подобные экспедиции.

В современном английском переводе с подлинника сочинение А.Марша напечатано в сборнике С.Перчеса, как думалось М.П.Алексееву, полностью, и передает впечатления людей, видимо,

нередко бывавших на севере Сибири. И само описание морского пути в Обь, и ряд географических названий, и несколько естественно-исторических данных, приведенных Маршем, очень интересны, что выяснил еще академик И.Х.Гамель⁵.

В качестве важного источника по истории Сибири второй половины XVI в. М.П.Алексеев обратился и к запискам Фрэнсиса Черри. Называемый С.Перчесом одним из важнейших агентов Московской компании, Черри несколько раз исполнял важные дипломатические поручения и русского, и английского правительств.

Уже при Иване Грозном молодой Черри служил в английской конторе на Варварке в Китай-городе. Русский язык он знал так хорошо, что служил толмачом и при царском дворе.

Перчес свидетельствует, что Черри ездил на восток Московского государства — «в Пермский край», хотя где он был, в точности неизвестно. И.Х.Гамель находил, что, по-видимому, Черри «пробрался за черту Строгановских владений, а именно на восточную сторону Урала, потому что, по словам его, он ел обских осетров». В.Н.Александренко также думал, что Черри, «кажется, первый из англичан проник сухим путем за Урал в Сибирь». С.Ф.Платонов высказывался осторожнее: по его мнению, Черри, «по-видимому, добрался до Северного Урала». Когда совершено это путешествие, установить также затруднительно. М.П.Алексеев полагал, что оно состоялось не в приезд Черри в Москву в 1598 г., о котором сохранилось его донесение, а ранее (1587?), потому что, заняв важное и почетное положение среди главных членов Московской компании, Черри едва ли согласился бы на длительную и опасную поездку. Она, вероятнее всего, была предпринята вскоре после 1585 г., к которому относится грамота царя Федора Ивановича, предоставившая Черри право торговли в России с половинной пошлиной и другие льготы.

Ф.Черри, который был переводчиком еще царя Ивана Васильевича и ездил в Пермский край на востоке России, рассказывает, что ел осетра, пойманного в Оби, и в этой местности неоднократно слышал от русских, которых он считает великими путешественниками, о теплом море, находящемся за Обью в юго-восточном направлении. Кроме того, Томас Линде — честный и скромный английский купец, который провел много лет в этих краях Московии, говорит, что это море расположено за Обью и, по словам

русских, там настолько тепло, что все виды морских птиц живут на нем и зимой, и летом. Приведенный рассказ свидетельствует о том, что теплое море омывает берега далекой южной Азии. М.П.Алексеев склонялся к мнению, что имеется в виду Тихий океан⁶. «Теплым» море названо, видимо, в отличие и по аналогии со «Студеным» морем, т.е. Ледовитым океаном. Исследователь признавал очень возможным, что через посредство тунгусов и других туземцев кое-какие известия о Тихом океане русские получили уже в конце XVI в.; весьма правдоподобно также, что «о теплом море» на юге Азии могли сообщить русским среднеазиатские купцы, бывшие в Китае. «Теплое море», возле которого жил «черный хан», по наблюдению ученого, упоминается в былинах минусинских татар.

В опубликованном им тексте выражение «провел много лет в этих краях Московии» недостаточно ясно; его, конечно, нужно понимать не в том смысле, что Т.Линде был в Сибири; речь может идти, по-видимому, считал М.П.Алексеев, только о Пермском крае, о котором говорит и Черри⁷.

М.П.Алексеев, очевидно, разделял мнение С.М.Середонина, что «из всех англичан, посетивших в XVI в. Россию, Джильс Флетчер был наиболее образованный человек».

В 1588 г. его отправили послом Елизаветы I к царю Федору. Возвратившись в Англию, Флетчер, помимо донесения своему правительству о посольстве, продолжавшемся с сентября 1588 г. по июль 1589 г., написал книгу «О государстве Русском или образ правления русского царя, обыкновенно называемого царем московским, с описанием нравов и обычаев жителей этой страны» (1591 г.), занимающую важное место среди сказаний иностранцев о России XVI в. (Первая попытка издать сочинение Флетчера на русском языке, предпринятая в 1848 г. О.М.Бодянским, вызвала известную «цензурную историю», самая же книга была конфискована и уничтожена. По одному из случайно сохранившихся экземпляров А.Бурцев перепечатал этот перевод в своем «Описании редких российских книг». Впоследствии А.С.Суворин сделал сочинение Флетчера доступным публике, переиздав его в третий раз вместе с предисловием князя М.А.Оболенского (1906 г.). В 1911 г. в Петербурге вышел еще один перевод этой книги под редакцией князя Н.В.Голицына).

Одним из главных поводов для приезда Флетчера в Россию стало дело А.Марша, торговавшего, напомним, одно время с Сибирью на свой страх и риск и отправлявшего туда собственные торговые экспедиции. С точки зрения М.П.Алексеева, все то, что Флетчер сообщает о пермяках, под которыми, вероятно, следует иметь в виду коми-зырян, и особенно о самоедах, он мог узнать либо от самого Марша, которого вез с собой на родину (ранее об этом писал С.М.Середонин), либо от других англичан, живших в Москве.

О Сибири Флетчер упоминает еще несколько раз в других местах своей книги, но эти разрозненные данные не объединены у него в связный рассказ. Говоря о сибирском царе, которого привезли в Москву в прошедшем году, и теперь живущем вместе с Федором Ивановичем, получая хорошее содержание, Флетчер, на взгляд М.П.Алексеева, вероятно, имеет в виду царевича Магметкула (Маметкула, Мамет-куля), очутившегося в Москве в 1583—1584 гг. и, скорее всего, являвшегося не братом, а племянником Кучума⁸.

В сочинении Флетчера, по указанию исследователя, есть еще несколько мелких упоминаний о Сибири (например, о суровости климата и бесплодности почвы зимой; ссылке дворян в Сибирь; доходах, получаемых от подати в Сибири; сибирских мехах в государственной казне и т.д.), из которых интереснее других, хотя и не отвечающим действительности, М.П.Алексееву казался рассказ о приобретениях Строгановых на сибирской границе. (Царь был доволен их податью до тех пор, пока они не приобрели землю в Сибири и не сделали ее удобною к населению, истребив огнем и вырубкой леса от Вычегды до Перми, на расстоянии 1000 верст; тут он насильно отнял у них все. С.М.Середониным показано, что доверять этому сообщению не приходится)⁹.

Как писал М.П.Алексеев, в 1611 г. английская торговая компания, директором которой являлся Т.Смит, в надежде на большую прибыль попыталась завязать непосредственные сношения с крайним северо-востоком России и для этого послала к устью Печоры специальный корабль «Дружба», капитаном которого был Джеймс Вэден — опытный и смелый моряк, хорошо изучивший условия плавания по полярным водам и не раз ходивший до Шпицбергена. На корабле находились В.Гордон, Ф.Черри, Р.Финч и, наконец, фактор Дж. Логан, его помощник В.Персглоу и ученик М.Уилсон.

Логан, Персглоу и Гордон на шлюпке с шестью гребцами проехали через Сухое море к реке Печоре и поднялись по ней до Пустозерска, куда прибыли через пять дней, 16 июля. Здесь не без труда англичане выхлопотали разрешение у таможенных сборщиков на некоторое время остаться в Пустозерске. Только безвластием и полной независимостью местных администраторов и можно объяснить, считал М.П.Алексеев, удачу предприятия Логана и его спутников, а также продолжительность их пребывания в этом крае. Закупив много товаров, Гордон с Персглоу возвратились на «Дружбу», «первый с тем, чтобы поплыть дальше, а второй для того, чтобы с Уилсоном опять проехать в Пустозерск и привезти с корабля различные товары». Логан, Персглоу и Уилсон остались в Пустозерске на зиму, изучая условия местных рынков и особенно интересуясь странами, расположенными к востоку от него.

Наибольший интерес, с точки зрения М.П.Алексеева, представляют сведения Логана и Персглоу, касающиеся Сибири и полученные ими расспросным путем, главным образом в Пустозерске. Логан был довольно сведущим лицом в торговых делах. Еще в 1603 г. его назначили торговым агентом в Колу, где он пробыл пять лет. Вероятно, указывал М.П.Алексеев, Логан выучился тогда русскому языку, который очень пригодился ему во время путешествия 1611 г. и зимовки в Пустозерске для сбора сведений о странах северо-востока и торговых путях в Китай. Некоторые исследователи отдают предпочтение известиям Персглоу, с которыми донесения Логана зачастую имеют не только сходство, но и текстуальную близость, и предполагают, что Логан в некоторых случаях пользовался известиями Персглоу как первоисточником. Такой вывод, даже если и правилен, на взгляд М.П.Алексеева, все же несколько не делает их менее интересными, поскольку известия двух англичан собирались ими в одном и том же месте и, вероятно, от одних и тех же лиц; кроме того, эти известия не совпадают друг с другом вполне, иногда рассказы Логана подробнее, чем Персглоу; Логан, который сам знал русский язык, имел возможность получать сведения самостоятельно.

Ученый отметил, что Логан был знакомым Р.Гаклюйта и, возможно, собирал географические данные по его инструкциям и поручению: это, в свою очередь, увеличивает их ценность. Между прочим, Логан и Гордон, будучи на Колгуевом острове, даже

назвали одну реку по имени Гаклюйта, что говорит об их уважении к английскому историографу. Письма Логана к Гаклюйту, как представлялось М.П.Алексееву, могут подтвердить, что Логан, пожалуй, интересовался географическими вопросами не только «с узкопрактической точки зрения и сделался, вероятно, корреспондентом интересным и очень ценным». Однако сам Гаклюйт, умерший в 1616 г., не смог воспользоваться всеми материалами, переданными ему Логаном, и они достались продолжателю Гаклюйта С.Перчесу, который и напечатал их в своем сборнике. Среди этих материалов находились письма Логана и род дневника, который он вел во время зимовки в Пустозерске в 1611—1612 гг. В него автор заносил все интересовавшие его сведения, полученные из бесед с местными жителями и приезжими самоедами и тунгусами. Как в письмах, так и в дневнике есть много данных о Сибири. Логан уже слышал про реку Енисей и, случайно увидев купленный у самоеда кусок слоновьего зуба (вероятно, это мамонтовая кость), полагал, что находится на пути в Китай и Индию. В описании мощной реки за Енисеем, текущей на юг, М.П.Алексеев с большой долей вероятности видел Амур. Все эти известия заслуживают в представлении ученого пристального внимания.

Логан вместе со спутниками, энергично изучавший также местный рынок, выяснил, что главным центром русско-сибирской торговли была Слободка (позднее предместье г. Мезени). Англичане купили много ценных товаров, по преимуществу пушнины, и сухопутьем вернулись в Холмогоры в конце сентября 1612 г.

Вслед за донесениями Дж. Логана Перчес напечатал также и донесения Персглоу. Уже это одно в глазах М.П.Алексеева свидетельствует о том, что несмотря на частичные совпадения известий обоих авторов, Перчес придавал значение и тем и другим. Исследователи конца XIX в. склонялись к тому, что первоисточником должны считаться донесения Персглоу, т.к. составленные Логаном в сравнении с ними кажутся «искаженными и изуродованными»; настаивать на таком мнении М.П.Алексеев не решался на том основании, что и Логан, и Персглоу собирали свои сведения в одном и том же месте и, вероятно, даже от одних и тех же лиц, чем и может объясняться их значительная, порой почти текстуальная близость. Во всяком случае, сопоставление и сравнительное изучение двух этих параллельных рядов известий, с точки зрения

М.П.Алексеева, может оказаться очень поучительным для восстановления истины, тем более, что в некоторых случаях между текстами Логана и Персглоу налицо довольно резкие расхождения. Так, например, у Логана есть одно интересное известие, отсутствующее у Персглоу: «самоеды» (тунгусы?) видели «белый город» и слышали, что у местных жителей имеются животные, по всем признакам напоминающие лошадей. Персглоу ничего не упоминает о «белом городе», но зато прямо говорит, что тунгусы «видели людей, верхом на конях». Данному известию у Логана соответствует сообщение, что к тунгусам «вышли люди, все сделанные из железа»; «я полагаю, — прибавляет он, — что это были люди, одетые в латы». Догадаться о том, кем являлись эти латники, довольно трудно, т.к. железные панцири тогда носили киргизы, татары, монголы (включая калмыков), манчжуры и русские. Очень правдоподобным М.П.Алексеев находил предположение Дж. Бэддели, что речь идет просто о русских казаках.

Персглоу говорит о реках Пясине и Хатанге, которые впадают в Ледовитый океан на востоке за Енисеем; то же читаем и у Логана, но далее, сообщая о реке, которая течет на юг, Логан и Персглоу противоречат друг другу, т.к. один пишет «течет в Китай», а другой — «вытекает из Китая». Указание Логана, вероятно, связано с предшествующим известием о «большой реке» за Тунгуской, в которой Гэннинг, скорее всего, правильно признал Амур.

По предположению того же исследователя, свидетельство Персглоу вернее, т.к. оно находится в связи с данными, отсутствующими у Логана. Последний смешал Хатангу, которая названа у него Catonga, с Катунью — притоком Оби, и поместил около нее местопребывание «Teulka-tsar», в котором М.П.Алексеев считал возможным видеть одного из телеутских князьков; далее, однако, Логан вновь говорит о Пясине и Хатанге.

М.П.Алексееву казалось, однако, более правдоподобным предположение Дж. Бэддели о тождестве Teulka-tsar с мелким остяцким князьком Тулкиным, что устраняет необходимость в Catonga Логана видеть Катунь, а не Хатангу, которая, несомненно, и имеется здесь в виду. Тулкин упомянут в одном из документов начала XVII в., находящихся в «Портфелях Миллера»: голова Кетского острога В.Молчанов посылал казаков из Черного острога к сыну этого Тулкина, который считался данником киргизов.

На Енисей, писал М.П.Алексеев, русские попали в начале XVII в. с севера. Следуя от устья Таза вверх по реке, они переправились на Турухан. В устье этой реки, впадающей в Енисей, около 1607 г. построено было Туруханское зимовье, о котором и говорит Персглоу¹⁰.

М.П.Алексеевым проанализированы и «Заметки о путешествии русских», Ричардом Финчем «переведенные с русского языка», которые широко известный дипломат и предприниматель конца XVI — первой трети XVII вв. Дж. Меррик привез из России в Англию. Р.Финч — английский торговый агент, с 1605 г. служивший в Московской компании в России и здесь основательно изучивший русский язык. Гэннинг датирует «Заметки» приблизительно 1610—1616 гг., т.к. в одном известии упоминается г.Туруханск, основанный около 1610 г., а Р.Гаклюйт, в бумагах которого это известие найдено, умер в 1616 г. Но, может быть, думалось М.П.Алексееву, данное сочинение следует датировать тем же 1611 г., к какому относятся известия Логана и Персглоу. Поскольку Туруханск назван здесь еще «зимовьем», то приводимые известия относятся, вероятно, к первым временам существования поселения, а так как передаются разведочные данные первых поселенцев, то они падают, вероятно, еще на более раннее время, потому что основание Туруханска датируется только приблизительно около 1610 г. Со ссылкой на Краткую летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии М.П.Алексеев приурочивает «основание зимовья Туруханского» к 1607 г. (Эту дату можно считать принятой в русской историографии). Несмотря на свою краткость, соответствующее известие имеет громадный исторический интерес, заключая не только географические, но и этнографические сведения о народах, живущих в Приенисейском крае. Для правильного понимания этих сообщений следует помнить, что они исходят из двух источников — от русских и от тунгусов, которые определяли географическое положение каждые со своей точки зрения.

Как сообщается в «Заметках...», далее, т.е. еще восточнее, живут народы — булаши и силахи, имена которых не поддаются точной расшифровке (остяко-самоеды?). По заключению М.П.Алексеева, известие об этих народах принадлежит уже тунгусам, которых русские пришельцы нашли в окрестностях Туруханска и у которых они расспрашивали о местностях, расположенных не на

восток, а на юг и север от Туруханска. Исходя из их местожительства, тунгусы свидетельствуют, что по ту сторону Енисея, т.е. на восток от них или на север от Туруханска, обитают остяки и имбаки, в которых нетрудно узнать два племени енисейских остяков. Но с точки зрения тунгусов, «за их землей» может означать также и на левом берегу Енисея, т.е., иначе говоря, под рекой Geta мы можем понимать не Хету — левый приток Хатанги, а Кеть, связывающую Обь с Енисеем южнее Туруханска. Это объяснит тогда, указывал М.П.Алексеев, и слова о Geta, «по которой ездили русские с Vashen и Печоры», где под именем Vashen можно понять не Мезень, как думает Гэннинг, а реку Вах или Ваг — правый приток Оби. В XVII в. Вах (о чем писал и С.В.Бахрушин) служил также путем для торговых сношений с Оби на Енисей (между Тобольском и Туруханском); разделяющий обе системы волок находился между рекою Волочанкою, притоком Ваха, и Черною, притоком Елогуя. Благодаря такому толкованию становится также понятным рассказ о русском (по имени Волкот) самоедов, живших на левом, а не на правом берегу Енисея. Впрочем, не исключено, что под именем Geta следует понимать и Хету — приток Хатанги, с которой русские должны были познакомиться как раз в те годы, к которым относится известие Финча, как видно из донесений Логана и Персглоу. «Заметки о путешествии русских» особенно интересны благодаря содержащимся в них этнографическим данным, утверждал М.П.Алексеев¹¹.

Он обратил внимание и на отрывок, который принадлежит, вероятно, одному из английских купцов — агентов Московской компании. Это известие условно датируется 1616 г., т.к. тогда русские дошли до страны «царя Алтына», а в 1617 г. посольство от него прибыло в Москву; некоторые данные, однако, относятся к более раннему времени; так, здесь упоминается о таможенных сборах г. Сургута за 1611 г. Данный отрывок редко обращал на себя внимание, а между тем он очень интересен уже своим описанием путей из европейской России в сибирские города; особый интерес представляют сведения о торговле в Сургуте персидских и китайских купцов и торговцев из страны «Алтын-хана». Указывая на сходство этих известий с данными И.Балака, Гэннинг замечает, что «если ... в обоих имеется в виду торговля на Иртыше (а не на Оби), то второе из них тем замечательнее, что оно впервые

дает отчетливые сведения о торговле Китая с Обью» через посредство страны «Алтын-хана», и подкрепляет предположение, что под китайским озером имелось в виду озеро Убса-Нор. Вероятно, полагал М.П.Алексеев, автору того же отрывка принадлежат два перечня товаров, которые можно выгодно сбывать в Сибири; они напечатаны у Перчеса непосредственно вслед за известием о путешествии в эту страну¹².

В многообразном творчестве Джона Мильтона (1608—1674) — знаменитого английского поэта, идеолога пуританской буржуазии революционной эпохи — обособленное место занимает небольшой историко-географический трактат, в котором дается описание Московского государства и особенно его северо-восточных окраин. Этот трактат, который увидел свет только через восемь лет после смерти автора, если и не являлся «оношеской компиляцией Мильтона», как ее называл Вахлер, то, во всяком случае, указывал М.П.Алексеев, создан был задолго до того времени, когда Милтон задумал его напечатать. Сам Милтон, готовя книгу к изданию, отметил, что она написана «много лет назад», — когда именно, об этом можно догадаться только приблизительно.

По мнению лучшего английского биографа Мильтона — Д.Масона, трактат о Московии мог относиться к ранним годам службы Мильтона в качестве государственного секретаря молодой английской республики, примерно к 1649—1652 гг., причем на выбор темы и характер обработки материала, не исключено, оказали влияние как педагогические интересы и собственные занятия автора историей и географией, так и непосредственные его служебные дела; в 1657 г., когда Кромвель озабочен был англо-русскими торговыми отношениями, одно из писем в Москву, к царю Алексею Михайловичу, по поручению лорда-протектора сочинил именно Милтон, — верительное письмо, данное английскому послу в Московию Р.Брэдшоу.

Милтон собирался написать рассказ точный, основанный на первоисточниках, собранных в разных местах, освобожденный от ненужных подробностей и специально приспособленный для широких читательских кругов: это был, по словам Штерна, «первый решительный опыт популяризации науки, того типа, который получил столь неожиданно большое распространение в следующем столетии». Видимо, полагал М.П.Алексеев, Мильтона удовлетворил

найденный им тип популярной книги историко-географического содержания, ибо он много лет спустя после ее написания позаботился все же о том, чтобы она увидела свет. Но «Краткая история Московии» была не самостоятельным трудом, а только компиляцией из различных источников, и лишена научного значения: по типу своему, находил М.П.Алексеев, она примыкает к таким изданиям эпохи, как «Всемирные реляции» Ботеро или известная хрестоматия Эльзевиров. Тем не менее книга Мильтона представляет известный интерес, во-первых, потому что она, несомненно, читалась многочисленными поклонниками английского поэта и ее сведения признавались вполне соответствующими действительности еще в XVIII в., во-вторых, потому что занятия Мильтона историей и географией России нашли отражение и в его поэтическом творчестве. Он так заинтересовался Московией и в особенности ее восточными окраинами, что увлечение это оставило след в его поэме «Потерянный рай»: здесь упоминаются реки Печора и Обь, страна самоедов.

Книга Мильтона, впервые в русской литературе указанная М.П.Полуденским и вскоре переведенная Е.П.Карновичем, основана на перечисленных самим автором в конце своего сочинения источниках (19 названий). Как установил Ю.В.Толстой, из них «одинадцать находятся в 1-м томе Гаклюйтова сборника путешествий, семь напечатаны во 2 и 3-м томах сборника Перчеса, девятнадцатое представляет собой описание путешествия в Москву сэра Т.Смита, напечатанное сперва отдельной книгой, а потом вошедшее в 3-й том Перчесова сборника»; следовательно, пособиями Мильтона оказываются, собственно говоря, только три книги, да и те пользовались широкой популярностью у английских читателей в XVII в. Однако Ю.В.Толстой не совсем прав: по заключению М.П.Алексеева, скорее всего, Мильтон назвал не все использованные им источники; Штерн находил, например, возможным, что некоторые материалы о России Мильтон получил от своего друга Марвеля, бывшего секретарем известного посольства в Москву в 1663 г. лорда К.-Г.Карлейля; кроме того, Мильтон не просто переписывал реляции английских путешественников, но обрабатывал их в духе, соответствующем цели своего произведения; можно говорить о специальном интересе выдающегося поэта к истории Лжедмитрия I.

Правда, констатировал М.П.Алексеев, Мильтон меньше всего обработал те части своего сочинения, в которых дается описание Сибири и путей из Москвы в Китай: здесь он в полной власти своих источников и ни на шаг не отступает от них; по отношению к ним справедливо, пожалуй, замечание Ю.В.Толстого, что Мильтон «не умел воспользоваться любопытными и обильными материалами, которые имел для своего труда, не подверг их исторической критике и совершенно выпустил из вида, что они относятся к разным эпохам». Не нужно, однако, забывать, что в первой половине XVII в. Сибирь и страны Дальнего Востока представляли еще края, очень мало известные европейцам, и что автор книги воспроизвел почти весь круг данных, какими мог располагать образованный англичанин его времени. Любопытно, что Мильтон знал и цитировал рассказ сибирского казака И.Петлина о поездке в Монголию и Китай в 1618 г.¹³ (В другой работе М.П.Алексеева «Краткая история Московии» Мильтона определяется как компиляция, в основном составленная по рассказам английских мореплавателей из сборников Гаклюйта (1589 г.) и Перчеса (1625 г.), и упомянуто, что о Московии говорится и в поэме Мильтона «Потерянный рай»¹⁴).

Как писал М.П.Алексеев, английский купец Дж. Гебдон в должности московского резидента в Англии и Голландии в один из своих двух приездов в Нидерланды для вербовки на русскую службу офицеров, врачей и аптекарей, и (между мартом и декабрем 1659 г. или летом 1660 г.), встретившись с англичанином С.Коллинзом, предложил ему вакантную должность лейб-медика при царе Алексее Михайловиче. Коллинз согласился и вместе с Гебдоном приехал в Москву. Там Коллинз провел девять лет, затем, по его собственному желанию, был отпущен на родину, очень щедро при этом награжденный.

После смерти Коллинза один из его учеников или друзей, находившийся с ним в России, передал английскому книгоиздателю оставшиеся от Коллинза записки о его пребывании в Москве, которым придана была форма письма. Изданная впервые в Лондоне в 1671 г., эта книга привлекла внимание современников и заняла, указывал М.П.Алексеев, довольно важное место среди иностранных источников о Московском государстве. Книга полна очень любопытных данных, собранных там автором. В оценке М.П.Алексеева, правда, известия Коллинза о Сибири дают мало нового

сравнительно с его предшественниками. Попадись ему книги Гаклюйта и Перчеса, он увидел бы, что, например, о реке Оби, которую считал «малоизвестной», его соотечественники собрали достаточно подробные сведения уже на рубеже XVI—XVII вв.¹⁵, что на путешествие в Сибирь отнюдь не требовался столь значительный срок (шесть лет), как он предполагает и т.д. В отдельных случаях Коллинз был, вероятно, просто плохо информирован. При всем том некоторые из приводимых им данных очень интересны, ибо основаны на устных расспросах побывавших в Сибири людей, которых он видел в Москве. Характерной особенностью сообщаемых Коллинзом сведений М.П.Алексеев признавал обилие естественно-исторических наблюдений; специальное образование и склонности натуралиста позволили англичанину собрать известия о флоре и фауне Сибири, отсутствующие у других писателей. Любопытны его сообщения о степных пожарах на юге Сибири, о самоедах и др.¹⁶ Позднее ученый отводил книге Коллинза «немаловажное место среди иностранных источников о русском государстве»¹⁷.

Таким образом, М.П.Алексеев — «один из самых выдающихся ученых XX столетия»¹⁸ — подробно и разносторонне интерпретировал свидетельства англичан второй половины XVI—XVII столетий о Сибири, прежде всего той ее части, которая тогда стала «далечайшей вотчиной» московских государей.

Примечания

¹ От редколлегии // Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей: Введение, тексты и комментарий: XIII—XVII вв. 3-е изд. Новосибирск, 2006. С. III, V (СО РАН. Избр. труды). По словам Л.А.Гольденберга, в книге М.П.Алексеева «удивительно просто решены сложные вопросы выбора текста малодоступных иностранных источников и сочинений и выполнены высококвалифицированные переводы, которые вместе с историческим очерком, комментариями и критически проверенным биографическим материалом составили уникальное справочное пособие, необходимое всем исследователям истории Сибири» (Гольденберг Л.А. С.У.Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII — начала XVIII вв.: Дис. ... д-ра ист. наук. 1967 г. // Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Тобольск, 2011. С. 344).

² По мнению М.Д.Каган, Р.Джонсон перевел несколько сокращенное начало этой статьи (Каган М.Д. Сказание «О человецех незнаемых в восточной стране» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 393).

³ Д.М.Лебедев и разделял это мнение, и признавал его «весьма условным» (Лебедев Д.М. Очерки по истории географии в России XV и XVI веков. М., 1956. С. 63, 126).

Позднее М.П.Алексеев писал, что в 1558 г. Р.Джонсон сделал «очень точный перевод небольшого русского этнографического сочинения “О человецех незнаемых в восточной стране и о языцех розных”» (Алексеев М.П. Английский язык в России и русский язык в Англии // Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1944. № 72. Сер. филол. наук. Вып. 9. С. 81). О том, что это произведение было переведено на английский язык, говорится и в статье В.В.Мавродина (Мавродин В.В. Русское полярное мореходство и открытия русских поморов на Севере Европы с древнейших времен и до XVI века // Вопросы истории. 1954. № 8. С. 106). На взгляд же А.И.Плигузова, заметки Р.Джонсона лишь восходят к сказанию «О человецех незнаемых...» (Плигузов А.И. Первые русские описания Сибирской земли // Там же. 1987. № 5. С. 43).

⁴ Алексеев М.П. Сибирь в известиях ... С. LV, 107—108, 111.

⁵ Там же. С. 157—158. Позднее «заметка об экспедиции на р.Обь, предпринятой Антоном Маршем, главным фактором английской компании в Московии», была проанализирована в книгах Д.М.Лебедева и Л.С.Берга (Лебедев Д.М. Очерки по истории географии ... С. 41—44; Берг Л.С. История русских географических открытий. М., 1962. С. 65—66).

⁶ А.В.Ефимов повторил это предположение (Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971. С. 63). Д.М.Лебедев же писал, что «под теплым морем, лежащим юго-восточнее Оби, далеко на юге Азии, надо, конечно, подразумевать Тихий океан» (Лебедев Д.М. Очерки по истории географии ... С. 128).

⁷ Алексеев М.П. Сибирь в известиях ... С. 164—166.

⁸ Эту мысль, высказанную С.М.Середониным, впоследствии повторили и Е.И.Дергачева-Скоп, А.А.Преображенский, Р.Г.Скрынников, Д.И.Копылов, А.А.Севастьянова, Л.Р.Кызласов, А.В.Матвеев и С.Ф.Татауров, но относительно «Путешествий» Дж. Горсея, который, скорее всего, и поведал Дж. Флетчеру о знатном пленнике, привезенном в Москву из Сибири.

⁹ Алексеев М.П. Сибирь в известиях ... С. 166—171.

¹⁰ Там же. С. LV, LVIII, 178, 184—192, 196. См. также: Алексеев М.П. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVII вв. // Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1946. № 95. Сер. ист. наук. Вып. 15. С. 56. О том, что спутник В.Персглоу Дж. Логан собирал «географические сведения от пустозерцев», недавно писал Е.В.Вершинин. См.: Обдорский край и Мангазья в XVII веке: Сб. док. Екатеринбург, 2004. С. 172.

¹¹ Алексеев М.П. Сибирь в известиях ... С. 197—202.

¹² Там же. С. 236—238.

¹³ Алексеев М.П. Английский язык в России ... С. 81; Он же. Сибирь в известиях ... С. LV, 249—253, 257—259.

¹⁴ Алексеев М. Сибирь в западно-европейской литературе // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1932. Т. 3. Стлб. 210, 211.

¹⁵ Как отмечал М.П.Алексеев, упоминания об Оби есть даже в английской драматургии рубежа XVI—XVII вв. См.: Шекспир и русская культура / Под ред. М.П.Алексеева. М.; Л., 1965. С. 786. Примеч. 6.

¹⁶ Алексеев М.П. Сибирь в известиях ... С. 304—307, 310—312.

¹⁷ Алексеев М.П. Англия и англичане ... С. 59.

¹⁸ От редколлегии // Алексеев М.П. Сибирь в известиях ... С. V.

Глава 2

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СИБИРСКИХ НАРОДАХ КОНЦА XVI—XVIII вв. В ОСВЕЩЕНИИ ДОСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Так сложилось, что труды ученых-историков досоветского периода долгое время изучались с позиций их классовой принадлежности, что приводило к формальным историографическим схемам и тенденциозным оценкам. Это проявлялось в обязательном отнесении исследователей к «дворянскому», «буржуазному» или «демократическому» лагерю и соответствующей трактовке результатов их исторических изысканий. Влияние такого подхода до сих пор прослеживается в работах некоторых сибиреведов¹. Не отрицая, безусловно, наличия связи между социальным статусом, политическими симпатиями/взглядами историка и его исследовательской позицией, все же следует признать, что преувеличение роли этой взаимозависимости значительно упрощает представление об историографическом процессе, не способствует объективному и всестороннему рассмотрению авторских концепций и точек зрения, касающихся конкретных исторических явлений и событий. Труды, выбранные в качестве объекта историографического исследования заслуживают более внимательного и непредвзятого прочтения.

В рамках данной публикации рассматривается процесс и результаты изучения в досоветской историографии нормативно-правовых актов, определявших политику Российского государства в отношении коренных народов Сибири на этапе их подчинения и последующей интеграции в систему административных, социально-экономических и конфессиональных отношений формирующейся империи. Следует отметить, что начиная с «Устава об управлении инородцев» 1822 г., имперское законодательство о народах Сибири стало существенно отличаться своей системностью, уровнем юридической техники и понятийного аппарата от предшествовавших не обобщенных, порой противоречащих друг другу правовых установлений. Ему посвящено значительное число работ, заслуживающих отдельного историографического очерка.

К тому же, в статьях Л.М.Дамешека и С.В.Кодана предпринимался анализ трудов, посвященных законодательству о сибирских ино-родцах XIX — начала XX веков². А вот история изучения законо-дательной политики российской монархии конца XVI—XVIII вв. в интересующей нас сфере не нашла пока своего отражения на страницах научных изданий.

Само русское законодательство в отношении зауральских на-родов долгое время не являлось предметом специального иссле-дования. В XVIII в., пожалуй, только Г.Ф.Миллер в своем «Опи-сании Сибирского царства» дал характеристику некоторых наи-более важных царских указов и грамот конца XVI—XVII вв., оп-ределявших полномочия воевод в отношении ясачного населения, права туземных князцов, порядок ясачного сбора, отнесение ясач-ных волостей к тем или иным уездам. Им опубликованы полные тексты соответствующих документов. Любопытно его замечание относительно указа царя Бориса Годунова в Пелым от 8 декабря 1600 г., которым, по мнению Миллера, «разные учинены опреде-ления, которыя и поныне в силе своей пребывают, и никогда до-вольно подтверждены быть не могут»³. Указ этот регламентиро-вал порядок ясачного сбора через ясачных сборщиков, возмож-ность сдачи ясака «лутчими людьми, князьками и мурзами» и сложения его с «больных, старых и увечных». В целом же у Мил-лера не прослеживается попыток систематического разбора соб-ранных им правовых и распорядительных актов с точки зрения вводимых ими норм.

Публикация Полного собрания законов Российской империи (далее — ПСЗ), а также многотомные издания актов Русского го-сударства, предпринятые по инициативе графа Н.П.Румянцева⁴ и Археографической комиссией⁵, предоставили исследователям XIX столетия богатый и систематизированный материал для изучения законодательной политики в отношении Сибири начиная с XVI в. Основой корпуса нормативно-правовых и делопроизводственных документов, относящихся к Сибири, для составителей «Собрания государственных грамот и договоров», «Актов исторических» и «Дополнений к актам историческим», «Русской исторической библиотеки» послужили материалы так называемых «портфелей Миллера».

В числе первых исторических трудов, в которых законоположениям правительства относительно зауральских окраин и населяющих их народов было уделено особое внимание, следует назвать «Историческое обозрение Сибири» П.А.Словцова, вышедшее в двух книгах в 1838—1844 гг. и переизданное в 1886 г. Для XVII в. в качестве «основных законов Сибири» Словцов определяет «государевы наказы, воеводам даванные, вечные истины вероучения и Соборное Уложение, на смену Судебника устарелого»⁶. Остановливаясь на содержании соответствующих статей Уложения, он, в частности, заметил по поводу разрешения покупки и вывоза из Сибири татар всяким людям, кроме воевод и приказных (ст. 117, гл. XX), что в этом случае трудно понять причину запрета покупать «азиатцев» должностным лицам. Полагая, что с отменой норм Судебника 1550 г. Сибирь «перестала знать судей с боярским и наместническим судом», справедливо сомневается, что Уложение поставило заслон судебному произволу воевод и их агентов. В целом Словцов высоко оценивал значение Уложения. Его обнародование рассматривает как «скрепу» союза русских и «племен подвластных». В нем он прослеживает отношение к Сибири как к стране отдаленной, но не колонии: «скорее, судя по исключительному царскому праву на мягкую рухлядь, можно бы помыслить, что Сибирь в уме правительства считалась государевою отчиною»⁷. Опираясь на данные рукописного сборника библиотеки Тобольской семинарии, известным как Черепановская летопись, Словцов подчеркивает факт неоднократной присылки в Тобольск пополнений к Уложению, так называемых «новоуказных статей», которые затем с нарочными рассылались по сибирским городам⁸. Характеризуя содержание наказов и грамот конца XVII в., он отмечает запреты на заведение игр в ясачных улусах, ввоз туда вина и табака, запрет декабрьским указом 1695 г. подвергать ясачных пыткам и казням без доклада государю⁹. Обозревая XVIII в., сибирский историк попытался дать ответ на вопрос о том, привели ли административные преобразования его первой половины к улучшению управления краем. Ответ этот он сопроводил выдержкой из именного указа Сенату от 16 августа 1760 г. императрицы Елизаветы¹⁰, в котором она выражает сожаление по поводу того, что «многие законы теряют силу от внутренних врагов, предпочитающих незаконную прибыль присяге, долгу и чести».

Упомянув в этой связи комиссии полковника Вульфа и гвардии секунд-майора Щербачева, призванные пресечь злоупотребления в отношении ясачных народов, Словцов заметил, что продолжавшиеся со стороны местных должностных лиц преступления можно объяснить как несовершенством «ясачных правил», так и морально-нравственным несовершенством исполнителей¹¹. В своей характеристике значения и последствий ясачной реформы 1763 г. он полностью опирался на оценки М.М.Сперанского, «заимствованные из бумаг государственного мужа»¹².

Первым, кто дал историко-правовую оценку установлениям XVIII в. в сфере управления сибирским ясачным населением, стали правительственные круги, а точнее, II отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, подготовившее и издавшее «Обозрение главных оснований местного управления Сибири». В нем кратко охарактеризованы нормативные акты, предшествовавшие сибирской реформе 1822 г., в том числе в отношении инородцев, определены недостатки системы управления краем, изложены идеи и содержание подготовленных для Сибири законопроектов. «Обозрение» основывалось на материалах разработчика реформы — Сперанского (отчет, подготовленный по итогам ревизии с прилагавшимися «собраниями разных сведений о Сибири») и, безусловно, отражало его точку зрения. Постановления о сибирских народах до 1822 г., по мнению правительственных чиновников, «ограничивались небольшим числом указов о приведении в Христианство и двумя инструкциями: 1) инструкцией, данную в 1728 году Владиславичем-Рагузинским пограничным (по Китайской линии) дозорщикам Фирсову и Михалеву, *о разборе маловажных дел ясачных иноверцев*; и 2) инструкцией, данную, за Высочайшим подписанием, в 1763 году, секунд-майору Щербачеву, *о ясачной подати* (курсив наш. — А.К.), ...». При этом отмечалось, что они заключали «одно предварительное начертание тех оснований, на коих долженствовали быть составлены полные правила о инородцах»¹³. Такая, прямо скажем, скупая выборка и сдержанная оценка обусловлена стремлением подчеркнуть значимость «Устава об управлении инородцев» и всесторонность разработанной им системы. Интересно, что Инструкция пограничным дозорщикам рассматривается в «Обозрении» как нормативный акт, регулировавший, прежде всего, сферу

суда. Ценным является замечание о том, что положения инструкции подтверждены высочайшим указом от 6 марта 1783 г., в той части, что «суд и расправа во всех делах тяжёбных и в неважных уголовных между сибирскими инородцами предоставлены родовым их управам, и почетным людям, по их степным правилам»¹⁴.

Любопытно, но факт, что ни инструкция графа С.Л.Владиславича-Рагузинского пограничному дозорщику Фирсову 1728 г., ни сенатская инструкция секунд-майору А.Л.Щербачеву не были включены в состав ПСЗ. Текст первой приведен в подборке нормативно-правовых и дипломатических актов о русско-китайской границе, подготовленной советником Троицко-Савского пограничного правления Е.И.Сычевским в 1846 г. и опубликованной В.Н.Басниным в 1875 г.¹⁵ Текст второй издан И.Булычевым в 1856 г.¹⁶ Здесь следует отметить, что нечеткость в определении понятия «закон» и в определении иерархии законодательных актов, присущая рассматриваемому периоду, влекла за собой нечеткость в отборе этих актов при публикации в ПСЗ. Впрочем, составители Полного собрания придерживались принципа отличия постоянных законодательных норм от временных постановлений. По разновидности законодательные акты, состоявшиеся со времени Уложения 1649 г., были распределены на 4 группы, где, кстати, не нашлось места такому нормативно-правовому документу, как инструкция¹⁷.

В 1866 г. были опубликованы материалы магистерской диссертации, защищенной в Казанском университете Н.А.Фирсовым. Этот труд положил начало специальному изучению административно-правового и социально-экономического положения народов Поволжья, Урала и Сибири в составе Московского государства XVI—XVII вв. Фирсов отмечает, что процесс вхождения в русское подданство этих народов был постепенным — от «полуданнических отношений» к «полному холопству». Медлительность и нерешительность Москвы в своих действиях по подчинению «инородческих союзов», по его мнению, доходила порой «до близорукой робости»¹⁸. Эти отношения были весьма неопределенными и значительно противоречили шертным записям, которые давали поступавшие в «полуподданство» русских царей. Характеризуя содержание шертных договоров и отношение к ним со стороны присягнувших князей и ханов, исследователь полагал, что последние «удерживали за собою все средства не исполнять обязательств».

Царь не считался собственником земель таких подданных и не имел других средств обеспечения их верности, кроме клятвы и заложников. По всей видимости, Фирсов имел в виду шертиприсяги, которые заключались с пермскими, югорскими, вогульскими князьями и сибирскими ханами во второй половине XV — первой половине XVI столетия. Их следствием были соответствующие прибавления к титулу русского государя, без реального захвата территорий. Весьма вероятно и его знакомство с содержанием жалованных грамот, выдававшихся некоторым влиятельным племенным вождям в конце XVI — начале XVII вв., в соответствии с которыми эти лидеры сохраняли значительную самостоятельность в отношении подвластного им населения. Не случайно, что переход в полное подданство казанский исследователь связывал с уничтожением такой внутренней самостоятельности¹⁹. Особое внимание Николай Алексеевич уделил вопросу земельных прав татарской служилой элиты, подчеркнув, что до XVII столетия законодательство не отделяло землевладельцев из инородцев не христиан от таковых же православной веры. Правда, разбирая содержание соответствующих статей Соборного Уложения, он не пояснил, распространялись ли они на народы Сибири. Интересной представляется трактовка Фирсовым действия тех норм Соборного Уложения, которыми регулировался порядок похолопления иноземцев. По его мнению, разрешенная покупка «татар и татарченков» в Астрахани и Сибири, до того запрещавшаяся, касалась только тех лиц, которые «прежде издания Уложения находились уже в холопстве». То есть продавать, покупать и вывозить за пределы Сибири можно было попавших в холопство ранее 1649 г. Относительно ясачных и пленных (ясырей) из «немирных землиц», вновь подвергавшихся посягательствам на их личную свободу власти предписывали придерживаться прежних запретительных указов²⁰. В доказательство приводится ссылка на грамоту от 18 октября 1649 г., направленную от имени царя Алексея Михайловича енисейскому воеводе Ф.Полибину²¹ о точном соблюдении прежних указных грамот (1645/46 г.) касательно сибирских полоняников. Фирсов настаивает на том, что «во всё последующее за Уложением время Московская власть ... стремится к тому, чтобы воспрепятствовать обращению в холопство ясачных и тяглых инородцев»²². Переходя к характеристике ясачного режима,

установившегося в отношении основной массы покоренного населения от Волги до крайних сибирских пределов, Фирсов четко определяет ясак этого периода как дань. Относительно практики ясачного сбора он отмечает, что со времени Бориса Годунова принято было правило «не требовать вовсе ясака с детей, больных, стариков, дряхлых и худых, но не иначе как после прямого сыска». С подростков стали брать половинный ясак, а иногда и вовсе запрещали требовать его с тех, кому не было 18 лет. Первоначально же ясак брался со всех без исключения членов инородческой семьи мужского пола²³. Довольно рано намечаются различия в нормах обложения и формах внесения ясака между «ясачниками» из бывшего Казанского ханства, башкирцами и сибирскими иноземцами. Где было мало зверя и где местное население жило оседлой жизнью, там власти старались приравнять ясачных к тяглым людям русского происхождения, в том числе распространяя воинскую повинность и отдавая труд таких ясачных в распоряжение вотчинников. Как правило, это касалось коренных жителей Поволжья²⁴. Остановливаясь на вопросе административной политики, Фирсов пишет о практике властей возвышать некоторых князцов над всеми прочими и помимо наследственных вождей формировать слой «лучших людей». Представителям туземной элиты было дано право подавать на имя царя челобитные за всех волостных ясачных людей, принимать участие в судебных разбирательствах по незначительным делам. При этом возлагались обязанности содействовать в сборе ясака, призывать иноземцев «под высокую руку» Москвы и доносить воеводам про измены своих соплеменников²⁵. Высшей судебной инстанцией в XVII в. для всех категорий населения северо-востока России, в том числе ясачных, как известно, были Казанский и Сибирский приказы. Но рассматривали они только наиболее важные дела, в частности, жалобы на воевод. Фактически, как основательно полагал Фирсов, вся судебная власть находилась в руках воевод, которые должны были давать суд ясачным по уголовным и гражданским делам. При этом он обращает внимание на то, что в уголовных делах представители туземных народов принимали участие лишь в роли свидетелей, а воеводы руководствовались «теми же обычаями и законами, которые действовали и между русскими». К сожалению, историк не привел источники, на основании

которых он сделал такие заключения²⁶. Соединение судебных и административных полномочий в одних руках, по мнению исследователя, порождало многочисленные злоупотребления. Борьба с ними, как показывает петровский указ 1695 г., касавшийся ограничения судебного произвола воевод в отношении ясачного населения, не имела успеха. Обращение в центральный приказ оставалось единственной мерой защиты от несправедливостей воеводского суда. Но по причине отдаленности «инородческих земель» от Москвы и в силу определенного законом порядка разбора жалоб на воевод лишь по истечении срока их полномочий, эта мера была не эффективной²⁷. Кстати, на эти же обстоятельства, не способствовавшие водворению законности в Сибири, указывал и Словцов²⁸. Затронул Фирсов и вопрос о распространении православия среди поволжско-уральских и сибирских иноверцев. Его основное внимание было обращено на миссионерскую деятельность в Пермских землях и в бывшем Казанском «царстве». Итоги христианизации в период XVI—XVII вв. оцениваются им в целом как незначительные. Объяснялось это рядом обстоятельств. Тем, что миссионерство в этот период, как правило, было делом «трудов отдельных лиц», что «дух религиозной пропаганды ... был чужд московскому духовенству», что само состояние общества, пережившего эпоху «общественно-экономической розни» (Смуты, Разинского бунта), осложнилось расколом, и забота об обращении иноверцев, «когда свои отделялись от церкви», была несвоевременной²⁹.

Таким образом, Фирсов рассмотрел основные аспекты законодательной политики государства в отношении «инородческих союзов» восточных окраин Московской Руси с момента их включения в её состав и до начала петровских преобразований. Он первым попытался выявить общее и особенное в этой политике применительно к разным социальным и территориальным группам (крещеным и некрещеным, ясачным и служилым, поволжским и сибирским). Исследователю не всегда удавалось последовательно реализовывать намеченные подходы. Источниковая база его труда ограничилась только опубликованными документами из ПСЗ и изданий Археографической комиссии. Он не занимался историко-юридическим анализом соответствующих нормативно-правовых актов, его интересовало то, в какие условия, в том числе

посредством этих документов, правительство поставило покоренные народы. И тем не менее, работа Фирсова должна быть признана самым оригинальным и ценным исследованием в досоветской историографии по интересующей нас теме, до сих пор не потерявшим своего научного значения.

Во второй половине 1880-х гг. увидело свет многотомное издание В.К. Андриевича, разновременные выпуски которого³⁰ принято объединять под названием «Исторический очерк Сибири». В его основу были положены материалы ПСЗ, труды Миллера и Фишера. Он скрупулёзно отобрал законодательный материала, касавшийся Сибири, отдавая предпочтение документам, имевшим непосредственное отношение к восточной её части, в которой по долгу службы находился с 1881 по 1888 гг. Следует отметить, что в структуре работы нет специальных разделов, отведенных для правительственных актов, определявших положение сибирских народов. Они рассматриваются в главах, посвященных завоеванию и заселению русскими новых территорий, административной, финансовой и конфессиональной политике правительства в крае. Общий подход к оценке состояния управления в Сибири не отличается оригинальностью. Андриевич отмечает тотальный характер злоупотреблений местных администраторов. Причины этого он видел в особенностях состава населения (большом числе кабальных и беглых людей), в удаленности от центра, а также в том, что Сибирь начала принимать строй государственной жизни «под условиями самой строгой начальственной опеки лиц, не отвечавших своему назначению ни по нравственным качествам, ни по умственному развитию»³¹. Многочисленные восстания и недовольства ясачных людей в XVII в. он напрямую связывает с «прижимками» и незаконными поборами воевод и ясачных сборщиков³². В связи с этим естественным было стремление правительства ограничить их произвол, что нашло отражение в именном указе от 26 декабря 1695 г. об охране ясачных от обид и притеснений и запрещении воеводам казнить и пытать их без доклада государям. Комментируя именной указ Иоанна и Петра Алексеевичей от 16 декабря 1684 г., исследователь отмечает, что похолопление новокрещенных видимо «сильно укоренилось» в крае³³. С первой половиной XVIII в. Андриевич связывает фактическое вхождение Сибири «в государственный строй России»³⁴.

Рассматривая этот период, он обратил внимание на адресованный сибирскому вице-губернатору Болтину указ Коллегии иностранных дел от 8 ноября 1729 г., согласно которому требовалось соблюдать положения Инструкции Владиславича-Рагузинского 1728 г. относительно коренного населения Забайкалья,³⁵ и на докладные пункты иркутского вице-губернатора Л.Ланга, касающиеся ясачного сбора и поддержанные Кабинетом и Сенатом в 1740 г.³⁶ Правда, относительно указа 1729 г. исследователь допустил ошибку, ссылаясь на Полное собрание законов (№ 5479). В ПСЗ этот указ не публиковался как таковой. Но выдержки из него приводятся в другом документе, упомянутом Андриевичем, а именно, в сенатском указе от 3 сентября 1769 г. о запрете посылки ясачных сборщиков в якутские улусы³⁷. Из него он, по всей видимости, и почерпнул информацию об указе Коллегии иностранных дел. На сентябрьский указ 1769 г. внимание было обращено в связи с анализом результатов работы ясачной комиссии Щербачева, которая, по мнению Андриевича, «мало облегчила положение ясашных». Обиды туземцам и действия, противоречащие установлениям Рагузинского и Щербачева, продолжались, по его мнению, до конца правления Екатерины II³⁸.

В целом труды Андриевича носят преимущество описательный, справочный характер. Сам автор, будучи высокопоставленным кадровым военным, а не профессиональным историком, признавал за своим компилятивным произведением «ценность только материала, могущего быть пригодным» для будущих исследователей³⁹.

В конце XIX в. появляются историко-сибиреведческие работы, выполненные на основе не только изданных законодательных и актовых материалов, но и неопубликованных архивных источников из фонда Сибирского приказа, хранившегося тогда в Московском архиве министерства юстиции. В этом ряду особое место занимают исследования П.Н.Буцинского, посвященные первому столетию русского завоевания и освоения Зауралья. По мнению А.С.Зуева тезис о вольнонародной колонизации Сибири, получивший обоснование в трудах Г.Н.Потанина и Н.М.Ядринцева, дополняется у Буцинского взглядом на присоединение Сибири к России как на преимущественно мирный процесс⁴⁰. Предлагаая рассматривать характер продвижения русских на восток как в основном «торговый и промышленный», он указывает на несправедливость

обвинений в том, что оно обязательно сопровождалось насилием над местными народами. Русские сами становились жертвами нападений иноземцев. Одна из важнейших нравственных задач, которая выпала на долю русского народа в Сибири, — «просветить христианским учением тамошних язычников и магометан»⁴¹. При этом Буцинский полагает, что Московское правительство в XVII в. не понимало необходимости миссионерского проповедничества, «что бы прочно утвердить христианство среди сибирских инородцев», и ограничивалось в этот период относительно крещения только указами «совершенного одинакового содержания». В качестве примера он приводит указ царевны Софьи и великих государей Ивана и Петра 1685 г., которым предписывалось приводить ко крещению иноземцев только по их собственному желанию⁴². Публикуя наказ второму сибирскому архиепископу Макарию и анализируя его действия по обращению в православие местных иноверцев, историк отмечает более строгое отношение к делу крещения тобольского архиерея, чем предписывалось наказом, позволявшим избавлять изъязвившего желание креститься от наказания за совершенное преступление⁴³. Признавая исторически необходимыми шаги Петра I по активизации миссионерской деятельности в Сибири, Буцинский обращает внимание на известную грамоту бывшему сибирскому митрополиту Филофею (Лещинскому) от 7 июня 1710 г., положившую начало масштабной христианизации и допускавшую меры понуждения, а также казнь в отношении тех, кто «учинит противность сему указу». Упрекая власти в санкции насильственных методов в «таком святом деле», Буцинский попытался объяснить причины появления этого документа и взглянуть на историю реализации его положений. Петр I привык к насилию, не видя других действенных методов для задуманных им преобразований. И если он смотрел на русских, «как на детей, которых нужно приневоливать, то тем более он должен был держаться таких взглядов на полудиких идолопоклонников», поясняет историк. Что же касается угроз смертной казни, то, как показала деятельность Филофея, «не только смертной казни не подвергались не желавшие креститься, но и никакому наказанию». Не подвергались наказанию даже те, которые оказывали вооруженное сопротивление миссионерам⁴⁴.

Таким образом, Бущинский первым в отечественной историографии предпринял попытку анализа законодательной политики в области христианизации сибирских народов XVII — начала XVIII вв., уделив при этом внимание не только характеристике соответствующих нормативных актов, но и практике применения некоторых из них.

Н.Н.Оглоблин в своем капитальном труде, посвященном обзору дел Сибирского приказа XVII в. и тех центральных учреждений, которые ведали Сибирью до и после него, дает краткую характеристику ряду правительственных постановлений, определявших основы фискальной, административной и конфессиональной политики в отношении ясачных иноземцев в конце XVI — начале XVIII столетий. Важным представляется его указание на то, что документы центрального управления Сибирью, как правило, появлялись в результате инициатив местных властей. К документам, зародившимся самостоятельно, без поводов и инициативы с мест им отнесены указные грамоты и указы, памяти и некоторые доклады приказа царю и Боярской думе⁴⁵. Особое внимание он обратил на ранние грамоты от 20 октября 1597 г. и 11 сентября 1598 г., которыми устанавливалось освобождение от ясака «бедных, голых людей», освобождение от холопства «сибирских полоняников» из татар, остяков и вогуличей и поверстание в службу совершеннолетних изновокрещенных⁴⁶. Сам Оглоблин отмечает, что его задача заключается в рассмотрении документов только со стороны их содержания, а вопросы историко-юридического значения «если не обходятся молчанием, то лишь намечаются в самых общих очертаниях»⁴⁷.

Интересный обзор законодательных актов, относящихся к народам Восточной Сибири, дан составителем «Материалов комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области» А.Щербачевым. Комментируя соответствующие статьи наказа иркутским воеводам конца XVII в., он приходит к заключению, что на первых порах правительство «обеспечило новым подданным неприкосновенность их жизненного строя», стремясь удержать в зависимости. И позже, заботясь о ясачном сборе, оно придерживалось подобной политики. Подчеркнув, что хотя до начала 20-х гг. XIX в. права инородцев не были определены, в отношении их издавались отдельные законодательные акты

и распоряжения местных властей. В числе этих актов он называет указ Верховного тайного совета 27 июня 1727 г., разрешавший замену ясака деньгами, резолюцию Кабинета министров 1739 г., которая отменила положения вышеназванного указа, и инструкцию Сената 1763 г. Большое внимание уделено составителем «Материалов» особым правилам для пограничных дозорщиков в дополнение к инструкции 27 июня 1728 г. графа Рагузинского, которые, по его мнению, явились «первым и единственным для XVIII столетия актом, установившим порядок управления забайкальскими инородцами». Рассматривая Инструкцию как документ, распространявший свое действие на конкретный регион, Щербачев расширительно толковал сферу ее компетенции, не ограничивавшуюся судебной политикой. По его мнению, за родовыми начальниками (тайшами и зайсанами), имевшими право самостоятельно решать внутренние дела своих сообществ, закреплялся статус «органов правительственной власти». Он подчеркнул стремление Рагузинского отдалить кочевников от соприкосновения с русской администрацией. Так во избежание притеснений со стороны сборщиков ясака было разрешено иноземцам самим собирать ясак и представлять его через родоначальников⁴⁸.

Попытка историко-правового анализа административной политики правительства в отношении Сибири была предпринята чиновником канцелярии Комитета министров С.М.Прутченко в двухтомном труде «Сибирские окраины». По его мнению, эта область государства имела свою индивидуальность и была «на пути выработки самостоятельных типов общественного уклада», что учитывалось правительством⁴⁹. Касаясь XVII—XVIII вв., он сосредоточился не столько на характеристике соответствующих правовых актов, сколько на выяснении причин и размеров нарушения законного порядка, определенного указами, наказами, инструкциями, представляя читателю безрадостную картину непрекращающихся злоупотреблений воевод и губернаторов. Применительно к XVII в. автор обращает внимание на содержание особой статьи воеводских наказов — «жалованного слова», но лишь в качестве примера открытого признания центральной властью неправомερных действий своих агентов⁵⁰. Прутченко приходит к выводу о том, что пороки сибирского управления обуславливались опорой правительства не на систему, а на действия должностных

лиц, от которых оно ожидало улучшений «на путях личных поручений», доверяя достоинствам конкретной персоны⁵¹. Этот вывод удивительным образом перекликался с заключением Словцова, который полагал, что «цепь вечных злоупотреблений» коренилась в строе воеводского правления, при котором, несмотря на все законные ограничения, должностные лица ставили свою волю выше закона и, «как мыслил и говорил граф Сперанский, ... вековая привычка ничего не ожидать от закона, а всего надеяться или страшиться от лица» укоренилась в Сибири⁵². Не случайно и Прутченко полагал, что для обуздания зла требовалась такая организация управления, которая «способна заставить уважать закон»⁵³.

Примечательность работы Прутченко заключается в том, что она стала одним из первых историко-правовых исследований, специально посвященных изучению вопросов областного управления России. В дореволюционном государствоведении, и это уже отмечалось историками, проблемы правового и административного устройства регионов империи не нашли должного освещения⁵⁴. В начале XX в. российский правовед Б.Э.Нольде констатировал, что русское право никогда само систематически не разбиралось в том, что оно творило на окраинах⁵⁵.

Подводя итоги, следует признать, что в досоветской историографии законодательство о коренных народах Сибири конца XVI — XVIII вв. не стало предметом специального изучения. Не было предпринято попыток целостного исследования какой-то части этого правового массива или отдельных законодательных памятников, они рассматривались лишь в контексте вопросов русского овладения и управления Сибирью. Для большинства работ характерна описательность, формальный анализ законоположений и отсутствие внимания к истории их создания. Существенная часть анализируемых публикаций была подготовлена гражданскими и военными чиновниками в связи с практическими потребностями, обусловленными разработкой и реализацией в XIX столетии тех или иных реформ. Вместе с тем, исследователи-сибиреведы дореволюционной России выявили круг наиболее важных нормативно-правовых актов, определявших политику правительства в отношении сибирских народов и социально-правовое положение последних. Для конца XVI—XVII вв. в это число вошли шертные договоры, Соборное Уложение, наказания сибирским воеводам, а также

ряд грамот, боярских приговоров и указов, касавшихся порядка сбора ясака, сфер судебной компетенции воевод, обращения в православие иноверцев и положения новокрещенных. Для XVIII в. наиболее значимыми были признаны инструкция 1728 г. графа Владиславича-Рагузинского и инструкция 1763 г. гвардии секунд-майору Щербачеву. Исследователи, сталкиваясь с трудностями в разграничении законов от прочих распоряжений верховной власти, зачастую не проводили различий между ними, и не всегда четко могли определить юридическое значение и масштаб действия отдельных разновидностей правовых актов. На теоретические взгляды сибиреведов XIX в., интересовавшихся региональной правительственной политикой, большое влияние оказали законоположения Великой сибирской реформы 1822 г. и идеи её разработчиков, внесших свой вклад в осмысление опыта предшествовавшего реформе законодательства, в том числе в отношении туземных народов. Практически все авторы указали на отсутствие должного применения законов на практике, слабость правового регулирования, неэффективность контроля за действиями воевод и губернаторов и связанные с этим пороки в системе управления ясачными. Отмечена роль сибирских администраторов и иерархов в инициировании, трактовке и реализации тех или иных правовых актов и правительственных распоряжений. Фиксируя наиболее значимые изменения в региональном управлении, исследователи определяли и соответствующие изменения в управлении коренными народами, наметив тем самым контуры периодизации административно-правовой политики царской России в отношении этой части сибирского населения.

Примечания

¹ См., напр.: Жалсанова Б.Ц. Инородные управы как органы местного самоуправления бурят в XIX — начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2008. С. 4—5; Мунханов В.А. Организация управления народами Юго-Восточной Сибири в имперский период (1721—1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2010. С. 4—5.

² Дамешек Л.М. Историко-правовое положение народов Сибири в освещении русской историографии XIX века // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 131—137; Он же. Судьбы ясачного режима в Сибири в советской историографии // Вопросы методологии, историографии

и источниковедения. Томск, 1984. С. 114—116; Кодан С.В. Законодательная политика российского самодержавия в отношении коренных народов Сибири в 1800—1850-е гг. в освещении советской историографии // Межнациональные отношения и национальная политика в СССР. Всесоюз. науч. конф. «Нац. и соц.-культ. процессы в СССР»: тез. докл. Омск, 1990. С. 191—194.

³ Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Книга первая. СПб., 1787. С. 280.

⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813—1826. Ч. 1—4.

⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841—1842. Т. 1—5; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846—1875. Т. 1—12; Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1875. Т. 2; СПб., 1885. Т. 8.

⁶ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. СПб., 1886. С. 25—26.

⁷ Там же. С. 62.

⁸ Там же. С. 150.

⁹ Там же. С. 155.

¹⁰ ПСЗ—I. Т. XV. № 11092.

¹¹ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 2. СПб., 1886. С. 285—286.

¹² Там же. С. 31.

¹³ Обозрение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. С. 24—25.

¹⁴ Там же. С. 27.

¹⁵ Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного управления [Е.И.]Сычевским в 1846 году / Сообщ. В.Н.Баснин. М., 1875. С. 27—37.

¹⁶ Бульчев И. Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856. Ч. 1. С. 251—268.

¹⁷ Обозрение исторических сведений о Своде законов. СПб., 1837. С. 195—197.

¹⁸ Фирсов Н. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань, 1866. С. 61—63, 64—65.

¹⁹ Там же. С. 69.

²⁰ Там же. С. 195.

²¹ Дополнения к актам историческим... Т. 3. 1848; № 62. С. 223—224.

²² Фирсов Н. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. С. 195—196.

²³ Там же. С. 160.

²⁴ Там же. С. 168—169.

²⁵ Там же. С. 177—178.

²⁶ Там же. С. 189.

²⁷ Там же. С. 190.

²⁸ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. С. 62.

²⁹ Фирсов Н. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. С. 211—229.

³⁰ Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири по данным, представляемым Полным Собранием Законов. Т. II. Иркутск, 1886; Т. III. Томск, 1887; Т. IV. СПб., 1887; Т. V. Красноярск, 1889; Он же. История Сибири. Ч. I—II. СПб., 1889; Он же. Сибирь в XIX столетии. Ч. 1—2. СПб., 1889.

³¹ Он же. История Сибири. Ч. II. С. 399.

³² Там же. Ч. I. С. 194—202.

³³ Там же. Ч. II. С. 28—29.

³⁴ Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири. Т. II. С. 293—294.

³⁵ Он же. История Сибири. Ч. II. С. 389—390.

³⁶ Он же. Исторический очерк Сибири. Т. II. С. 228.

³⁷ ПСЗ—I. Т. XVIII. № 13344. С. 976.

³⁸ Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири. Т. V. С. 108.

³⁹ Там же. Т. II. С. VIII.

⁴⁰ Зуев А.С. Отечественная историография присоединения Сибири к России: Учеб. пособие. Новосибирск, 2007. С. 51.

⁴¹ Буцинский П.Н. Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Киприан. Харьков, 1891. С. 1.

⁴² Он же. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков, 1893. С. 6.

⁴³ Он же. Сибирские архиепископы: Макарий, Нектарий, Герасим (1625—1650 гг.) // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах / Под ред. С.Г.Пархимовича; сост. Ю.Л.Мандрика. Тюмень, 1999. Т. 2. Мангазея, Сургут, Нарым и Кетск. С. 257—258, 271—272.

⁴⁴ Он же. Крещение остяков и вогулов ... С. 57—59.

⁴⁵ Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.). Ч. 1. М., 1895. С. 11.

⁴⁶ Там же. Ч. 3. М., 1900. С. 211.

⁴⁷ Там же. Ч. 1. М., 1895. С. 8.

⁴⁸ Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы. Вып. 5. Исторические сведения / Сост. А.Щербачев. СПб., 1898. С. 82, 96.

⁴⁹ Прутченко С. Сибирские окраины. Историко-юридические очерки. СПб., 1899. Т. 1. С. 11.

⁵⁰ Там же. С. 25.

⁵¹ Там же. С. 59.

⁵² Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 2. С. 286.

⁵³ Прутченко С. Сибирские окраины. Историко-юридические очерки. С. 38.

⁵⁴ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 8—9; Сивкова А.В. Сибирь в системе имперского законодательства в 70-е годы XVIII — 80-е годы XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006. С. 4.

⁵⁵ Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 280.

Глава 3

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ВОЕВОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ И СЛУЖИЛОГО ЛЮДА СИБИРИ XVII СТОЛЕТИЯ В ОЦЕНКАХ Н.Н.ОГЛОБЛИНА

Труды известного русского историка конца XIX — начала XX вв. Н.Н.Оглоблина, тщательно описавшего материалы архива Сибирского приказа, посвящены, в частности, документации XVII столетия¹. При этом ученый часто обращался к деятельности воевод и служилых людей в Сибири того времени.

Н.Н.Оглоблин рассмотрел отписки сибирских воевод на имя царя, а также грамоты, направленные им в ответ. Отписки воеводы посылали и друг другу, например, тобольские и енисейские (1642/43 г.), мангазейские (1643/44 г.), верхотурские (1644/45 г.), тарские (1619/20, 1622/23, 1625/26 гг.). Сохранившиеся приложения к отдельным отпискам достаточно интересны, как отметил Н.Н.Оглоблин. Так, отписка верхотурского воеводы (1646/47 г.) содержит расспросные речи таможенного головы и целовальников об осмотре бочонка с деньгами, провозимого через Верхотурье князем И.П.Барятинским. Таможенный голова и целовальники при осмотре в съезжей избе стремились выяснить наличие либо отсутствие провозимых сверх нормы денег².

Часто в качестве приложений в воеводских отписках выступают именные росписи. Так, отписка красноярского воеводы за 1666/67 г., составленная после набега на уезд калмыков и киргизов, содержит роспись убитых и раненых служилых и жилецких людей. Отписка тарского воеводы (1667/68 г.), появившаяся вслед за нападением Кучумовичей и башкир, включает перечень убитых и взятых в плен служилых и ясачных людей.

В отписках тарского воеводы (1704 г.) говорилось о проекте постройки нового острога и приводились чертежи части Тары, расположенной около таможенной избы и Сергиевской часовни. Н.Н.Оглоблин указал на хорошее исполнение чертежа перьевой техникой.

По замечанию Н.Н.Оглоблина, одновременная отписка туринского воеводы содержала чертежи старого и планируемого острогов на месте сгоревшего.

Отписка тюменского воеводы (1706 г.) включала сведения о строении каменного Благовещенского собора и (в качестве приложения) рисунки собора с надписями, указаниями на размеры, цвета и необходимые церковные принадлежности. Н.Н.Оглоблин подробно описал данный документ, указав на выполнение воеводами функций по градостроительству, о чем сказано в грамотах и других отписках³.

Н.Н.Оглоблиным рассматривались дела о смене воевод. Одним из таких дел было дело 1627/28 г. о назначении на место князя А.А.Хованского с «товарищами» князя А.Н.Трубецкого и дьяков С.Собакина и Е.Евсеева. Ученый показывает, что «товарищем» был оставлен прежний воевода — И.В.Вольнскойой. К делу были приложены доклады и памяти Казанского приказа в другие приказы, касающиеся различных вопросов (о жалованье, даче подвод, отсрочке исков и другие), а также челобитная князя Трубецкого с просьбами отсрочить иски Московского Судного приказа, организовать охрану его поместий в период службы в Сибири, о разрешении на покупку вина в Устьюге.

Другое дело (1630/31 г.), рассмотренное Н.Н.Оглоблиным, касалось назначения воеводой в Красноярск Н.И.Карамышева и включало грамоту алатырскому воеводе и памяти в Ямской приказ.

Дело 1643/44 г. сообщало о назначении в Якутск воевод В.Пушкина и К.Супонева на места прежних воевод — П.Головина и М.Глебова; дьяка Е.Филатова сменил П.Стеншин.

В деле 1667/68 г. говорилось о смещении с поста воеводы в Березове А.Давыдова. Отставке предшествовал заговор 1663/64 г. против Давыдова, возникший по причине жестоких мер, применяемых воеводой, и волнений коренного населения. Сыск по делу Давыдова продолжался до 1667/68 г., после чего его отпустили в Москву. На место Давыдова в 1666/67 г. был назначен П.А.Гагарин.

В деле 1685/86 г., изученном Н.Н.Оглоблиным, рассказывалось о направлении в Тобольск нового воеводы А.П.Головина, письменных голов стольника Г.Ф.Синявина и И.Д.Спешнева, стольника Б.Д.Глебова.

Сохранилось дело о назначении воевод в Якутск и Енисейск (1701 г.). Так, по свидетельству Н.Н.Оглоблина, в Якутске был смещен с должности воеводы Д.А.Траурнихт и переведен в Енисейск. Енисейский воевода Б.Д.Глебов лишился должности воеводы

и был направлен в Москву; в Якутск в 1702 г. назначили воеводой стольника В.А.Поливанова.

Как показывает Н.Н.Оглоблин, с подачей челобитных могли возникать дела о назначении воевод. Так произошло при смене воевод в Кетске и Красноярске (1648/49—1649/50 гг.), где воеводами были назначены С.Лутовин и М.Оничков.

В деле 1632/33—1632/33 г. сообщалось о воеводских назначениях в Томске, Таре, Кузнецке, Нарыме, Енисейске и Кетске. Дело включало челобитные о жалованье, памяти Казанского приказа о невзимании податей и другие ответные памяти.

Описывая дело 1634/35 г., Н.Н.Оглоблин перечислил документы о назначении воевод, дьяков и письменных голов в Тобольске, Верхотурье, Туринске, Березове, Сургуте, Мангазее, Тюмени, Пелыме, Таре. К делу были приложены «скаска», доклады, челобитные, памяти, росписи. В оценке Н.Н.Оглоблина росписи воеводских припасов являлись очень ценным документом.

Назначения подьячих с приписью также отразились в материалах Сибирского приказа. Как отмечает Н.Н.Оглоблин, сохранились дела о назначении из московских подьячих в Верхотурье А.Маркова (1648/49 г.), Г.Жидкова (1650/51 г.), О.Иванова (1686/87 г.), Л.Волкова (1690/91 г.), К.Бобоедова (1692/93 и 1698/99 гг.), Л.Колошина (1695/96 г.), А.Пустобородова (1696/97 г.), Г.Деревнина (1700 г.). Относительно О.Иванова Н.Н.Оглоблин указал на его назначение дьяком — в 1688/89 г. (в такой должности он служил до 1690/91 г.). В Тюмень также были назначены подьячие с приписью, например, М.Романов (1689/90 г.), переведенный с должности подьячего Тобольской приказной палаты. Сохранились дела о таких назначениях подьячих с приписью за 1658, 1659/60, 1667/68, 1668/69, 1671/72—1675/76 гг. К этим делам прилагались челобитные подьячих, росписи, наказные памяти. Н.Н.Оглоблиным среди других документов о назначениях было рассмотрено и дело 1659/60 г. о переводе енисейского подьячего В.Панова в Мангазею.

Сохранились дела и о назначении приказных людей, например, об определении енисейского сына боярского И.Похабова приказным человеком Маковского острожка и приказчиком пашенных крестьян (1648/49 г.).

Другое дело (1660/61 г.) свидетельствует о переводе В.Панова (подьячего с приписью из Мангазеи) приказчиком Нижней Ницынской слободы в Тобольском уезде. К 1675/76 г. относится дело о назначении приказным человеком Иркутского острога тобольского сына боярского Ф.Толбузина. В том же году жилец С.А.Лисовский был назначен приказным человеком Ангарского и Баргузинского острогов Енисейского уезда.

Н.Н.Оглоблиным рассматривались также дела о назначении других сибирских начальных людей. Так, от 1629/30 г. сохранилось дело о назначении тюменского сына боярского И.Бакшеева на должность головы юртовских служилых татар. В состав дела вошли две челобитные, адресованные ему, наказ, грамоты тобольским воеводам, челобитная Бакшеева о подводе, память в Ямской приказ. Н.Н.Оглоблиным перечисляются и другие лица, которые были назначены стрелецкими и казачьими головами. Среди них енисейские дети боярские Г.П.Барыбин (1655/56 г.), В.Власьев (1660/61 г.), А.Барнышев (1665/66 г.), С.Лисовский (1667/68 и 1674/75 гг.), вяземский сын боярский (бывший в 1662/63 и последующих годах енисейским казачьим головой) С.Несвитаев. Их назначили, как показывает Н.Н.Оглоблин, в байкальские острожки (Ангарский, Баргузинский, Баунтовский).

Н.Н.Оглоблиным рассматривалось и дело 1674/75 г. об определении енисейского сына боярского А.В.Строганова на должность казачьего и стрелецкого головы в Енисейске. Сохранились дела о назначении в 1668/69 г. казачьим головой в Енисейске А.Воеводина, а в 1686/87 г. в Томске казачьим головой капитана московских стрельцов Я.Дадевшина. В 1689/90 г. томским казачьим головой был назначен московский служилый человек Г.Бундов, в 1691/92 г. — томский сын боярский О.Качанов (вместо умершего Г.Бундова).

Н.Н.Оглоблиным было отмечено дело о назначении московского служилого человека Б.Внукова на должность тюменского головы юртовских служилых татар (1627/28 г.). Интересно, что к делу не прилагались челобитные о назначении, а только память (от 10 марта) Казанского приказа в Разрядный приказ об отправке дворянина или сына боярского в Тюмень на должность татарского головы. В дело вошла и запись о посылке Б.Внукова, наказ ему и грамоты тобольским и тюменским воеводам о его назначении⁴.

Следующее дело, привлечшее внимание Н.Н.Оглоблина, было датировано 1666/67—1668/69 гг. и касалось превышений полномочий воеводы Г.П.Никитина из Красноярска. В дело вошли челобитные служилых и ясачных людей, сыскные речи, составленные преемником Никитина А.И.Сумароковым в Красноярской приказной избе, расспросные речи в Сибирском приказе, доклады⁵.

В деле 1676/77—1678/79 гг., рассмотренном Н.Н.Оглоблиным, сообщалось о возврате имущества бывшему кетскому воеводе Д.Хрушову, отобранного в период его смещения с воеводства⁶.

К материалам биографического значения Н.Н.Оглоблин относил пометы. Некоторые из них сохранили сведения о времени, в течение которого грамоты доставлялись из Москвы в Тобольск. Так, например, одна из них, отправленная 14 апреля 1625 г., поступила в Тобольск 16 июля. Вторая грамота, отмеченная Н.Н.Оглоблиным, была направлена 23 января, а пришла туда ровно через три месяца, третья грамота послана 26 ноября и получена 28 апреля. Ученым был сделан вывод о том, что документы поступали из Москвы в Тобольск через 2—5 месяцев и продолжительность их доставки зависела отчасти от времени года.

Н.Н.Оглоблиным выделялись среди других документов отписки, касающиеся воеводского управления мелкими населенными пунктами, данных о которых практически не сохранилось. Такова, к примеру, отписка 1651/52 г. воеводы Ижемской Печерской слободки И.Лошакова, рассказывающая об отправке в Москву челобитной мангазейского стрельца. К документам такого рода Н.Н.Оглоблин причислял также грамоты и отписки по Албазину, другим даурским острогам⁷.

Н.Н.Оглоблиным было рассмотрено дело (1634/35—1635/36 гг.) о переводе ратных людей (стрельцов из Холмогор, Вологды, Каргополя и иноземцев из Нижнего Новгорода) в Тобольск, Тюмень и другие сибирские города совместно с их семьями. Переселение велось под руководством приказных людей Т.В.Шушерина, И.П.Долгово-Сабурова, П.Ф.Данилова и М.И.Дурново. Дело содержало наказные памяти перечисленным приказным людям, а также отписки сибирских воевод и грамоты в их адрес, памяти из Казанского приказа в другие приказы и памяти (отправленные в Казанский приказ), грамоты каргопольскому, устюжскому, нижегородскому, холмогорскому и другим воеводам и воеводские отписки,

отправленные в ответ, грамоты холмогорскому стрелецкому голове А.Н.Кубасову, челобитные и отписки, составленные Т.Шушериным, И.Долгово-Сабуровым, П.Даниловым и М.Дурново с просьбой выдать жалованье и «выписи» об их службе из приказа, челобитные дела о нуждах переведенцев; роспись нижегородских иноземцев (литвинов, черкас, немцев и других) с указанием их имен и количества выданных им денег на начальный период проживания в Сибири; допросные речи нижегородских иноземцев, составленные в Казанском приказе и отражающие попытки иноземцев уклониться от сибирской службы; доклады в адрес царя; пропускные памяти стрелецкого головы А.Н.Кубасова из Холмогор для стрельцов его приказа, отправленных к родственникам; челобитные дела переведенцев с просьбой выдать жалованье и поручными записями при его получении. Сохранилась также и подробная «роспись нижегородским иноземцам старого и нового выезду», в которой указывались поместные и денежные оклады, а также содержались сведения о бесчинствах переведенцев и последующей организации сыска по данному делу⁸.

Н.Н.Оглоблиным был рассмотрен и сыск К.О.Супонева и А.Ильина о бесчинствах в поморских городах переведенных в Сибирь холмогорских и других стрельцов. По данным исследователя, под началом стрелецкого головы А.Кубасова стрельцы из Вологды, Холмогор, Каргополя и Устюга были отправлены в Сибирь, что подтверждается различными документами. Так, сохранились отписки и грамоты воевод Сольвычегодска, Устюга и других городов, челобитные на устюжских стрельцов и жилецких людей, челобитные стрельцов на жилецких людей. В деле содержались и отписки приставов с дороги: И.Долгово-Сабурова (о каргопольских и устюжских стрельцах), П.Данилова (относительно холмогорских стрельцов), М.Дурново (про вологодских стрельцов) и грамоты в их адрес. Московским дворянином Ф.Скрябиным собирались «на Вологде» ямские охотники для Сибири, что было зафиксировано в его отписках.

Н.Н.Оглоблин обратил внимание на наличие в том же деле 1634/35 г. наказов, наказных памятей и грамот (адресованных сыщикам К.О.Супоневу и подьячему А.Ильину). Супонев и Ильин были направлены в поморские города с целью расследования «воровства» холмогорских и других переведенцев. Сохранилась

«роспись со счетных списков, что в Кивокурской волости Устюжского уезда и в Черевкове дано в почесть и сверх почести». В росписи сказано о выдаче денег, хлеба и других продуктов Данилову, Кубасову, стрелецким сотникам и другим стрельцам для «мирских» людей. В челобитных Супонева и Ильина говорилось об отсрочке в решении служебных тяжб. Дело также включало отписки Кубасова и сыщика Супонева, извет стрелецкого сотника Б.Доможирова в адрес Данилова и Кубасова, документы по расследованию дела, составленные Супоновым в Кайгородке, обыскные речи духовных, посадских людей и крестьян, записанные земскими дьячками и собранные Супоновым и Ильиным в Холмогорах, в Двинском, Важском, Устюжском, Усольском уездах (из которых люди были переведены в Тюмень). Н.Н.Оглоблиным указано на наличие в деле ответных памятей сыщикам, составленных местными таможенными и кабацкими головами. К отпискам двинского воеводы, как показывает Н.Н.Оглоблин, были приложены росписи вытей по волостям и станам уезда, Кубасовым были зафиксированы явки. Среди последних в документах дела сохранились и явки самого Кубасова и Данилова, свидетельствующие и о бесчинствах стрельцов, и о притеснениях стрельцов сольвычегодским воеводой. Сохранились в деле и памяти, переданные сыщикам от ограбленных (холмогорцами) крестьян Усольского уезда и обыскные речи сольвычегодского земского всеуездного старосты⁹.

В рассмотренном Н.Н.Оглоблиным деле за 1665/66 и 1668/69 гг. сообщалось о переводе московских иноземцев в Сибирь и указывалась численность переведенцев — 54 рейтара с семьями. По указанию Н.Н.Оглоблина, переводом руководил полковник И.Эграт. В деле идет речь о выдаче денежного жалованья семьям начальных людей, составлении именных росписей начальных людей и памяти, касающейся взаимоотношений Сибирского и Иноземного приказов.

Н.Н.Оглоблиным рассматривались дела о внутрисибирских переводах отдельных отрядов ратных людей. Таково, например, дело 1679/80—1680/81 гг. о добровольном переводе 40 казаков с семьями в Якутск на выбылые казачьи места. В другом деле того же времени, рассмотренном ученым, указывалось на переезд 20 казаков из Илимска. К делу прилагались поручные записи, именные

списки, отписки енисейских, илимских и других воевод. Отдельно Н.Н.Оглоблиным было рассмотрено дело (1691/92—1693/94 гг.) о переводе 115 казаков. Ученым приведены сведения из дела, касающиеся смерти от оспы 715 человек (членов семей переведенцев) и перечислены города, из которых были направлены служилые люди в 1690/91 г. в Якутск: Тобольск, Тюмень, Енисейск. К делу прилагались отписки сибирских воевод, грамоты в их адрес, именные росписи переведенных служилых людей.

Следующие дела, рассмотренные Н.Н.Оглоблиным, касались организации отрядов ратных людей для перевода их в Сибирь. Таковы, например, дело 1640/41 г. о новоприборных казаках Невьянской слободы Верхотурского уезда и дело 1670/71—1695/96 гг. о рейтарских и драгунских полках и полках беломестных казаков в Сибири с ценными данными по истории сибирской колонизации.

Сохранились и дела об основании новых городов и складывании вокруг них уездов. Так, Н.Н.Оглоблиным было рассмотрено дело 1626/27 г. об отправке в Качинскую землю на Красный Яр А.Дубенского (из Москвы). Оно содержало сведения об основании Красноярска и появлении там воеводства. К делу прилагались отписки Дубенского, грамоты тобольских воевод и воевод других городов, грамоты, направленные им, челобитные качинских служилых людей.

В «Обозрении» Н.Н.Оглоблина представлено дело 1637/38—1640/41 гг., сообщающее о начале воеводства в Якутске. Цель его администраторов состояла в поиске новых земель и ясачного населения по советам бывшего мангазейского воеводы А.Палицына. В деле сообщается об отправке из Москвы первых воевод стольников П.П.Головина и М.Б.Глебова, дьяка Е.Филатова, письменного головы В.Пояркова. Ими был основан Ленский (Якутский) острог на реке Лене¹⁰.

Н.Н.Оглоблин указывает на наличие в этом деле грамот (тобольским воеводам и архиепископу Нектарию), касающихся сведений об экспедиции, направленной для строительства Якутска. В деле имеется, как упоминал Н.Н.Оглоблин, несколько росписей. Одна из них сообщает об отправленных с отрядом Головина людях, припасах и список разрешенных к покупке предметов по пути следования отряда. Другая роспись (1638/39 г.) была именной и, как указывает Н.Н.Оглоблин, содержала список людей, направленных

из Березова на ленскую службу. Следующая роспись, прилагающаяся к делу, содержала сведения о взятых Головиным в дорогу из Тобольска припасах, хлебе и деньгах.

Ученым отмечены вошедшие в состав дела грамоты, отписки, памяти в адрес различных приказов, касающиеся сбора в экспедицию отрядов П.П.Головина, М.Б.Глебова, дьяка Е.Филатова. Среди данных документов Н.Н.Оглоблиным выделены отписки Головина с «товарищами», отправленные с Ленского волока, роспись направленных с Головиным людей, включая и перечисление воинских припасов, хлеба, денег, доклад о направлении церковных книг в два острога и две церкви. Ученым отмечены и челобитные дела служилых людей, которых направили в Якутск (воеводского «товарища» М.Б.Глебова, письменного головы В.Пояркова). К челобитным прилагались послужной список Пояркова и расспросные речи Глебова.

В деле имеется и наказ от 6 февраля 1638 г., адресованный Головину с «товарищами»¹¹.

Следующее дело, рассмотренное Н.Н.Оглоблиным, датировано 1636/37 г. и касалось поиска новых земель на озере Ламо и реке Люзе енисейским казачьим пятидесятником В.И.Колесниковым. Дело, включающее изветную челобитную и расспросные речи енисейских служилых и сибирских торговых людей, содержало ценные географические описания открытой местности.

В еще одном деле (1637/38—1638/39 гг.), изученном Н.Н.Оглоблиным, шла речь о поиске новой сибирской дороги, первые сведения о которой поступили в Сибирский приказ от соликамского воеводы К.Бабинова.

Н.Н.Оглоблиным было рассмотрено и дело 1636/37 г., посвященное сокращению служебных посылок (направляемых в Москву) служилых людей Томского разряда. В деле сохранились расспросные речи томских служилых людей об условиях посылок, об урожаях хлеба, о ценах на хлеб и скот.

Внимание Н.Н.Оглоблина привлекли и дела, касающиеся нарушения несения службы. Так, к примеру, о побеге тобольского казака в Кострому сообщалось в деле 1633/34 г. К делу прилагались расспросные речи беглого казака. Дело 1636/37 г. содержало сведения о бегстве служилых людей из Красноярска и включало доклад Сибирского приказа, две челобитные приказных

недельщиков (заключенных в тюрьму за побег казака) и другие документы.

В еще одном деле, рассмотренном Н.Н.Оглоблиным (за 1687/88—1691/92 гг.), говорилось о побеге красноярских пашенных крестьян, татар, ссыльных и служилых людей во главе с Д.Саламатовым. Н.Н.Оглоблин указывает на выявление пособника беженцев — сына боярского Т.Саламатова (отца Д.Саламатова). К делу прилагался сыск и доклад Сибирского приказа.

В деле 1640/41 г. зафиксировано неповиновение кетского воеводы В.Отяева томскому воеводе князю С.В.Клубкову-Массальскому. Отяев отказался направлять сметные и пометные списки и выдавал подорожные и проезжие памяти служилым людям (например, кетскому служилому человеку на проезд в Томск и сбор денег на «церковное строение» в Кетском остроге). В деле сохранилась грамота, адресованная Сибирским приказом князю Массальскому с предписанием направить в Кетск из Томска человека с целью получения от Отяева сметных и пометных списков.

В следующем деле, по определению Н.Н.Оглоблина, также указывалось на нарушение служебной дисциплины. К 1641/42—1643/44 гг. относится конфликт якутского воеводы П.Головина с М.Глебовым и Е.Филатовым из-за злоупотреблений первого из них. В деле сохранились челобитные Филатова, отписки Глебова, челобитные других лиц на Головина, грамоты в адрес Глебова.

Дело 1688/89 г. касалось оскорбления енисейского воеводы Г.Новосильцова воеводой И.Башковским из Красноярска. Башковским было дано предписание Г.Новосильцеву, хотя Красноярском ведал Енисейский разряд.

Как показывает Н.Н.Оглоблин, сохранилось немало документов, касающихся деятельности ратных людей. Так, их участие в походах в Киргизскую землю зафиксировано в 1614/15—1615/16 гг. К сведениям о походах в делах приложены отрывки дела о выдаче денежного жалованья томским служилым людям за участие в болгарском и киргизском походах (в 1614/15, 1615/16 гг.). К делу прилагались и две грамоты томским воеводам с предписанием наградить ратных людей и их списки.

Н.Н.Оглоблиным было изучено дело 1638/39—1641/42 гг. об отправке тарского воеводского товарища Я.О.Тухачевского как полкового воеводы против «изменников» — тубинцев и моторцев —

в Киргизскую землю. Дело включало множество документов, среди которых Н.Н.Оглоблиным были выделены следующие: расспросные речи Я.Тухачевского относительно Киргизской земли, составленные в Сибирском приказе; доклады из этого приказа о сборе в экспедицию; роспись (по сведениям Тухачевского) расстояний от сибирских городов до киргизского «каменного городка»; царский приговор об отправке в поход Тухачевского; челобитные Тухачевского и ратных людей; наказ Тухачевскому (от 8 февраля 1639 г.); росписи количества направленных в поход с Тухачевским ратных людей; именные росписи тех же людей с их окладами; грамоты в адрес Тухачевского и его отписки из похода; расспросные речи служилых людей (составленные в Сибирском приказе), участвовавших в походе (в речах сообщалось об обстоятельствах похода, побегах из отряда в Барабинской степи тобольских, тюменских русских и татарских служилых людей с описанием причин побегов); росписи ратных людей, убивших киргизов (в ходе боя 11 июля 1641 г.); грамотки в адрес томских воевод, составленные Тухачевским и начальными людьми; документы расследования о злоупотреблениях сотника И.Рукина во время его похода в 1641/42 г.; послужной список голов (участвовавшим в сражении 1641/42 г. совместно с отличившимся в бою воеводой И.С.Кобыльским в Киргизской земле).

Из следующего дела (1681/82—1682/83 гг.), заинтересовавшего Н.Н.Оглоблина, известно о походе томского воеводы князя И.М.Кольцова-Мосальского и его товарища тобольского письменного головы И.Ф.Большого Суворова с отрядом (часть которого бежала, о чем свидетельствуют прилагающиеся к делу именные списки) в Киргизскую землю.

В деле 1656/57—1658 гг. сказано о предстоящем набеге мунгалов во главе с царем Лобчаном на Красноярский и Кузнецкий уезды¹². К делу прилагался боярский приговор (1658 г.) и грамоты тобольским, томским и другим воеводам, сообщающие об отправке ратных людей из близлежащих городов в Красноярск и Кузнецк.

Н.Н.Оглоблиным были рассмотрены и дела о походах в Даурскую землю. В документе за 1663/64 г. сообщалось о направлении в Даурию военных «снастей» с отрядом, возглавляемым детьми боярскими — тюменским Л.Евсеевым и томским И.Поршениковым. К делу прилагалась наказная память этим детям боярским.

Албазинскому походу 1684/85—1685/86 гг. было посвящено следующее дело, где говорилось об осаде и взятии китайцами Албазина, отступлении албазинских воевод А.Толбузина и А.Бейтона к Нерчинску. В деле также сказано о новом походе на Албазин и повторном уничтожении китайцами острога¹³.

Албазинский поход (1684/85—1685/86 гг.) отражен в рассмотренном Н.Н.Оглоблиным деле, включавшем множество документов, первым из которых ученый назвал отписку нерчинского воеводы, свидетельствующую об опасном положении Албазина в 1684/85 г. по причине предстоящего нападения «богдойских» войск. К делу прилагались и переводы с китайского, латинского, тангуцкого текстов писем, отправленных из Нерчинска в Посольский приказ. Следующая отписка, вошедшая в дело, содержала расспросные речи китайских пленников (албазинского казака и промышленного человека, отправленных в Москву), оставленные енисейскими воеводами. Как замечал Н.Н.Оглоблин, к отписке прилагался доклад об указанных пленниках, тайно замерявших в плену Китайскую стену.

В деле сохранились и расспросные речи в Сибирском приказе нерчинских, албазинских и других служилых людей, передающие сведения о положении Албазина. Его взятие китайцами в июне 1684/85 г. описывалось в отписках якутских и илимских воевод. Енисейский воевода сообщал об отправке нерчинским воеводой И.Власовым бывшего албазинского воеводы А.Толбузина, енисейского сына боярского А.Бейтона и отряда ратных людей на место бывшего Албазина с целью возведения нового острога. Н.Н.Оглоблиным были отмечены интересные расспросные речи (1684/85 г.) в Якутске выходцев из Албазина (пашенных крестьян и промышленного человека). В расспросных речах содержались сведения о численности китайского войска, перечислялись изменники (Г.Мыльник, Ф.Петров), говорилось о начале нападения на город, о количестве русских, вставших на его защиту, наличии оружия у русских, о переговорах воеводы А.Толбузина с китайскими начальными людьми, закончившиеся отпуском его и албазинцев в Нерчинск.

Дело сохранило и отписки А.Толбузина (декабрь 1684 — декабрь 1685 гг.) о голодовке отряда, о прибытии русских к разоренному китайцами Албазину 27 августа 1685 г., о постройке нового острога на прежнем месте.

Как указывает Н.Н.Оглоблин, в дело вошли и челобитные албазинских служилых людей, строителя албазинской Спасской пустыни черного попа Гермогена (1684/85—1685/86 гг.). За 1685/86 г., как показывает Н.Н.Оглоблин, сохранились отписки тобольских, енисейских, нерчинских и других воевод, рассказывающие о снаряжении Толбузина в поход до Албазина. К делу прилагался именной список (составленный Толбузиным в 1684/85 г.) албазинских служилых и промышленных людей, крестьян и других жителей, участвующих в боях за Албазин, покинувших город вместе с Толбузиным или попавших в плен, грамоты окольному Ф.А.Головину, назначенному воеводой в Даурию в 1685/86 г.¹⁴

Еще один поход, рассмотренный Н.Н.Оглоблиным, был предпринят В.Атласовым в 1701—1702 гг.

Н.Н.Оглоблиным рассматривались и дела насчет перенесения Мангазейского и Якутского острогов. По данным Н.Н.Оглоблина, перенос Мангазейской крепости осуществлялся в 1670/71—1672/73 гг. К делу прилагались челобитная (1663/64 г.) служилых и жилецких людей о необходимости перемещения крепости в Туруханское зимовье, «скаска» воевод, указ о перенесении (декабрь 1670/71 г.). Н.Н.Оглоблин сообщает, что на месте Туруханского зимовья был заложен новый острог 12 июня 1672 г.

О переносе Якутской крепости сохранилось дело за 1677/78—1687/88 гг. Н.Н.Оглоблин указывает, что под руководством воеводы стольника И.Приклонского вверх по реке Лене в 700 сажнях от старого острога был основан новый, завершение строительства которого осуществлялось при преемнике Приклонского генерале М.Кровкове. Удобство месторасположения острога впоследствии выяснялось посредством проведения сыска (1687/88 г.) преемником Кровкова стольником П.П.Зиновьевым. В изученном Н.Н.Оглоблиным деле сохранилась «роспись нового города», составленная Зиновьевым совместно с жителями новопоставленного острога в 1687/88 г., «скаска» служилых и жилецких людей о выгодах расположения острога. Дело также содержало направленные в Москву челобитные служилых людей, которые были недовольны сооружением острога. Причиной появления этих челобитных Н.Н.Оглоблин считал худшие условия выделения приусадебных участков для жителей Якутска (составивших челобитные), чем усадебные места, принадлежавшие им на месте прежнего острога.

В ходе расследования Зиновьева подавляющее большинство жителей положительно отнеслось к переносу острога. К делу была приложена и челобитная служилых и посадских людей о постройке соборной церкви в новом городе.

Н.Н.Оглоблиным были рассмотрены и дела о починке тобольского острога в 1628/29, 1637/38, 1699/1700 гг., томского — в 1631/32 г. Сохранилась память, составленная в Казанском приказе и направленная в Пушкарский приказ в адрес его начального человека боярина М.Б.Шейна, о необходимости участия в починке острогов посадских людей, и начало ответной памяти, составленной Шейным.

Н.Н.Оглоблин подчеркивает, что дела о ремонте острогов раскрывают подробности строительства Тобольской крепости за 1637/38—1699/1700 гг. и содержат ценные описания ее укреплений.

Дело о починке томской крепости содержит сведения о ее укреплении, а также об отправке денег на ремонт из Казани, что подтверждается грамотой, направленной казанским воеводам.

Из следующего дела, рассмотренного Н.Н.Оглоблиным, известно об артиллерийских и пушечных запасах, направленных в Сибирь в 1629/30 г. К делу прилагались документы о подготовке «наряда» для отправки в Тобольск: памяти в Пушкарский и другие приказы, росписи отправляемого «наряда», наказные памяти сибирским служилым людям, грамоты тобольским воеводам.

В другом деле (1634/35—1643/44 гг.), изученном Н.Н.Оглоблиным, также говорилось об отправке «наряда» и артиллерийских запасов. Оно содержало наказные памяти провожатым, росписи «наряда» и пушечных запасов, расспросные речи в Казанском приказе (1634/35 г.), памяти в разные приказы, отписки сибирских воевод и адресованные им грамоты.

В деле 1654 г. сообщалось о посылке в даурские остроги наряда, пищалей, вина и других предметов.

Благодаря следующему делу (1698/99—1699/1700 гг.) мы узнаем о приеме 100 пушек на тульском, каширском и алексинском «железных» заводах боярина Л.К.Нарышкина, испытаниях и доставке орудий в Тобольск. Дело содержало наказную память в адрес провожатых «наряда» — тобольского атамана П.Баландина с «товарищами».

Отправка пищалей и денег тобольским новоприборным казакам отмечена Н.Н.Оглоблиным по делу за 1628/29 г. Ученый упоминал об аналогичной отправке в Томск в 1630/31 г.

Как видно по «Обозрению» Н.Н.Оглоблина, отправка самопалов тоже была зафиксирована в документах. Посылка такого оружия посадским и пашенным крестьянам в Сибирь с целью защиты от нападений зафиксирована в документах 1634/35 г. Дело 1677/78 г. сохранило сведения об изготовлении в Москве и последующей отправке в Сибирь пищалей и холодного оружия, в том числе бердышей. Дело содержало известия о московских мастерах ствольного дела¹⁵.

Возврат ссыльных (литовских, белорусских, русских, немецких), плененных в период Смоленского похода, из Сибири на родину касался, по указанию Н.Н.Оглоблина, дела 1635/36—1636/37 гг. Большая часть возвращающихся ссыльных покидала Томск, Енисейск, Красноярск. Оставались в местах отбывания ссылки крещеные в православную веру и женившиеся. Есть свидетельства о возврате ссыльных и других просивших о возвращении. Отклонялись просьбы о возвращении сосланных за изветы против государя. В данные дела вошли именные росписи возвращающихся ссыльных и остающихся на службе в Сибири, челобитные иноземцев, памяти в приказ Полоняничных дел, ответные памяти приказа.

Н.Н.Оглоблин показывает, что в период освобождения иноземцев из ссылки и многие русские также подавали челобитные об освобождении. Из дел 1635/36—1636/37 гг. видно, что отдельные такие челобитные были удовлетворены, о чем свидетельствовали выписи и доклады приказа, составленные на основе просьб.

В делах 1656/57—1663/64 гг., как показывает Н.Н.Оглоблин, говорилось о возвращении из сибирской ссылки черкас, литовских, польских, «свейских» и немецких людей по причине размена «вязней».

Другие дела, рассмотренные Н.Н.Оглоблиным, датированные 1664/65—1666/67 гг., касались польских и литовских пленных, желавших остаться подданными русского государя, о чем направляли челобитные. Многие из челобитчиков в Сибири женились, приняли православие, давно привыкли к своей службе. К данным делам были приложены челобитные, начиная с 1654 г., а также

именные росписи иноземцев, отписки сибирских воевод, выписи Сибирского приказа и другие документы.

В деле 1627/28 г., изученном Н.Н.Оглоблиным, говорилось об отправке в Сибирь в ссылку вологодских еретиков (чернеца Каменного Спасского монастыря Якова, попа Никольской церкви И.Филимонова, подьячего А.Семенова). В деле указывалось, что учителем ссыльных являлся чернец Ильинского монастыря Андреян, а также имелись подробности пребывания в ссылке чернеца Якова (местом ссылки являлся тобольский Знаменский монастырь).

В деле 1628/29 г. шла речь о ссылке в Тобольск Т.Кондратьева и его семьи, которых из патриаршего приказа до Верхотурья сопровождал уфимский сын боярский Ф.Тарбеев, от Верхотурья — его воевода. В деле сохранились наказная память Тарбееву и поручная запись по «роспопе».

По определению Н.Н.Оглоблина, столп за 1641/42 г. о ссыльных содержит сведения про бегство с кормовыми деньгами ссыльного В.Прокофьева (томского сына боярского) в период отъезда из Москвы в Сибирь. По данному факту было проведено расследование, в ходе которого выявлено неправомерное назначение томским воеводой князем И.Ромодановским ссыльного Прокофьева на выбылое место в дети боярские и отправка ссыльных с воеводскими отписками и другими служебными делами в Москву. Приговор по делу предписывал отправить Прокофьева в пашенные крестьяне в Томский уезд и напоминал о недопустимости самовольных назначений томскими воеводами. Ромодановский был приговорен к штрафу, что подтверждалось грамотой томским воеводам князю С.Клубкову-Мосальскому с «товарищами».

Подобные случаи (верстания в службу воеводами ссыльных и гулящих) были не единичными вследствие недостатка людей. Так, из росписи 1643/44 г. ссыльных, направленных в Красноярск, известно об отправке их в пашенные крестьяне, но воеводы поверстали их в службу. Роспись сообщает о поверстанных и воеводах, совершивших назначения. В соответствующее дело вошли расспросные речи красноярского воеводы, составленные в Сибирском приказе, относительно поверстания ссыльных.

Дела за 1633/34—1634/35 гг. содержали, по указанию Н.Н.Оглоблина, роспись колодников, направленных в Тобольск в 1634/35 г. Среди ссыльных колодников, как видно из дела, многие умерли

в пути и бежали. Роспись и прилагавшийся к ней доклад были составлены в Томске.

Сохранились и челобитные дела ссыльных людей. Так, С.Салдат в 1644/45 г. жаловался на недостаток одежды и просил выдать ему денег на ее покупку.

Н.Н.Оглоблин в столпе с документами за 1651/52—1652/53 гг. выявил росписи заключенных, ссылаемых в Сибирь из разных городов (крестьян в пашню, дворовых и других людей — в службу). В росписи сообщалось о вине заключенных, нанесенных им увечьях за совершенные ими преступления (к примеру, у С.И.Коровы, сосланного в казаки, были отрезаны уши)¹⁶.

Внимание Н.Н.Оглоблина обратило на себя дело 1639/40 г. с подробными сведениями о служилых людях, направлявшихся в Сибирь, неуплаченных ими прогонных деньгах, взятых подводах (из Переяславль-Залесского, Ярославского, Вологодского и других уездов). К делу прилагались росписи, проездные книги, росписи гонцам, выпись Сибирского приказа¹⁷.

Дело 1646/47—1647/48 гг. свидетельствовало о злоупотреблениях енисейского казачьего атамана В.И.Колесникова, служившего приказным человеком в байкальских острогах. Н.Н.Оглоблиным было описано и дело 1651/52 г. о злоупотреблениях приказчика Киренского острога В.Скобелевского. По указанию исследователя, бесчинства и злоупотребления приказчика Селенгинского острога И.Поршенникова зафиксированы в деле 1687/88—1689/90 гг., основанном на челобитных подьячих Посольского приказа Н.Венюкова и И.Фаворова, отправленных в Китай в качестве гонцов в 1685/86—1686/87 гг. К делу были приложены выписки из статейного списка, повествующие о конфликте с селенгинским приказчиком.

Дела, свидетельствующие о злоупотреблениях С.Иванова (приказчика Удинского острога, сына боярского из Красноярска) в 1689/90—1690/91 гг. и приказчика М.Борисова в 1698/99—1699/1700 гг. также были рассмотрены Н.Н.Оглоблиным.

Сохранилось и дело 1700—1703 гг., свидетельствующее, по указанию Н.Н.Оглоблина, о злоупотреблениях приказчика Братского острога Г.Пьянкова; злоупотребления были выявлены Сибирским приказом при рассмотрении выданных им выписей проезжим торговым людям. В «Обозрении...» сообщается про отрывок

дела 1626/27 г. о злоупотреблениях сыщиков тобольского сына боярского С. Чаплина и подьячего Г. Ерофеева (отправленных в Тобольск из Сургута с целью проведения расследования конфликта между воеводами Н. Пушкиным и Б. Белкиным). В период проведения переписи в Тюмени (1680/81 г.) были выявлены злоупотребления переписчиков О. Ушакова с «товарищами», что зафиксировано в деле того же времени.

Следующее дело (1684/85—1685/86 гг.), рассмотренное Н. Н. Оглоблиным, касалось злоупотреблений приказного человека Ф. Шульгина (притеснений им ратных людей из отправленного в 1684/85 г. к озеру Ямыш за солью отряда, а также раздоре с «бухаретином» С. Кулмаметевым). К делу приложена челобитная на Шульгина и его «товарищей», выписи Тобольской приказной избы и Сибирского приказа, отписки тобольских воевод, расспросные речи.

В «Обозрение...» Н. Н. Оглоблина попали сведения о делах 1697/98 г. по поводу злоупотреблений верхотурских служилых людей — приказчиков пашенных крестьян в ясачных зимовьях; дела были основаны на челобитных крестьян.

В деле 1640/41 г., рассмотренном Н. Н. Оглоблиным, сообщалось о бегстве красnojарского казачьего пятидесятника С. Самсонова с женой со двора князя В. Н. Приимкова-Ростовского. Как следует из документов дела, беглецы были пойманы в Ярославле. К делу были приложены расспросные речи беглецов, составленные в ярославской съезжей избе, отписка ярославских воевод, расспросные речи Самсонова в Сибирском приказе. Н. Н. Оглоблин отнес это дело к кругу дел о злоупотреблениях начальных людей.

Одно из дел касалось злоупотреблений сына боярского Г. Ермолаева и казачьего пятидесятника П. Муруева, лишенных в 1689/90 г. своих чинов и восстановленных в них в 1691/92 г. Среди других документов в к деле находился сыск 1689/90 г. и доклад приказа.

Злоупотребления тобольского сына боярского П. Хмелевского раскрывались делом 1626/27 г., попавшим в поле зрения Н. Н. Оглоблина. П. Хмелевскому в вину было поставлено «отписание» имущества на государя и «воровство» в период службы в Мангазее. В деле имелись и роспись имущества Хмелевского, отписка тобольского архиепископа Макария.

Следующее дело (1630/31—1636/37 гг.), изученное Н. Н. Оглоблиным, возникло после подачи извета казаком Т. Ивановым

против томского воеводы князя П.Пронского и детей боярских Я.Тухачевского и Г.Черницына. Расследование по делу (1631/32 г.) проводилось подьячим А.Хрисанфовым и сыном боярским М.Тюхиным из Тобольска.

Дела 1668/69—1673/74 гг. касались злоупотреблений якутского сына боярского В.Катаева, в вину которому поставили растрату государевой казны и отписку на государя имущества. Из дела известно, что Катаев умер в Верхотурье. К делу была приложена роспись «животов», розданных этим сыном боярским верхотурским служилым людям взамен денежных окладов.

Грабежи и злоупотребления тобольского сына боярского М.Юдина (отправленного тобольскими воеводами к калмыцкому Бушухте-Хану) стали предметом сыского дела 1691/92—1693/94 гг. В деле содержались сведения о чинимых Юдиным злоупотреблениях в период его проезда через ясачные волости Красноярского уезда. В дело вошли челобитные на Юдина, составленные ясачным и приказными людьми Удинского и других острожков Красноярского уезда.

Следующее судное дело (1634/35 г.), рассмотренное Н.Н.Оглоблиным, возникло вследствие челобитной томского боярского сына Г.Черницына, обвинявшего сына боярского О.Кокорева в бесчестье. Среди документов, отложившихся в деле, находились сыск и доклад приказа царю¹⁸.

Н.Н.Оглоблин при рассмотрении грамот по истории сибирских городов остановился на грамоте от 31 августа 1597 г. от имени царя Федора Ивановича сургутскому воеводе О.Т.Плещееву с «товарищами». В грамоте сообщалось о намерении князя Пегой орды Вони — союзника хана Кучума — напасть на Сургут. Воевода писал о своем решении послать в поход против Пегой орды ратных людей, в том числе юртовских татар из Тобольска и остяков князя Игичея из Березова. Грамотой предписывалось в случае отсутствия помощи из Березова взять в поход против Пегой орды сургутских остяков. Воеводе также предписывалось посылать известия в Тобольск о действиях Вони¹⁹.

23 марта 1604 г. поступила грамота тобольскому воеводе о постройке города на реке Томи отправленными туда сургутским головой Г.Писемским и тобольским головой В.Тырковым.

В грамоте от 25 октября 1609 г. говорилось об отправке жалованья (хлебного и денежного) сургутским служилым людям.

Согласно грамоте от 26 сентября 1609 г., денежное жалованье на 1608/09 г. было выдано атаману Т.Дееву в Москве, а в Сургуте повелевалось деньги ему не выдавать. О переводе сургутского сына боярского И.Пущина и литвина А.Иванова в Томск и выдаче им вместе с казаками и стрельцами денежного жалованья говорилось в грамоте от 9 декабря 1609 г. В грамоте от 12 января 1610 г. сургутским воеводой предписывалось посылать грамоты и сметные списки тобольскому воеводе князю И.М.Катыреву-Ростовскому.

Н.Н.Оглоблин указывал на то, что сохранилась грамота от 24 января 1616 г., адресованная сургутским воеводам Г.Г.Вельяминову и Е.Ф.Корсакову, об освобождении сургутских служилых людей от отправки их в Томск, Тару и на озеро Ямыш²⁰.

Другая грамота (от 28 февраля 1623 г.) предписывала атаманам и пятидесятникам провожать от Сургута до Нарымского острога годовальщиков, направленных в Енисейский острог. Н.Н.Оглоблин объясняет появление грамоты частыми жалобами остяков Лумпукольской волости на обиды, причиняемые им направленными на годовую службу.

Н.Н.Оглоблиным была рассмотрена и грамота от 3 марта 1623 г., запрещавшая новокрещенам и населению, обложенному ясаком в Нарымском остроге, охотиться и заниматься рыбной ловлей в Лумпукольской волости. Грамота, которой предшествовала жалоба князька данной волости, предписывала сообщить о запрете нарымскому воеводе В.Янову.

В грамоте от 7 марта 1624 г. говорилось об увеличении денежного и хлебного жалованья сургутскому подьячему И.Афанасьеву за то, что им были пойманы и доставлены в Москву две черные лисицы и за его участие в походе против детей Бардака Кинемы и Суеты, которые в 1618/19 г. были побеждены томскими служилыми людьми. В грамоте сообщается и о том, что за ту же победу И.Парабельского назначили городовым остяцким толмачом с прежним казачьим окладом вместо переведенного в рядовые казаки Л.Иванова.

Сохранилась и грамота от 7 марта 1624 г., запрещавшая покупать хлеб у служилых людей. Грамоте предшествовала их челобитная (представителей «литвы», немцев, стрельцов, казаков),

указывавшая на то, что служилые люди получали в Сургуте только хлебное жалование, и продажа хлебных запасов создавала для населения затруднительную ситуацию.

Небезынтересной Н.Н.Оглоблину показалась грамота от 27 января 1624 г., сообщавшая о назначении казанского стрельца И.Родионова в сургутские казаки вместо О.Булакова. В грамоте указывалось, что И.Родионов нес данную службу, но был отстранен от нее временно по причине болезни²¹.

Н.Н.Оглоблин указал на отписку 1627/28 г. с жалобой на недостаточное количество служилых людей в Енисейске; помета на отписке гласит, что была послана грамота томским воеводам князю П.И.Пронскому с «товарищами» (1628/29 г.), предписывающая выяснить необходимость в служилых людях в Енисейском уезде²².

В «Обзрении...» Н.Н.Оглоблина сообщается и о «росписи службам», составленной енисейскими служилыми людьми (сотником, атаманом и сотней стрельцов), отправляемыми в различном составе на службу в Братский и Маковский остроги, на реки Тунгуску, Ишим и Лену, в Москву и Томск (с колодниками и отписками). В росписи было указано, что в Енисейске остались на службе всего один атаман (на Гостином дворе), один стрелец (на государевой житнице), один приказчик (у пашенных крестьян и на мельнице), два стрельца (у качинских хлебных резервов), два стрельца (у аманатов) и один стрелец (при колоднике)²³.

Среди различных документов, которым уделил внимание Н.Н.Оглоблин, сохранилось дело об устройстве в Сибири рейтар, драгун и беломестных казаков (1670/71—1695/96 г.). Данное дело включает различные документы, среди которых историк выделил доклад 1676/77 г., указывающий на упорядочение рейтарской и драгунской службы. В докладе излагалась история сибирских полков данных служб, начиная с 1658/59 г. Рейтарами приказано было назначать только детей боярских и «литовских людей», драгунами — стрелецких и казачьих детей; тяглых людей не допускалось записывать в драгуны. К докладу прилагалась роспись (1671/72 г.) с перечислением служилых людей Тобольского разряда.

В дело вошли грамота (1677/78 г.), адресованная тобольским, верхотурским и другим воеводам и отписки (за 1670/71 и последующие годы) тобольских воевод. В именной росписи начальных людей у тобольских рейтар значились майор Л.Горчаков, солдатские

капитаны, были перечислены начальные люди тарских и тюменских рейтар, драгун в Исецкой и Ялуторовской слободах, в Таржанском и Исецком острогах. В деле также имеется роспись денежных окладов рейтар и драгун согласно их должностям. Именная роспись рейтар и драгун, по наблюдению Н.Н.Оглоблина, также содержалась в деле, которое включало и челобитные рейтар за 1678/79 г. и последующие годы, выпись 1678/79 г., составленную Ф.Поливановым на основе переписных книг драгун и беломестных казаков и приговор (1682/83 г.) Сибирского приказа о составлении новых переписных книг драгун и беломестных казаков. Тем же 1682/83 г. датированы документы (содержащие сведения об исецких драгунах), вошедшие в дело, как указывает Н.Н.Оглоблин.

Еще одна выпись (1688/89 г.) отражала количество беломестных казаков и драгунов в Исецком остроге, Ялуторовской слободе, близ Тюмени, Тобольска и других населенных пунктов; к делу прилагались и две наказные памяти (1689/90 и 1695/96 гг.), адресованные «тоболянину» А.Ф.Обольянинову (голове Тобольского уезда слобод беломестных казаков) и его преемнику Г.Г.Горохову. Н.Н.Оглоблиным отмечено, что в дело вошли и доклады, памяти и другие документы²⁴.

Следующее дело, рассмотренное Н.Н.Оглоблиным, касалось расследования злоупотреблений князей Гагариных, воеводствовавших в Якутске, Иркутске и Нерчинске. В дело вошли документы, предшествующие сыску о Гагариных (1696/97—1696/97 гг.). Среди этих документов были отписки енисейских, нерчинских и других воевод, грамоты в их адрес и списки имущества князей Гагариных, челобитные в адрес Гагариных от служилых, ясачных и жилецких людей, в том числе новокрещена князя П.Гантимурова. Среди документов 1697/98 г. сохранились отписки дьяка Полянского и грамоты в его адрес, а также выписи из расследований по делу Полянского и нерчинского воеводы (преемника князя М.П.Гагарина). Здесь же имеются, как указывает Н.Н.Оглоблин, документы 1697/98—1698/99 гг. (грамоты, отписки, памяти), касающиеся розыска Полянского. Среди документов дела Н.Н.Оглоблиным выделено «розыскное дело» Полянского и Берестова, касающееся злоупотреблений нерчинского воеводы князя М.П.Гагарина (1697/98 г.). Дело было составлено енисейскими сыщиками

на съезде двора. В продолжении данного розыска содержались сведения о том, что М.П.Гагарин самовольно отрешил от воеводства в Нерчинске Ф.Скрипицына. В дело вошли сыскные речи князя М.П.Гагарина, взятые Полянским и Берестовым; список с росписного списка от 1 августа 1696 г. (составленного князем Гагариным и Савеловым); отписки, адресованные новому нерчинскому воеводе С.Ф.Николаеву и другим воеводам в 1697/98 г. Полянским; документы сыска Николаева в Нерчинске по делу о князе М.Гагарине (1697/98 г.); сыскные документы Полянского по тому же делу (собранные в Енисейске в 1698/99 г.).

Другое дело (1698/99 г) касалось расследования Полянским дела о хмеле, обнаруженном среди имущества бывшего иркутского воеводы князя И.П.Гагарина.

Обширное дело (1696/97—1699/1700 гг.), изученное Н.Н.Оглоблиным, отражало ход и итоги расследования бунта красноярских служилых и других людей, выступивших против злоупотреблений воевод А.И. и М.И.Башковских и С.И.Дурново. Среди документов сохранился «розыск» о заговоре и бунте красноярских служилых людей против С.И.Дурново, проводившийся воеводой в 1696/97 г. Другие документы были собраны Полянским и Берестовым в Енисейске на съезде двора (1697/98 г.) и касались расследования красноярского бунта и злоупотреблений Дурново. Как отмечал Н.Н.Оглоблин, сохранился список с розыска дела, проводимого Полянским и Берестовым в 1697/98—1699/1700 гг., который был направлен в Сибирский приказ и свидетельствовал о волнениях и заговорах красноярцев против воевод (А.И.Башковского, М.И.Башковского, С.И.Дурново). Н.Н.Оглоблиным указывается на отказ служилых людей от воеводства А.Башковскому в Красноярске 16 мая 1696 г., выбор красноярцами своих судеек, проведение советов и дум собственными органами власти. Среди организаторов данного заговора были дети боярские Г.Ермолаев, К.Самсонов, А.Ярлыков. Судейками назначили Т.Еремеева, Д.Тюменцова и других. На стороне воевод при этом выступал В.Многогрешный.

Как показывает Н.Н.Оглоблин, сохранились челобитные, свидетельствующие о злоупотреблениях А. и М.Башковского и С.Дурново. Челобитные направлялись служилыми, ясачными и жилецкими людьми. Документы по сыску Полянского содержат выписи

из предшествующего расследования тобольским сыщиком Ф.Тулминным.

В документах, входящих в дело, указано на прибытие Полянского в Красноярск в 1699/1700 г.

Сохранились документы по сыску Полянского, касающиеся извета иркутского казака Т.Евсеева в адрес ссыльного человека Юрьево-Польского уезда в Илимске И.Копытова, направившего «заговорщицкое письмо» о Красноярском бунте. В результате расследования, проведенного Полянским в 1697/98—1699/1700 гг., Копытов был сослан в Туруханск.

К сыску Полянского прилагались грамотки, адресованные С.И.Дурново в Красноярск разными лицами. По указанию Н.Н.Оглоблина, среди грамоток была челобитная красноярских служилых и жилецких людей, челобитная А.Башковского, грамота А.Башковского, адресованная думному дьяку А.А.Виниусу, отписки Полянского для Дурново и другие документы.

Другое дело (1698/99 г.), рассмотренное Н.Н.Оглоблиным, касалось сыска по злоупотреблениям якутских воевод князя И.М.Гагарина и П.Зиновьева и их конфликтов с сыщиком Ф.Р.Качановым. Среди различных документов дела был один (за 1691/92 г.), свидетельствующий о направленном в Москву ссыльном донском казаке П.Сергееве. В деле сообщалось об обнаружении у Сергеева двух корешков и хлеба для причастий, а также указывалось на то, что его отправил в Москву якутский воевода князь И.М.Гагарин²⁵.

Следующее дело, рассмотренное ученым (за 1626/27—1629/30 гг.), касалось экспедиции Я.И.Хрипунова. Среди документов дела сохранился доклад Казанского приказа (1626/27 г.), адресованный царю, сообщающий о снаряжении экспедиции, целью которой был поиск серебряной горы на Верхней Тунгуске. В деле сохранилась грамотка в адрес Хрипунова, составленная енисейским стрельцом пятидесятником Т.Савиным, со сведениями о залежах серебра, выявленных тунгусами. Именно данный документ положил начало экспедиции. В дело вошли расспросные речи Хрипунова и других «знатцов» Качинской земли, составленные в Казанском приказе, и приговор царя о сборе в экспедицию согласно докладу приказа и отписке енисейского воеводы А.Ошанина. В памяти в Костромскую четь, вложенной в дело, сообщалось о выдаче Хрипунову денежного жалованья за 2 года. Память

в приказ Большого дворца (князю А.М.Львову и дьякам Г.Мартмянову и М.Чиркову) содержала просьбу о присылке денежно-го и хлебного жалованья для серебряных дел мастера И.Репы. В деле есть доклад, адресованный царю, о выдаче необходимых предметов для экспедиции (прилагался их перечень и роспись). Дело содержало и расспросные речи И.Репы о нуждах экспедиции по серебряному делу, составленные в приказе, памяти (ответная память приказа Большого дворца о И.Репе, память, адресованная в Пушкарский приказ с запросом об отправке фунта селитры для И.Репы, памяти в разные приказы, в том числе о нуждах экспедиции). Грамота тобольским воеводам, вошедшая в дело, по свидетельству Н.Н.Оглоблина, сообщала о сборе в экспедицию и ее первых шагах. В дело вошли и челобитные, составленные И.Репой, содержащие просьбы об охране его семьи, проживающей в Москве. Содержащиеся в деле челобитные Хрипунова касались, как показывает Н.Н.Оглоблин, личных дел. В комплексе документов сохранилась и грамота верхотурскому воеводе, сообщающая о содействии экспедиции. Среди документов дела Н.Н.Оглоблиным перечислены наказ (от 27 января 1627 г.), адресованный Хрипунову, роспись выданных предметов для экспедиции, запись Казанского приказа (со сведениями о приобретении для экспедиции глины), челобитная (1628/29 г.) о злоупотреблениях в 1627/28 г. служилых людей из отряда Хрипунова, отписка тобольских воевод (сообщающая о выступлении экспедиции во главе с Хрипуновым в Енисейск 30 мая 1629 г.), отписки о ходе экспедиции, грамота (направленная в адрес тобольских воевод)²⁶.

Дело 1671/72—1673/74 гг., рассмотренное Н.Н.Оглоблиным, касалось отправки думного дворянина Я.Т.Хитрово, его сына стольника В. Хитрово, полковника рейтарского строя Д.Фандернисина и подьячего приказа Тайных дел Е.Полянского в Сибирь на поиск серебряных и других полезных руд. В дело вошли различные документы, среди которых Н.Н.Оглоблин выделил память Сибирского приказа другим приказам (и ответные памяти от них) по вопросу снаряжения экспедиции во главе с Хитрово, грамоты, адресованные сибирским воеводам и отписки последних, наказ, данный Хитрово и его отряду в 1671/72 г., росписи разных припасов (также по снаряжению экспедиции), отписки, составленные Хитрово по пути из Китайского острога (1671/72—1672/73 гг.).

Н.Н.Оглоблин выделил роспись 1671/72 г., составленную Хитрово, отражающую опыт рудознатца Катайского острога К.Дробыша с подробным описанием плавки устюжской и тобольской руд. Н.Н.Оглоблин отмечает, что в документе сказано и о другом способе плавки руд, применяемом уральскими мастерами Д.Тумашовым и Т.Грековым²⁷.

Изученные Н.Н.Оглоблиным документы отражают разнообразные стороны деятельности сибирских воевод и служилых людей, в том числе их злоупотребления, которые в XVII в. нередко приводили к бунтам населения, показывая несовершенство сложившейся системы управления громадным краем.

Примечания

¹ Шохин Л.А. О работе Н.Н.Оглоблина над «Обозрением столбцов и книг Сибирского приказа» // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 201.

² Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.) / Сост. Н.Н.Оглоблин. М., 1901. Ч. 3. С. 2.

³ Там же. С. 3, 4.

⁴ Там же. С. 24—1.

⁵ Там же. С. 166.

⁶ Там же. С. 170.

⁷ Там же. С. 6.

⁸ Там же. С. 32.

⁹ Там же. С. 325.

¹⁰ Там же. С. 33—34.

¹¹ Там же. С. 267—268.

¹² Там же. С. 34—39.

¹³ Там же. С. 45.

¹⁴ Там же. С. 269—271.

¹⁵ Там же. С. 45—47.

¹⁶ Там же. С. 62—65.

¹⁷ Там же. С. 86.

¹⁸ Там же. С. 172—175.

¹⁹ Там же. С. 209—210.

²⁰ Там же. С. 214—216.

²¹ Там же. С. 218—219.

²² Там же. С. 237.

²³ Там же. С. 239.

²⁴ Там же. С. 266—267.

²⁵ Там же. С. 327—331.

²⁶ Там же. С. 347—348.

²⁷ Там же. С. 350—351.

Глава 4

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ТРАНСПОРТА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.

Проблема развития транспортной системы в Западной Сибири является весьма актуальной. Её изучение позволяет более полно представить историю развития производительных сил Западной Сибири: показать уровень технического состояния основных транспортных коммуникаций региона, социальную сторону организации транспорта, проследить его влияние на развитие хозяйственной специализации края, на социально-экономический и культурный уклад жизни населения, связи с внутренними и мировыми рынками.

Историографию транспорта Сибири конца XIX — начала XX вв. условно можно разделить на два уровня: это сюжеты, посвященные характеристике собственно транспорта и суждения и оценки, касающиеся, в связи с историей транспорта, общеисторических, даже концептуальных проблем¹.

За более чем столетний период возникла весьма обширная литература, либо прямо посвященная транспорту Сибири рубежной эпохи, либо затрагивавшая его состояние, историю развития. Изучение темы прошло несколько этапов, отличавшихся друг от друга как условиями изучения вопроса, так и преобладающим влиянием на историографию тех или иных исторических концепций, историографических парадигм, идеологических схем. Учитывая эти обстоятельства, можно выделить 5 этапов: 1) 90-е гг. XIX в. — конец 10-х гг. XX в.; 2) 20-е — начало 30-х гг. XX в.; 3) 30-е — конец 50-х гг.; 4) 60-е гг.; 5) с начала 70-х гг. по настоящее время.

В дореволюционный период историками сибирского транспорта выступали правительственные чиновники, инженеры, представители научных и деловых кругов. Их труды условно можно разделить на несколько групп. Во-первых, это изданные в разные годы очерковые работы о строительстве и эксплуатации Сибирской железной дороги — «Сибирь и Великая Сибирская железная дорога» (СПб., 1896), «Сибирь и значение Сибирского пути»

(СПб., 1900), «Сибирь под влиянием рельсового пути» (СПб., 1902) и др. Как правило, это ведомственные издания, не лишённые известной рекламной окраски. Их безусловным достоинством является наличие большого фактического материала, характеризующего различные стороны функционирования Транссиба. Однако в историографическом плане они интересны, прежде всего, своими оценками характера экономических отношений между Европейской Россией и Сибирью, социально-экономического строя Сибири, влияния железнодорожного и речного транспорта на развитие основных отраслей региональной экономики. Во-вторых, это очерки развития речного транспорта в крае. В отличие от первой группы дореволюционной литературы, это по преимуществу частные издания. В работах М.Шулятикова, С.И.Гулишамбарова, И.И.Вельского, Д.Ф.Шкота² развитие транспорта увязывалось с более широкими, нежели собственно транспортные, проблемами социально-экономического характера. Третья группа работ представляет собой сочинения на общие социально-экономические темы. Авторами этих трудов являлись, как правило, либо исследователи-экономисты (М.Н.Соболев, М.И.Боголепов), либо представители деловых кругов (П.Д.Подшивалов)³. Исследуя развитие региональных рынков, торговли, часто из вполне практических соображений они активно обсуждали тему роли, влияния индустриального транспорта на развитие экономики и культуры края, эволюцию социально-экономических отношений. Четвертая группа трудов представляет собой проекты сооружений новых железнодорожных линий. Их авторами являлись представители деловых кругов (П.Д.Подшивалов, А.И.Дмитриев-Мамонов), органов местного управления, инженерно-технического персонала Сибирской железной дороги (Г.В.Андрианов, И.И.Майнов)⁴. В данных работах содержатся ценные сведения, характеризующие состояние путей сообщения, промышленности, торговли, сельского хозяйства.

Освещая развитие индустриального транспорта в Сибири, исследователи сформулировали и дали определенные ответы на целый ряд как весьма специфических, касающихся исключительно транспорта, так и более широких, собственно исторических вопросов. Условия судоходства — важнейшие для исторически первой формы индустриального транспорта Сибири — подробно

описаны П.Веглиным, М.Шулятиковым, И.И.Вельским, Д.Ф.Шкотом⁵. Производственно-технический потенциал железнодорожного транспорта охарактеризован в труде Н.Д.Нахтмана, В.И.Кенге, вопрос о грузоперевозках, их объеме, структуре, динамике анализировался в работах М.Н.Соболева, В.Шимановского, П.Д.Подшивалова, С.Когена и др.⁶ Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ни один из названных авторов не связывал напрямую вопрос о грузоперевозках с концептуальной проблемой характера социально-экономических отношений Сибири и Европейской России, проблемой, которая была им, безусловно, знакома. Исследуя близкий, но несколько более широкий вопрос о характере торговых отношений Сибири и Европейской России в целом М.И.Боголепов сделал вывод о колониальном ее положении⁷.

Сравнительно немного было написано в дореволюционный период о рабочих и служащих индустриального транспорта Сибири. Даже в обличительной литературе революционных 1905—1907 гг. эта тема не нашла освещения.

Период 20-х — начала 30-х гг. в целом характеризуется снижением количества публикаций, посвященных индустриальному транспорту Сибири рубежной эпохи. Общественные потребности этого времени концентрировались на задачах социалистического строительства, а поскольку идеологической связи, преемственности между «проклятой» царской эпохой и социалистической перспективой не существовало, то хозяйственные достижения прошлого мало кого интересовали. Характерным исключением из этого правила, подчеркивающим во многом злободневный характер литературы 20-х — начала 30-х гг. стало появление на свет в 1923 г. обширного труда «Омская губерния. Материалы к познанию производительных сил губернии», заказанного ВСНХ и представляющего собой своеобразную инвентарную опись производительных сил Омской губернии, в том числе и железнодорожного хозяйства⁸.

Политически конъюнктурный характер носили многочисленные публикации бывших рабочих-железнодорожников Омска об условиях труда в железнодорожных мастерских в дореволюционные годы, участии их в революционном движении. Менее заметен, но все же присутствует политический подтекст и в краеведческих публикациях об истории Омской железной дороги и отдельных ее предприятий: шпалопропиточного завода, депо⁹.

В то же время в 20-е гг. некоторое время продолжали работать в науке исследователи, сложившиеся как ученые еще в дооктябрьский период. В работах М.И.Боголепова, А.Шиша и других вопросы развития транспорта прямо не поднимались, но содержались важные суждения и оценки связей сибирского и российского, мирового рынков¹⁰. В 20-е гг. лишь Н.П.Огановский в своей работе «Народное хозяйство Сибири» (Омск, 1921) непосредственно обращается к характеристике транспортной системы Западной Сибири конца XIX — начала XX вв., приводя необходимый статистический материал. Своеобразным завершением периода стал выход в свет в 1929 г. первого тома Советской Сибирской энциклопедии. Ее авторы затронули историю строительства Транссиба, а также его влияние на экономику региона¹¹.

В 30-е гг. и вплоть до конца 50-х гг. насчитывались буквально единицы публикаций по истории транспорта Сибири рубежа XIX—XX вв. Господствовавшее в исторической литературе представление о колониальном положении России с неизбежностью сказалось и на взгляде на Сибирь как колонию «вдвойне». Методологические установки на изучение фабрично-заводской промышленности Сибири, индустриального транспорта в крае отсутствовали. В этих условиях на свет появлялись лишь отдельные инициативные публикации научно-популярного характера или работы, заказанные транспортными предприятиями в связи с профессиональными праздниками (Б.Д.Головин, Г.В.Коваленко и др.)¹².

В 30—50-е гг. в отечественной литературе продолжалась, правда, весьма специфическим образом, разработка вопросов истории российского рабочего класса как в целом, так и его отдельных профессиональных отрядов, в частности железнодорожников. Однако в работах Б.В.Кондрикова, Б.Григорьева, И.Г.Чижова и других авторов этого периода обнаруживается явное невнимание к вопросам социальной истории рабочих, крен в сторону освещения деятельности большевиков в рабочем движении и идейно-политическая ангажированность¹³.

Вместе с тем, в развитии историографии 30—50-х гг. в целом и сибирьеведения в частности имелся и некоторый положительный смысл. Именно в это время складываются кадры историков, в том числе и будущих исследователей истории Сибири, ее экономики, в том числе транспорта. Характерно, что начиная с 60-х гг. историей

экономики Сибири занимаются практически только профессиональные исследователи, в то время как работы о транспорте 30—50-х гг. принадлежали перу руководителей транспортных предприятий и журналистов.

С конца 50-х гг. в советской историографии социально-экономической истории России рубежа XIX—XX вв. происходит известный поворот. Тезис о колониальном, полуколониальном положении России подвергается уничтожающей критике и отбрасывается. Великая Октябрьская социалистическая революция рассматривается как закономерный результат капиталистического развития России предшествующей эпохи. В центре историко-экономических исследований, посвященных рубежу столетий, оказывается проблема «материально-технических предпосылок социализма». Это открывало большие возможности для исследования народного хозяйства страны предреволюционной поры, хотя и сказалось на интересующей нас теме далеко не сразу.

60-е гг. в историографии изучаемой темы составили своеобразный переходный этап. С одной стороны, большинство работ этого периода затрагивали историю транспорта Сибири рубежной эпохи в связи с историей рабочего класса. С другой, и в самих этих работах социальные сюжеты начинают оттеснять политические, и, наряду с ними, появляется ряд публикаций краеведческого характера, и, наконец, выходит в свет во многом повлиявшее на последующие исследования многотомное академическое издание «Истории Сибири» (1968 г.)¹⁴.

С начала 70-х гг. начинается новейший этап в историографии истории индустриального развития Сибири рубежа XIX—XX вв. Инициатива в разработке интересующей нас тематики была принята группой ученых Томского университета Н.В.Блиновым, В.П.Зиновьевым, В.А.Скубневским, Б.И.Земеровым, В.Н.Большаковым и др. Труды томских исследователей отличало и заметное расширение источниковой базы, и четкость методологических позиций. Их исследования базировались на ленинской концепции развития капитализма в Сибири, органического единства социально-экономических процессов Европейской части России и Сибири.

Фундаментальной методологической работой, не потерявшей до сих пор своей актуальности, стала монография Н.В.Блинова «Очерки дореволюционной историографии и источниковедения

рабочего класса Сибири» (Томск, 1974). Н.В.Блинов проанализировал дооктябрьские труды по истории промышленности, транспорта и рабочего класса Сибири. Выделив дворянско-октябристское, буржуазно-либеральное, мелкобуржуазное направления в историографии Сибири, он подверг их обстоятельному критическому разбору. Отмечая наличие в трудах названных направлений большого и весьма ценного фактического материала, Н.В.Блинов в то же время указал на присущий им недостаток профессионализма, публицистический характер значительной части работ. С содержательной стороны он определил общую исходную точку домарксистских воззрений на экономику Сибири в целом, в том числе и на транспорт региона, — признание Сибири колонией. Отсюда проистекал целый ряд неверных, по оценке Н.В.Блинова, выводов исследователей: о разных путях социально-экономического развития метрополии — Европейской России и колонии Сибири, исключительно пришлом составе рабочих в крае, об отсутствии здесь фабрично-заводской промышленности. Н.В.Блинов впервые выполнил и систематический анализ источников по истории промышленности и пролетариата Сибири, дал их типологическую классификацию¹⁵.

Во второй половине 70-х — 80-е гг. в трудах Б.И.Земерова и В.Н.Большакова предпринимаются первые попытки специального анализа рабочих речного и железнодорожного транспорта Сибири эпохи империализма. Б.И.Земеров, используя значительный массив статистических материалов Министерства путей сообщения (МПС) и управления Сибирской железной дороги, определил численность, профессиональную структуру, источники формирования и пополнения, проанализировал социальный состав и материальное положение, а также социальное обеспечение железнодорожников Сибири конца XIX — начала XX вв.¹⁶ Вместе с тем данные Б.И.Земерова по распределению рабочих депо и мастерских относятся лишь к отдельным годам и поэтому не дают исчерпывающей картины. Нуждается в уточнении также вопрос о соотношении разных источников формирования, социального и национального состава рабочих и служащих. Б.И.Земеров привел лишь среднепроцентное соотношение за 1899—1904 гг. только трех социальных групп: крестьян, мещан и бывших военнотружеников. Нуждаются в изучении и вопросы условий труда и материального

обеспечения рабочих и служащих, прежде всего применительно к отдельным региональным участкам и железнодорожным центрам, подразделениям и службам сибирской магистрали.

Работы В.Н.Большакова посвящены изучению речного транспорта и водников Западной Сибири. Историк выделил главные судоходные линии Западной Сибири и удельный вес каждой из них, затронул структуру и основные технические характеристики флота¹⁷. Рассматривая систему речных перевозок в связи с постройкой Сибирской железной дороги, автор отмечает изменение статуса водных коммуникаций, в значительной мере превратившихся в подъездные пути к Транссибу. В.Н.Большаков охарактеризовал также и социальный аспект сибирского судоходства — численность, источники формирования, состав водников, рассмотрел их материальное обеспечение и условия труда. Представляет существенный интерес анализ В.Н.Большаковым семейных бюджетов членов плавсостава, определение прожиточного минимума. В то же время отдельные положения работ В.Н.Большакова носят описательный характер. Проведенный автором анализ структуры и основных производственных составляющих речного флота нуждается в дополнении.

Результаты исследований представителей группы Н.В.Блинова были обобщены и систематизированы в коллективной монографии «Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период» (Новосибирск, 1983). В книге приводятся важные сведения, касающиеся рабочих индустриальных отраслей транспорта: железнодорожного и водного. В монографии содержатся интересные данные о степени концентрации рабочих основных депо и главных мастерских, крупных железнодорожных центров, выделены главные районы, поставлявшие кадры на предприятия железной дороги и водного транспорта¹⁸.

Воздействие транспорта на развитие торгового и промышленного предпринимательства проследил в своей монографии «Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX веков» (Томск, 1975) другой известный томский историк Г.Х.Рабинович. Исследователь отметил быстрый рост товарных грузоперевозок на протяжении 1900—1913 гг., в частности вывоза из Сибири сырьевых товаров и ввоза промышленной продукции индустриально развитых регионов.

Оценивая структуру грузооборота Сибири, он сделал вывод, что она определялась статусом Сибири как колонии в экономическом смысле¹⁹.

В конце 80-х — 90-е гг. на фоне развивающегося интереса к рыночной экономике появляются новые исследования, характеризующие транспорт Сибири рубежа XIX—XX вв. в целом, этапы его развития, структуру перевозок и роль в осуществлении хозяйственных связей отдельных регионов Сибири, Сибири в целом и Европейской части России, заграницы. К числу работ, посвященных развитию железнодорожных грузооборотов Сибири, влиянию рельсового пути на экономику региона относятся публикации А.Г.Киселева, П.С.Коновалова, А.И.Храмкова²⁰. Обращает на себя внимание тщательный анализ грузооборотов А.И.Храмкова, осуществленный с помощью методов экономической статистики. Проблему влияния Транссиба на процессы миграций, развития городов, интенсификацию рыночных связей рассмотрели М.Р.Сигалов и В.А.Лямин. Частному железнодорожному транспорту Сибири посвятила свою работу Т.И.Баталова. Общий взгляд на экономику Сибири рубежной эпохи, роль и место транспорта в ней попытался сформулировать А.П.Суходолов. Аналогичное исследование в территориальных рамках Дальнего Востока выполнено М.А.Ковальчуком. Вопросы строительства Сибирской железной дороги детально описаны в коллективном труде «История железнодорожного транспорта России» (М.; СПб., 1994), изданном МПС РФ, проблемы сооружения Тюмень-Омской железной дороги освещены В.Т.Коптеловым²¹. Историю возникновения и развития парового судоходства в Обь-Иртышском бассейне рассмотрел в своей монографии Г.А.Титов²². Несмотря на большой фактический материал, работа в целом носит вторичный характер в сравнении с монографией В.Н.Большакова. Известную новизну ей придает раздел, посвященный владельцам пароводных компаний. Вместе с тем обращает на себя внимание некоторый «политический крен» работы. Сюжеты о водниках Обь-Иртышского бассейна, их численности, формировании, составе подчинены задаче описания рабочего движения, роли большевиков в этом движении. В работах, посвященных истории региональной истории, за исключением, пожалуй, «Очерков истории города Омска» (Омск, 1997. Т. 1) серьезного внимания освещению развития транспорта

практически не уделялось. В «Очерках», наряду с самым общим определением динамики грузооборотов железнодорожной станции и речных пристаней города, поставлен относительно новый вопрос — о влиянии индустриального транспорта на облик Омска. Разнообразный фактический материал содержится в работах краеведческого характера А.Д.Колесникова, М.К.Юрасовой, А.П.Сорокина и др.²³ Особняком среди краеведческих трудов стоят такие работы, как «Вагонное депо Омск-Сортировочный. Краткая историческая справка роста и развития вагонного хозяйства (1896—1975 гг.)», рукопись М.И.Шмелева «Этапы борьбы и труда. Очерки истории локомотивного депо Омск Западно-Сибирской орденa Ленина железной дороги (1896—1976)», хранящиеся в фондах музея славы Омских железнодорожников²⁴. Ценность этих работ определяется прежде всего тем фактическим материалом, который в них содержится. В особенности ценными представляются воспоминания рабочих-железнодорожников — свидетелей изучаемой эпохи.

В первой половине 2000-х гг. появляются работы обобщающего характера, посвященные строительству и началу эксплуатации Великого Сибирского пути и связанных с ним железнодорожных линий. Это монографическое издание «Создание Великого Сибирского пути», статьи в краеведческой печати. Коллективная монография написана на основе привлечения широкого круга как неопубликованных, так и опубликованных документов. Авторы рассматривают строительство, производственный потенциал железнодорожного хозяйства новых линий Сибири, санитарно-бытовые условия жизни железнодорожников. В статье В.Е.Копылова, посвященной строительству Тюмень-Омской железной дороги, содержатся ценные фактические и статистические материалы, наглядные фотодокументы²⁵. В то же время информация о динамике производственного потенциала железнодорожного хозяйства, эксплуатационной деятельности станций, профессиональном и социокультурном облике строительных рабочих, железнодорожников, приведенная в названных публикациях, является неполной.

В целом, история индустриального транспорта в Западной Сибири рубежа XIX—XX вв. до сих пор комплексно не исследовалась, нуждается в более детальном изучении материально-техническая база железной дороги, флот Обь-Иртышского бассейна

описан весьма фрагментарно. Применительно к регионам Западной Сибири комплексно не анализировались численность, состав, положение транспортников, структура и динамика речных грузооборотов.

Решению названных задач способствует привлечение широкого круга имеющихся источников, связанных с историей индустриального транспорта в Западной Сибири. Источниковая база исследуемой проблемы имеет определённую структуру:

1. Нормативные документы Министерства путей сообщения, в том числе Управления внутренних водных путей, управления Сибирской железной дороги, Томского округа путей сообщения: инструкции, постановления, приказы.

2. Отчетная документация МПС — доклады и отчеты министру путей сообщения, начальнику Сибирской железной дороги, материалы обследований железной дороги, ее предприятий, водных путей, служебные, пояснительные записки к проектам новых железных дорог, записки об экономическом значении железнодорожных линий.

3. Делопроизводственные документы как центральных, так и местных учреждений, транспортных предприятий: протоколы заседаний Совета управления Томского округа путей сообщения, журналы заседаний Управления Сибирской железной дороги, документация учетно-кадрового характера, документация пароходных компаний, документы органов местного самоуправления.

4. Техническая документация, характеризующая транспортные предприятия.

5. Статистические материалы, справочные издания, иллюстрирующие состояние железнодорожного и речного транспорта, его грузообороты.

6. Периодическая печать.

В инструкциях МПС и его подразделений приведены правила эксплуатации подвижного состава, станционного хозяйства, перевозки пассажиров, багажа и грузов, очерчен круг обязанностей должностных лиц. Так, в «Инструкции по ремонту подвижного состава», подготовленной инженером Сибирской железной дороги И.Н.Бутаковым, выделены виды ремонта подвижного состава железных дорог, представлены некоторые их технологические особенности²⁶. Если инструкции дают представление о «нормальном»,

штатном механизме функционирования предприятий путей сообщения, то приказы зачастую являются документами оперативного руководства, откликающимися на различные отклонения от «нормы». Вместе взятые, инструкции и приказы позволяют всесторонне осветить жизнедеятельность транспортных предприятий.

В докладах и отчётах на имя министра путей сообщения и начальника Сибирской железной дороги, материалах по обследованию железных дорог и водных путей содержатся сведения об объёмах перевозок, численности локомотивного и вагонного парка, флота, их техническом состоянии, о численности занятых на транспорте работников, приводится статистика аварий и несчастных случаев. В структуре названных документов существенное место занимают доклады по обследованию железных дорог Министерству путей сообщения. Так, в докладе, связанном с обследованием Сибирской железной дороги, приведена численность и основные типы паровозов, осуществлявшие пассажирские и грузовые перевозки, степень их концентрации в основных локомотивных депо Сибирской железной дороги²⁷. Также в докладе приведена численность сотрудников дороги по основным её подразделениям, годовой размер заработной платы некоторых профессиональных групп работников Сибирской железной дороги, характеристика деятельности её транспортных предприятий, городских железнодорожных станций²⁸.

В отчётах по эксплуатации дороги представлены производственные и финансовые результаты деятельности железной дороги, в сметах предполагаемые расходы по основным направлениям функционирования магистрали. Так, в отчетах по эксплуатации приведены данные о размерах и мощности главных мастерских и депо железнодорожных центров Сибири, форме зданий, численности железнодорожных путей, количестве стойл (специальных мест), предназначенных для стоянки паровозов во время ремонта. Отчёты содержат информацию о распределении паровозов по основным депо Сибирской железной дороги, их типах, паровозостроительных заводах, выпускавших локомотивный парк. В отчётах представлены сведения о расходах по содержанию предприятий дороги, выплатам сотрудникам её структурных служб. Также в отчётах приведена информация, характеризующая масштаб деятельности железнодорожных станций, в частности, указаны сведения

о численности местных и проходящих поездов, количестве прибывших и отправленных товарных вагонов, объемах товаров, численности и составе пассажиров, количестве проданных пассажирских билетов, переданных телеграмм и средств, поступивших от коммерческих операций²⁹.

Впоследствии, с выделением из состава Сибирской железной дороги Омской железной дороги как самостоятельной административно-территориальной единицы, существенный интерес представляют издания, в которых даётся характеристика эксплуатации новой железнодорожной линии. В «Кратких сведениях по эксплуатации Омской железной дороги» приводится административно-территориальная характеристика новой магистрали, производственного потенциала железнодорожных станций, Омских главных железнодорожных мастерских, локомотивных депо, численности и структуры локомотивного и вагонного парка, информация о коммерческой деятельности железной дороги, численности и профессиональной структуре рабочих и служащих предприятий дороги, о состоянии врачебной части, осуществляющей медицинское обслуживание сотрудников дороги³⁰. Также существенную значимость имеют материалы «Отчета осмотра Омской железной дороги», произведённого в 1915 г. В отчёте приводится описание путевого устройства железной дороги и деятельности железнодорожных станций, рассматриваются проекты переустройства крупных железнодорожных центров, в том числе станции Омск, размеры пассажирских и производственных помещений станции Омск, тяговое хозяйство и вагонный парк, объёмы производительности Омских главных железнодорожных мастерских³¹. Весьма информативны при рассмотрении производственного потенциала железнодорожных станций Сибирской железной дороги «Материалы Высочайше утверждённой Особой комиссии для исследования железнодорожного дела в России». В рамках рассмотрения основных железнодорожных центров Сибири в этом издании приводятся сведения о размерных характеристиках главных мастерских и локомотивных депо, количестве стоек, длине рельсовых путей, концентрации локомотивного парка, обороте материальных складских помещений станций³².

Существенный интерес для исследователя представляют «Отчёты о состоянии деятельности Омского технического железнодорожного училища» — учреждения, обеспечивавшего подготовку

специалистов. В них приведены данные по личному составу преподавателей училища, в частности, об их чинах или званиях, образовании, вероисповедании, возрасте, времени поступления на службу, размере денежного содержания, распределении учебной нагрузки между преподавателями. Кроме того, в отчётах указаны сведения по имуществу училища, поступлениях в его кассу и расходах финансовых средств. В отчётах большое внимание уделено характеристике учебного процесса³³. Также приведены условия вступительных испытаний, структура изучаемых предметов, показана доля успевающих учеников, их средний балл, наиболее часто повторяющиеся проступки учеников, налагаемые на них взыскания, сведения о численности и структуре случаев заболеваний среди учащихся³⁴.

В отчётах содержится информация по распределению выпускников училища по станциям железных дорог Сибири. Отчёты характеризуют состав учащихся. Он классифицировался по нескольким пунктам: предварительной подготовке, социальному происхождению, отношению к исповедуемой религии, возрасту, занятиям и социальному происхождению родителей, условиям проживания. Также в отчётах приведены сведения о материальном достатке учащихся (размере платы за обучение, именных стипендиях).

Документом, заслуживающим внимания исследователя, является «Отчёт о деятельности образовательных учреждений Сибирской железной дороги». Здесь содержится информация о структуре образовательных учреждений, численности учащихся, их распределении по возрасту, полу, вероисповеданию, профессиональному статусу родителей и уровню их годового дохода³⁵.

Серьезную информативную значимость для историков имеют пояснительные записки к проектам новых железнодорожных линий Западной Сибири начала XX в. В рассматриваемый период в регионе весьма активно шло строительство новых железнодорожных линий. К середине 1910-х г. завершилась постройка ряда новых железнодорожных линий: Тюменской (Куломзино — Тюмень), Алтайской (Новониколаевск — Семипалатинск с ветвью от Барнаула на Бийск), Кольчугинской (Юрга — Кольчугино), а позднее Кулундинской (Славгород — Татарская). Сегодня наиболее детально удалось изучить документы, связанные со строительством и началом эксплуатации Тюмень-Омской железной дороги.

Одним из значимых документов по истории железнодорожного транспорта Западной Сибири начала XX в. является «Пояснительная записка к проекту Тюмень-Омской железной дороги», составленная инженером Г. Андриановым на основе собранных сведений в результате изысканий новой трассы, произведенных специальной комиссией в 1905 г. По объему «Пояснительная записка...» является достаточно обширным документом, состоящим из двух частей. В первой части представлено описание основного направления будущей трассы, дана характеристика населенных пунктов, через которые должна пройти новая магистраль. При знакомстве с характеристикой населенных пунктов можно получить представление о развитии их экономической и социальной сферы, об основных видах занятий населения. В записке приведены альтернативные основному направлению варианты маршрутов Тюмень-Омской железной дороги, показаны их протяженность и стоимость. В документе анализируются преимущества и недостатки разных вариантов новой линии. Особое внимание уделено торговому значению пунктов основного направления Тюмень-Омской железной дороги: городам Ялуторовску и Ишиму. Приведены численность их населения и основные виды деятельности жителей, дана структура местной промышленности и объемы ее производительности. Немалое внимание уделяется и характеристике местной торговли, показаны её характер и масштабы. В документе рассмотрено предполагаемое влияние рельсового пути на социально-экономическое развитие территорий, попадающих в сферу его воздействия. В частности, проанализированы экономические преимущества сооружения Тюмень-Омской железной дороги взамен линии Екатеринбург — Курган по отношению к прилегающим к ней территориям³⁶.

Во второй части «Пояснительной записки» рассмотрены рельефные условия новой линии, проекты технических сооружений при пересечении больших рек, ведомость финансовых расходов по сооружению новой дороги, представлен план производства строительных работ. В документе охарактеризованы ландшафтные условия бассейнов рек, приведены масштабы скорости в главном течении русла речных коммуникаций, дано описание технических проектов железнодорожных мостов.

В ведомости по финансовым расходам на сооружение новой дороги отражена структура строительных работ, которые планировалось выполнить. К таким видам деятельности относились рубка и корчевка леса, земляные работы, возведение искусственных сооружений и путевых построек, прокладка полотна, укладка шпал и рельсов, устройство телеграфа, организация административного деления. В документе особое внимание уделено планам строительства железнодорожных станций и станционных построек. Так, указаны технические условия для предполагаемого размещения станций, будущий потенциал их железнодорожного хозяйства, представлены размеры и материалы для постройки складских и пассажирских помещений, жилых домов и мест для отдыха локомотивных и кондукторских бригад, система водоемных зданий. Важным аспектом при сооружении новой линии стала проблема использования труда местного населения при её строительстве. В «Пояснительной записке» отмечался ограниченный характер применения труда местных жителей в летнее время в силу их занятости на сельскохозяйственных работах. В основном предполагалось привлекать в самых широких масштабах рабочих и мастеровых из Европейской России и Урала, т.е. из развитых в индустриальном отношении регионов страны³⁷.

Сооружение новой трассы требовало максимальной детализации производственной деятельности. Поэтому в документе весьма обстоятельно изложен план строительных работ по основным участкам трассы, а также сроки и условия возведения гражданских построек, производственно-технических помещений, особенности разработки балластных карьеров, проведения водопровода, прокладки полотна под главный путь, укладки шпал и рельсов, введения в эксплуатацию телеграфной линии и подвижного состава (паровозов и вагонов)³⁸.

Сооружение Тюмень-Омской дороги предусматривало строительство и введение в эксплуатацию необходимых производственно-технических зданий, пассажирских помещений согласно специально выпущенной проектной документации. К таким документам относится «Пояснительная записка к проекту перекрытия ремонтного отделения при паровозном здании на станции “Ишим” Тюмень-Омской железной дороги». В ней раскрываются особенности конструкции и расчета прочности перекрытий паровозного

здания станции Ишим, приведены чертежи проекта. Конструкционные особенности проектировавшихся пассажирских зданий IV класса станции Ялуторовск освещены в специальной пояснительной записке МПС. Этот документ дает широкий спектр информации о проектируемых пассажирских зданиях станций Тюмень-Омской железной дороги. Он позволяет выявить технические особенности возведения фундаментов, стен, перегородок, потолочных перекрытий, кровли пассажирских зданий, организации обеспечения водоснабжения и отопления, укладки пола. Сведения о размерах пассажирских помещений, толщине наружных стен и перегородок, потолков наглядно иллюстрируют облик будущих железнодорожных вокзалов Тюмень-Омской дороги³⁹.

В структуре делопроизводственной документации МПС стоит выделить представление в адрес Государственной думы. В этом документе существенное внимание уделено финансово-техническому обоснованию строительства новой линии, высказаны пожелания руководства МПС «о постройке средствами и распоряжением казны железной дороги Тюмень-Омск» и утверждении строительной стоимости трассы. На основе сопоставления разных вариантов прокладки железнодорожной трассы в документе проанализированы преимущества строительства Тюмень-Омской железной дороги и недостатки от введения в эксплуатацию альтернативной Екатеринбург-Курганской железной дороги⁴⁰. Строительство рельсового пути требовало большой подготовительной работы по проекту сооружения новой линии. Общий свод экономических и технических данных, полученных при изыскании Тюмень-Омской железной дороги с ветвью на Тобольск, также является весьма ценным источником. Документ дает возможность провести сравнительный анализ Тюмень-Омского и Екатеринбург-Курганского вариантов по затратам государственного казначейства на постройку, по предполагаемым финансовым результатам эксплуатации в первые годы после открытия движения, по возможному значению железных дорог для развития края⁴¹.

Таким образом, записки об экономическом значении предполагаемых железнодорожных линий являются значимым видом источников. В них обосновывается необходимость строительства новых железнодорожных путей и показано их предполагаемое влияние на находящиеся рядом территории⁴².

Делопроизводственные документы как центральных, так и местных учреждений, транспортных предприятий отражают различные аспекты функционирования индустриальных видов транспорта в Западной Сибири. В протоколах заседаний и постановлениях Совета управления железной дороги зафиксированы предложения, направленные на повышение эффективности её работы, решения об открытии или ликвидации вспомогательных предприятий дороги (транспортных контор и городских станций), представления о материальном вознаграждении и пенсионном обеспечении сотрудников. В протоколах заседаний Томского округа путей сообщения отражена информация, характеризующая условия судоходства, состояние флота, пристаней и затонов, эксплуатацию водных путей, предложения по повышению её эффективности.

Весьма информативным источником, позволяющим восстановить облик рабочих-железнодорожников станции Омск, являются документы по учёту кадров железнодорожных мастерских, включающие листы учёта рабочих и служащих (послужные списки и анкеты); акты служебных расследований и предварительного дознания, протоколы унтер-офицеров жандармского ведомства, медицинские свидетельства врачей железнодорожной больницы, протоколы заседаний о медицинском освидетельствовании рабочих.

Наиболее ценный материал содержат послужные списки. В них приводятся данные о социальном происхождении рабочих, их возрасте, вероисповедании, подданстве, образовании, квалификации, семейном положении, дате принятия на работу, времени и причинах увольнения, продвижении по службе, размере заработной платы, пособий, о взысканиях и поощрениях, предоставляемых отпусках. Существенным недостатком послужных списков является то, что в них практически не приводится информация о месте проживания и предшествующей деятельности рабочих до поступления в мастерские. Это создаёт определённые сложности при рассмотрении источников формирования трудового коллектива Омских железнодорожных мастерских. Анкеты содержат информацию о возрасте и социальном положении рабочих, их национальности, образовании, специальности и квалификации, времени поступления на службу, партийности и семейном положении, размере заработной платы, вероисповедании. Размер пособия и продолжительность отпуска в анкете не указывались. Не менее

интересным источником является и другой вид учёта рабочих и служащих Омских железнодорожных мастерских — автобиографии рабочих и служащих, прилагавшиеся к анкетам — новой форме учётного документа, введённого после установления советской власти взамен послужных списков. В автобиографиях присутствуют сведения о социальном происхождении рабочих, причинах переезда в Омск (у иногородних), составе семьи и некоторые другие данные⁴³.

Важные сведения содержат документы, связанные с регистрацией на производстве травматизма в Омских мастерских. Это акты служебных расследований и предварительного дознания, протоколы унтер-офицеров жандармского ведомства, медицинские свидетельства врачей железнодорожной больницы. В акты служебных расследований и первоначального дознания заносились краткие метрические данные о пострадавшем: фамилия, имя, отчество, занимаемые должности лиц, составлявших эти документы, здесь же содержалась информация о годе, месяце, дне недели, времени суток происшествия, давалось его детальное описание, определялась причина, в силу которой произошёл случай травматизма⁴⁴. Медицинские свидетельства позволяют понять характер повреждений, степень их тяжести. Важным источником, позволяющим восстановить картину профессиональной заболеваемости железнодорожников, являются протоколы заседаний врачебной комиссии на предмет профессиональной пригодности к дальнейшей службе. В документах присутствуют данные о признаках болезни, причинах её возникновения, поставленном диагнозе, заключения о возможности продолжения исполнения сотрудником мастерских своих обязанностей. Недостатком источников, характеризующих состояние производственного травматизма и профессиональной заболеваемости, является и частое отсутствие в них указаний на то, какая компенсация выплачивалась пострадавшим администрацией⁴⁵. Прочая документация включает в себя прошения о приёме на работу и об увольнении со службы, о предоставлении отпусков, выплате пособий, выдаче проездных билетов, листов перевода по службе или повышении квалификации, свидетельства об образовании, заключения врачебной части о профессиональной пригодности, извещения и повестки о регистрации жандармским ведомством, переписку руководства мастерских

с управлением дороги, билеты на право пользования медицинской помощью, билеты на посещение бани, удостоверения о льготном проезде по Омской городской ветке⁴⁶.

Среди документов пароходных компаний можно выделить уставы деловую переписку, сметы эксплуатационных затрат. Уставы представляли собой своды правил, положений, устанавливающих организацию, устройство, порядок деятельности различных учреждений и предприятий, в том числе и пароходных компаний. В уставах указывались дата основания, состав учредителей, размер основного капитала, количество паев, величина пая, распорядок деятельности пароходной компании⁴⁷. В рамках переписки между пароходными компаниями и Томским округом путей сообщения обсуждались условия судоходства, состояние пристанского хозяйства, коммерческая деятельность, условия труда и быта рабочих. В сметах пароходных компаний отражена структура их основных предполагаемых расходов⁴⁸.

Техническая документация транспортных предприятий представлена главным образом «Коллекцией планов и чертежей» крупных железнодорожных центров Сибири⁴⁹. Материалы «Коллекции» сопровождаются «Пояснительной запиской к проекту Главных мастерских Западно-Сибирской железной дороги станции Омск». При характеристике конструктивных особенностей производственных помещений даются сведения об их архитектурной форме, строительных материалах, использованных при возведении корпусов. В «Коллекции» приведены данные о системе путевого хозяйства станции Омск, имеются сведения, характеризующие производственную мощность Омских и Красноярских железнодорожных мастерских, виды ремонта, количество восстановленных паровозов, вагонов в месяц и в год. Существенный интерес представляют данные по квартальной и годовой динамике численности рабочих по основным структурным подразделениям главных железнодорожных мастерских⁵⁰.

Сведения о технической оснащённости, уровне энерговооружённости, количестве рабочих и служащих, видах выполняемых операций содержатся в «Характеристике деятельности Омских главных железнодорожных мастерских», изданной управлением Сибирской железной дороги. В «Характеристике...» приведены данные о численности сотрудников предприятия, выделена их

профессиональная структура, причины увольнения со службы. Также в документе есть сведения, позволяющие получить представление об условиях трудовой деятельности сотрудников — среднем количестве отработанных на предприятии дней (урочных и сверхурочных), размере заработной платы администрации мастерских, руководства цехов, ремонтных рабочих (штатного оклада, подённой, сдельной, за период болезни и отпуска), приводится и средняя величина подённого и месячного заработка. «Характеристика...» даёт информацию и о технической оснащённости мастерских оборудованием, использовавшимся при ремонте локомотивного и вагонного парка, о стоимости ремонта паровозов и тендеров, пассажирских и товарных вагонов. В частности, имеются данные о размере среднего ассигнования на единицу ремонта, расходы на материалы, затраты на рабочую силу, указана средняя продолжительность нахождения в ремонте паровозов, пассажирских и товарных вагонов, степени электрической освещённости предприятия⁵¹.

В «Характеристике...» содержится информация о деятельности Омских технических классов как формы профессиональной подготовки рабочих для мастерских, об организации учебного процесса, условиях приёма, изучаемых предметах, проведении практических занятий, бытовых условиях обучения, формах поощрения учащихся⁵².

Значимой группой источников при изучении индустриальных видов транспорта Западной Сибири являются статистические материалы. Они иллюстрируют техническое состояние, эксплуатационную деятельность, социальную составляющую транспортной системы.

Существенные данные, характеризующие деятельность индустриальных видов транспорта, содержатся в изданиях отдела статистики и картографии МПС. К ним относятся следующие статистические издания:

- ежегодные выпуски статистического сборника МПС с отчётными сведениями о железных дорогах;
- ежегодные выпуски статистических сборников МПС со сведениями о движении товаров по железным дорогам;
- ежегодные выпуски статистических сборников МПС со сведениями о внутренних водных путях и шоссейных путях;

- ежегодные выпуски статистических сборников МПС со сведениями о движении товаров по внутренним водным путям;
- перечень внутренних водных путей Азиатской России⁵³.

В ежегодных статистических сборниках МПС с отчётными сведениями о железных дорогах приведены данные о структуре и численности российских железных дорог, показатели концентрации локомотивного и вагонного парка, рабочих и служащих. Ежегодные статистические сборники МПС также дают представление о коммерческом обороте российских железных дорог, динамике и структуре пассажирских и грузоперевозок. В статистических сборниках МПС представлена информация о протяжённости путей сообщения в Российской империи, структуре внутренних водных путей, условиях судоходства, численности паровых и непаровых судов, грузовых и пассажирских перевозках⁵⁴.

Статистические материалы, характеризующие деятельность железнодорожного и водного транспорта, содержатся как в сборниках МПС, так и в изданиях управления Сибирской железной дороги и Томского округа путей сообщения. Эти издания не только позволяют восстановить динамику грузооборотов железнодорожных станций и пристаней, но и выяснить направление основных грузопотоков. Также в статистических сборниках приводятся данные по основным статьям отправленных и прибывших товаров отдельных главных пристаней Обь-Иртышского и других водных бассейнов Азиатской России. Существенное внимание уделяется в сборниках МПС перевозке пассажиров по внутренним водным путям Азиатской России. Так, приведены показатели численности пассажиров, перевезённых в бассейнах рек Оби, Енисея и Амура. В сборнике МПС приведена как общая численность перевезённых пассажиров по внутренним водным путям Азиатской России, так и распределение их по основным группам. Также в сборнике даются сведения об общем количестве перевезённых водным путём в бассейнах рек Оби, Енисея и Амура пассажиров различных классов⁵⁵. Это позволяет соотнести показатели пассажиропотока на основных водных артериях Азиатской России.

Ценные сведения о структуре и численности пассажиров, отправленных и прибывших на главные пристани внутренних водных бассейнов Азиатской России, также даны в статистических сборниках МПС. В них указана информация о пристанях Омска,

Новониколаевска, Барнаула, Тюмени, Томска, Павлодара, Семипалатинска. Среди лиц, воспользовавшихся услугами речного транспорта, в сборнике отмечаются пассажиры всех четырех классов, переселенцы, воинские чины, арестанты. Такие данные позволяют более детально рассмотреть основные группы пассажиров, перевезенных водным путём, выделить среди них наиболее существенные⁵⁶. Схожая информация приведена в сборниках о структуре, объёмах отправленных и прибывших на главные пристани Обь-Иртышского бассейна основных грузов. Материалы сборников позволяют выяснить основные пункты отправления и прибытия грузов и пассажиров. Это даёт представление о направленности основных грузовых и пассажирских потоков, позволяет выяснить географию экономических связей основных речных портов Обь-Иртышского бассейна.

«Статистические сведения по перевозке грузов и пассажиров по рекам Томского округа путей сообщения за 1904—1910 гг.» отражают материалы местной статистики по эксплуатации водных путей. В издании приводится подробная структура прибывших и отправленных грузов на основные пристани Обь-Иртышского бассейна, в том числе Омск, Новониколаевск, Барнаул, Бийск, Томск, Тюмень, Тобольск, Семипалатинск, Павлодар, сведения о динамике численности и составе перевезённых водным путём пассажиров⁵⁷.

Представление о техническом состоянии речного флота Западной Сибири дают сборники и статистические издания МПС, статистические материалы Томского округа путей сообщения. В сборниках МПС приводится информация о численности, структуре, размерных и эксплуатационных показателях паровых и непаровых судов в Обь-Иртышском бассейне. Здесь помещены сведения о структуре пароходных предприятий, осуществлявших коммерческую деятельность на реках Западной Сибири⁵⁸.

Информация о численности, структуре, технических характеристиках паровых и непаровых судов находится и в проведённом МПС обследовании «Речной флот Азиатской России», а также в «Списках паровых и непаровых судов, плавающих по рекам Томского округа путей сообщения». В названных документах указываются численность судов, принадлежность судна владельцу, а также концентрация судов в пароходных компаниях, название судна, его эксплуатационное назначение.

С точки зрения производственного назначения паровой флот, согласно названным документам, делился на суда буксирные, буксирно-пассажирские, товарно-пассажирские и служебные, принадлежавшие МПС. Наиболее многочисленную группу составляли буксирные пароходы, предназначенные для перевозки крупногабаритных грузов. Такие пароходы могли тянуть 2—3 груженые баржи.

Буксирно-пассажирские пароходы представляли собой суда комбинированной специализации, предназначенные для перевозки людей и грузов. Довольно широкое распространение получили товарно-пассажирские суда. Помимо перевозимых в каютах пассажиров, в трюмах этих пароходов хранились грузы, пассажирский багаж. Служебные суда применялись при работах по обследованию фарватера рек и береговой линии. В документах приведены характеристики габаритных размеров пароходов (длина, ширина, высота), глубины их погружения в воду (осадки), мощности и типа двигателя, дается информация о роде используемого топлива, количестве грузов и пассажиров, принимаемых судном, материале, из которого построен корпус судна. Также указывается информация о годе и месте постройки корпуса, машины и котла судна⁵⁹.

Среди мест постройки составных компонентов пароходов Обь-Иртышского бассейна документы выделяют специализированные заводы в городах Тюмени, Перми, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, которые к этому времени получили широкую известность как крупные судостроительные центры. Документы также выделяют и иностранные судостроительные заводы в Англии, Германии, Финляндии⁶⁰.

Существенную часть в структуре изданий рассматриваемой группы занимают сведения, касающиеся характеристики непаровых судов. Они подразделялись на буксируемые, которые осуществляли движение при помощи парохода, и парусно-гребные, перемещавшиеся за счёт мускульной силы и воздействия ветра. В справочных изданиях МПС и Томского округа путей сообщения приведена информация о структуре, численности, принадлежности непаровых судов к различным пароходным компаниям.

Среди видов непаровых судов документы выделяют баржи, паузки, барки, гусянки, лодки, шаланды. Постройка непаровых судов производилась на верфях Тюмени, Тары, Томска и Барнаула.

Непаровые суда предназначались для перевозки лесных материалов, дров, зернового хлеба, металлов, рельсов, руды и других товаров. Непаровые суда использовались и при землечерпательных работах.

В документах указаны размерные габариты непаровых судов (длина, ширина, высота), глубина их осадки (в порожнем состоянии, при полной нагрузке), дается информация о количестве грузов, поднимаемых судном на борт, годе постройки судна, роде перевозимого судном груза, количестве навигаций⁶¹.

Деятельность пароходных компаний охарактеризована в справочных изданиях «Акционерные коммерческие предприятия России». Так, в них представлены данные о масштабах коммерческой деятельности, в частности, о размерах получаемой прибыли и дивидендов, понесённых убытках, структуре обслуживаемых коммерческих линий⁶². Систематизированные сведения о профессиональном облике водников Обь-Иртышского бассейна даёт перепись рабочих и служащих речного транспорта Западной Сибири, проведённая МПС в 1901 г. Документ содержит сведения, характеризующие профессиональный облик водников, работавших как на паровых, так на непаровых судах Обь-Иртышского бассейна, распределение водников по месту происхождения, сословиям, занятиям вне навигации, семейной преемственности в профессии, должностям, семейному положению, возрасту, образованию, продолжительности службы⁶³.

Массив статистических документов, характеризующих состояние железнодорожного транспорта, весьма обширен. Статистические данные характеризуют различные аспекты развития железнодорожного транспорта, в том числе технический и социальный.

«Путеводители по Великой Сибирской железной дороге» дают информацию о развитии железнодорожных станций. В них указаны месторасположение станции на линии Сибирской железной дороги, её отношение к тому или иному классу, характеристики основных элементов станционного хозяйства, краткие сведения о населённом пункте, через который проходила Транссибирская магистраль⁶⁴.

В издании «О численности рабочих и служащих на русских железных дорогах» имеются сведения, характеризующие развитие железных дорог России и Сибири. Здесь содержатся данные

об основных российских железных дорогах, в том числе Сибирской и Забайкальской, при этом указаны эксплуатационная длина железнодорожных линий, представлена численность постоянных, временных и подённых рабочих, занятых их обслуживанием⁶⁵.

Широкий спектр статистической информации, связанный с эксплуатацией рельсовых линий, приводится в издании «Железнодорожный транспорт в 1913 году (Статистические материалы)». В нем представлена структура основных служб железных дорог, приведено соответствующее профессиональное распределение по ним рабочих и служащих. В издании перечислены основные железнодорожные линии, в том числе Омская и Сибирская железные дороги. В рассматриваемом издании даны сведения о численности подвижного состава (паровозов, пассажирских, почтовых и багажных вагонов), величине пробега паровозов и поездов, структуре коммерческих перевозок, грузовых и пассажирских перевозок, численности и объёме содержания рабочих и служащих, расходах по эксплуатации железных дорог, в том числе Сибирской и Омской железных дорог⁶⁶.

Объёмы пассажирских и грузовых перевозок, ближайших от станции населённых пунктов, стоимость провоза грузов, сведения о расположении вблизи станции фабрик и заводов, больших предприятий, размер их производственной мощности представлены в «Кратких обзорах коммерческой деятельности Сибирской железной дороги»⁶⁷. Особенности экономических связей Сибири с Европейской частью России, роль Сибирской железной дороги и водных путей в этом процессе освещены в издании «Торгово-промышленная Россия с Великим Сибирским путём и водными сообщениями Российской империи»⁶⁸.

Характеристика грузооборотов крупных центров транссибирской магистрали и её участков, крупных речных портов Обь-Иртышского бассейна дана в «Материалах по экономическому исследованию внутренних водных путей». В этом издании выделены основные участки и станции Сибирской железной дороги, отправлявшие различные виды товаров: хлебные грузы, сливочное масло, мясо, шерсть, кожу и шкуры. Также выделены основные направления движения тех или иных товаров и станции их назначения, приводится динамика грузооборотов железнодорожных станций и участков Сибирской железной дороги, районы и губернии

назначения движения грузов. Кроме того, представлена структура крупных основных речных портов Обь-Иртышского бассейна, показана динамика их грузооборота⁶⁹. Большую значимость при характеристике пассажирских перевозок и движения грузов имеют «Статистические сведения управления Сибирской железной дороги по перевозке всякого рода грузов и пассажиров»⁷⁰. В них перечислены статьи перевозимых по железной дороге грузов, их объём и основные станции назначения и отправления, пункты следования пассажиров.

Сибирские товары, вывозившиеся по железной дороге, имели выход как на российский, так на и мировые рынки. Динамика цен на продукцию, поступавшую из Сибири на российские и иностранные рынки, отражена в издании «Свод товарных цен на главных русских и иностранных рынках за 1901—1913 гг.»⁷¹. Этот позволяет увидеть колебания цен на сибирские товары, вывозившиеся по железной дороге на внутренние и мировые рынки.

Данные, характеризующие социально-экономическое развитие Среднего Прииртышья и роль транспорта в жизни края, имеются в изданиях областных (Акмолинского и Семипалатинского) и губернского (Тобольского) статистических комитетов. Здесь приводятся масштабы грузооборотов железнодорожных станций и пароходных пристаней, информация о состоянии сельского хозяйства, отраслей промышленности, состоянии торговли, промыслов, образования, здравоохранения. В «Статистических сведениях по городу Омску» представлены грузообороты и показатели пассажирских перевозок по станции Омск и омским пристаням. В издании показаны основные статьи отправляемых и прибывших на станцию Омск и омские пристани грузов, структура и динамика пассажирских перевозок⁷². Вместе с тем, материалы Тобольского губернского и Акмолинского областного статистических комитетов представляют собой типичные примеры весьма некорректных подсчётов и малонадёжны в статистическом отношении. Абсолютным показателям этой статистики нельзя доверять. Характерно, что в таблицах «Обзоров» Тобольской губернии, Акмолинской и Семипалатинской областей часто встречаются статистические погрешности. По оценке Н.В.Блинова, данными областной статистики можно пользоваться лишь для выявления общей динамики социально-экономического процесса, но отнюдь не для характеристики

дел в экономике на каждый конкретный год. В то же время можно выделить региональные издания, заслуживающие внимания исследователя. Это краеведческие сборники, которые содержат весомые статистические данные по развитию транспорта как важного компонента экономической сферы. В краеведческом сборнике «Омская губерния. Материалы к познанию производительных сил губернии» (1923 г.) приводятся информативные статистические материалы, в которых указываются показатели производственной мощности Омского локомотивного депо, структура и размерные характеристики складских помещений станции Омск и омского эксплуатационного участка⁷³.

В материалах периодической печати Западной Сибири пристальное внимание уделялось специфике её социально-экономического развития и роли индустриальных видов транспорта в этом процессе. Особое место на страницах западносибирской периодической печати конца XIX — начала XX вв. занимали обоснования необходимости постройки Транссиба, а также проекты строительства железной дороги. Достаточно долго споры вокруг строительства Транссибирской железной дороги носили отвлечённый характер. Задачи сооружения дороги не были ясно сформулированы, отсутствовали силы, способные реализовать грандиозный замысел. В периодической печати конца XIX — начала XX вв. господствовало мнение, что железная дорога станет ключом к богатствам Сибири. В печати 90-х гг. XIX в. подчёркивалось, что Транссиб станет важным фактором развития мировой торговли, туризма, почты и различных международных обменов. Более осторожные наблюдатели призывали не преувеличивать роль будущей Сибирской железной дороги. В конце XIX — начале XX вв. стали появляться первые исследования, посвящённые анализу влияния Транссибирской магистрали на развитие экономики Сибири и России в целом. В этих работах характеризуется технико-экономическое состояние пути, взаимодействие водного, гужевого и железнодорожного транспорта в условиях отсталой окраины страны, развитие железнодорожных ответвлений магистрали, влияние последней на размещение населения в Сибири. Кроме того, приводятся разнообразные сведения о пропускной способности дороги, объёмах перевозимых грузов, характере экономического развития местности, по территории которой проходила магистраль⁷⁴.

В периодической печати конца XIX — начала XX вв. начинают обсуждаться вопросы железнодорожного обслуживания и особенно его качества, что получило своё освещение на уровне отдельных сюжетов. В технических журналах появляются публикации, посвящённые тем или иным проблемам из области железнодорожного сервиса. Так, на страницах журнала «Инженер» неоднократно шла речь о «проблемах обслуживания пассажиров и грузоперевозчиков, о соблюдении санитарно-гигиенических норм в российских поездах, о мерах, необходимых для повышения безопасности движения на железных дорогах, о сохранности грузов, об освещении и отоплении вагонов»⁷⁵.

Очерковый, репортажный, корреспондентский материал, реже проблемные публикации о флоте Обь-Иртышского бассейна и Сибирской железной дороге содержит периодическая печать: журналы «Русское судоходство» (Санкт-Петербург), «Сибирские вопросы» (Санкт-Петербург), омские газеты «Степной край», «Омский телеграф», «Омский вестник», а также «Жизнь Алтая» (Барнаул), «Сибирская жизнь» (Томск). На страницах названных изданий обсуждались вопросы функционирования транспорта, взаимодействие флота и железной дороги, их экономическая и культурная роль в жизни края. Важным аспектом внимания периодических публикаций была социокультурная жизнь Омска до введения в эксплуатацию Транссибирской магистрали. Характеризуя Омск 1860—80-х гг., один из авторов журнала «Сибирские вопросы» отмечал: «Омск был мёртвым городом. Полковой бал, пунш, фейерверк у коменданта, дальше которых не шла сонная мысль обывателя. Человек ценился только как поручик, генерал, статский советник. Город без общества, без общественной жизни. Город сослуживцев, заражённых формой, дисциплиной, инстанцией, жизненный нерв Омска — награда, наградные. Существовать вне службы, быть человеком, не будучи чиновником, для Омска было неприлично, стыдно. Омск ничего не производил. Он потреблял и расходовал», — таким виделся современникам облик Омска накануне строительства Великого Сибирского пути⁷⁶.

Одним из проявлений экономической политики государства в отношении Сибирского региона выступали культурные события, посвящённые завершению строительства отдельных участков железной дороги, станций, мостов, прибытию первых поездов.

Так газета «Степной край» рассказывает о встрече первого поезда в Омске: «Город, разукрашенный массой флагов, с утра принял праздничный вид. Многие городские обыватели спешили переправиться на ту сторону Иртыша, поближе к месту, куда должен был прибыть первый поезд с Министром путей сообщения, гофмейстером Кривошеиным... День 25 августа сего года будет рубежом старой и новой жизни г. Омска и прилегающих к нему местностей». Берег Иртыша «впервые огласился свистком паровоза», — сообщали «Акмолинские ведомости». В газете было заострено внимание на организации праздника. «Место для торжества было избрано около железнодорожной паровой пристани, куда от главной линии идет отдельная ветка, по которой доставляемый пароходами строительный материал направлялся для укладки пути. Таким образом, торжество было устроено на месте наиболее кипучей работы, среди массы шпал и рельсов»⁷⁷. Газетные публикации позволяют передать атмосферу тех дней, настроения современников изучаемой эпохи.

На страницах омских газет публиковались материалы о торжествах по случаю открытия новых железнодорожных линий, в частности, о введении в эксплуатацию Тюмень-Омской железной дороги. В 1913 г. «Омский вестник» сообщал: «1 октября к часу тридцати минутам к вокзалу ветки был подан специальный поезд, в котором приглашённые лица на торжество прибыли на ст. Омск. С этим поездом прибыли начальник края Степной генерал-губернатор Е.О.Шмидт и акмолинский губернатор А.Н.Неверов. После отслуженного молебна было положено правильное движение на Омской железной дороге и включение её в прямое сообщение с сетью российских дорог. По выполнению открытия и отправления первого товарного поезда, в зале станции гостям были предложены шампанское, чай, фрукты. Произнесены тосты»⁷⁸.

В периодической печати содержится богатый фактический материал, иллюстрирующий условия труда и быта рабочих и служащих. Так, в 1908 г. в газете «Сибирская жизнь» сообщалось, что в Омских мастерских «слесаря ходят по памяти и работают на ощупь, нередко они так угорают, что падают без сознания». Неквалифицированным рабочим, имевшим самый низкий уровень доходов, приходилось жить в землянках, казармах, бараках, путевых будках. По оценкам омских газет, низкооплачиваемые железнодорожные

рабочие едва сводили концы с концами. В 1911—1913 гг. рост цен на продукты питания и особенно, в связи с постройкой Тюмень-Омской железной дороги, на квартиры ухудшил положение рабочих, подорвал относительное материальное благополучие тех семей квалифицированных рабочих, которые снимали квартиры. Постройка новых домов продвигалась крайне медленно. Ссуды, необходимые для её организации, выдавались с большим опозданием. «Омский вестник» назвал г. Омск «в числе главнейших и наиболее отличающихся по дороговизне жизни центров, где поневоле приходится знакомиться с ломбардом»⁷⁹. Печати как источнику, безусловно, присущи такие недостатки, как фрагментарность, отрывочность информации, иногда и явный субъективизм в суждениях и оценках. Но именно благодаря периодике становится возможным увидеть изучаемую действительность глазами современников как повседневную жизнедеятельность людей.

Таким образом, история индустриального транспорта в Прииртышье рубежа XIX—XX вв. до сих пор комплексно не исследовалась, не изучалась материально-техническая база железной дороги, флот Обь-Иртышского бассейна описан лишь в общих чертах, не анализировались применительно к сибирским регионам численность, состав, положение транспортников, структура и динамика речных грузооборотов.

По истории развития индустриального транспорта существует серьёзный массив источников, который имеет свою структуру и важную содержательную направленность. Эти источники позволяют более детально исследовать значимые социально-экономические и социокультурные проблемы в истории края, в частности, процесс экономического пробуждения Западной Сибири, период её быстрого заселения, хозяйственного освоения, роста городов, развитие торговли и промышленности, социально-бытовые изменения в жизни населения. Благодаря широкому массиву источников можно выявить общие знаменатели социально-экономических процессов в регионе — развитие капиталистических отношений, специализация производства, формирование местных рынков, расширение обмена с российскими и мировыми рынками. В рамках этих тенденций весомую значимость имели и происходившие в сфере индустриального транспорта процессы, отражённые в источниках: состояние его производственно-технической базы,

социальные аспекты развития, складывание нового под воздействием индустриальных видов транспорта социально-экономического и культурного уклада жизни населения Западной Сибири.

Примечания

¹ Любимов А.А. Развитие индустриального транспорта в Среднем Прииртышье. 90-е гг. XIX в. — 1914 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2000. С. 3.

² Шулятиков М. Очерк судоходства по рекам Западной Сибири. М., 1893. С. 4—5; Гулишамбаров С.И. Торговля, промышленность и пути сообщения в Сибири. СПб., 1893. С. 7—8; Бельский И.И. Очерк водных сообщений Западной Сибири. СПб., 1893. С. 3—7; Шкот Д.Ф. О судоходстве по рекам Западной Сибири. СПб., 1897.

³ Соболев М.Н. Экономическое значение сибирской железной дороги. Томск, 1900; Боголепов М.И. Торговля в Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908; Головачев П.М. Сибирь: природа, жизнь, люди. М., 1905; Шимановский В. Лейпциг в Сибири. СПб., 1903; Коген С. Очерк хлебной торговли в Семипалатинской области и Алтайском округе. СПб., 1913; Потанин Г.М. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908; Подшивалов П.Д. Хлебная торговля Сибири вообще и омского региона в частности в 1897—1902 гг. // Труды Омского отдела императорского московского общества сельского хозяйства за 1902. Омск, 1902. Вып. 2. С. 7—14; Он же. К вопросу об экспорте из Сибири сливочного масла // Труды Омского отдела императорского московского общества сельского хозяйства за 1901 г. Омск, 1902. Вып. 1. С. 66, 67; Он же. Деятельность банков в Степном крае. Омск, 1911.

⁴ Подшивалов П.Д. Нужно ли соединять Омск с Тюменью рельсовым путем // Труды Омского отдела императорского московского общества сельского хозяйства за 1902 г. Омск, 1902. Вып. 2. С. 1—15; Адрианов Г.В. Тюмень-Омская железная дорога. СПб., 1904; Дмитриев-Мамонов А.И. Тюмень-Омская железная дорога. СПб., 1905; Майнов И.И. Записка об экономическом значении и вероятном грузообороте железнодорожной ветви от города Тюкалинска Тюмень-Омской железной дороги. СПб., 1913; Записка о торгово-экономическом положении приграничной к Китаю Семипалатинской области в связи с необходимостью направления Южно-Сибирской железнодорожной магистрали с Уральска на Семипалатинск. СПб., 1912; Записка об экономическом значении и вероятном грузообороте железной дороги Барнаул-Павлодар-Атбасар-Кустанай. СПб., 1912; Экономическая записка к проекту Актюбинской железной дороги. СПб., 1913; Экономическая записка о линиях Славгород-Семипалатинск. Пг., 1915.

⁵ Веглин П. Очерк судоходства по рекам Западной Сибири // Русское судоходство. 1903. № 8. С. 84—92; № 10. С. 103; № 11. С. 106—109; Шулятиков М. Очерк судоходства по рекам Западной Сибири; Бельский И.И. Очерк водных сообщений Западной Сибири; Шкот Д.Ф. О судоходстве по рекам Западной Сибири.

⁶ Кенге В.И., Нахтман Н.Д. Краткий очерк линии Сибирской железной дороги. СПб., 1908. С. 22—24; Соболев М.Н. Экономическое значение сибирской железной дороги. С. 26—28; Шимановский В. Лейпциг в Сибири. С. 11; Подшивалов П.Д.

Хлебная торговля... С. 8; Он же. К вопросу об экспорте... С. 68; Он же. Деятельность банков... С. 22; Коген С. Очерк хлебной торговли в Семипалатинской области и Алтайском округе. С. 20—77.

⁷ Боголепов М.И. Торговля в Сибири... С. 190—191.

⁸ Омская губерния. Материалы к познанию производительных сил. Омск. 1923. С. 76—81.

⁹ Рабочий путь (Омск). 1926. № 221; 1927. № 269; Омская железная дорога. Столетний юбилей железных дорог. 1825—1925 гг. Омск, 1925. С. 7—12.

¹⁰ Шиша А. Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири. Новониколаевск, 1922. С. 10—15.

¹¹ Советская Сибирская энциклопедия. М., 1929. Т. 1. С. 210—221.

¹² Головин Б.Д. История судоходства в Обь-Иртышском бассейне. Омск, 1947. С. 3—7; Коваленко Г.В., Химич Г.Е., Хломенок Н.Д. Омская магистраль к сталинскому дню железнодорожника. Материалы для пропагандиста и агитатора. Омск, 1945. С. 3—8.

¹³ Кондриков Б.В. Революционные события в Омске в 1905—1907 гг. Омск, 1955; Кондриков Б.В., Григорьев Б. Город Омск. Омск, 1954; Кондриков Б.В., Чижов И.Г. Победа социалистической революции в Омской области. Омск, 1958.

¹⁴ Ашкинадзе Д.И. Железнодорожники Ишима в борьбе за власть советов (1917—1919 гг.). Тюмень, 1961; Борзунов В.Ф. Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне первой русской революции М., 1965; Белимов И.Т. Железнодорожный пролетариат Западной Сибири в годы первой русской революции (1905—1907). Новосибирск, 1967; Новакова К.Н. Сибирский железнодорожный пролетариат (1891—1904). Красноярск, 1965; Коняев А.Т. Железнодорожники Сибири в стачечных боях 1905 г. // Вопросы истории КПСС, философии, политэкономии. Томск, 1967. С. 16—27; История Сибири. Л., 1968. Т. 3.

¹⁵ Очерки дореволюционной историографии и источниковедения рабочего класса Сибири. Томск, 1974. С. 81—97.

¹⁶ Земеров Б.И. Источники формирования и социальный состав железнодорожников Сибири (1894—1917) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8. С. 55—81; Он же. К экономическому положению рабочих Сибирской железной дороги накануне революции 1905—1907 гг. // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8. С. 117—129; Он же. Динамика численности и профессиональной структуры железнодорожников Сибири в период империализма (1896—1916 гг.) // Из истории Сибири. Томск 1974. Вып. 14. С. 24—40; Он же. Социальное обеспечение железнодорожников Сибири (1897—1917 гг.) // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 14. С. 66—85; Он же. Динамика номинальной заработной платы железнодорожников Сибири (1900—1917 гг.) // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1976. С. 89—122; Он же. Реальная заработная плата рабочих и служащих на железных дорогах Сибири // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск, 1979. С. 77—96;

¹⁷ Большаков В.Н. Техническое перевооружение на речном транспорте Сибири XIX века // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 73—80; Он же. Город Томск в системе водного транспорта в дореволюционной Сибири // Из истории Томской области. Томск, 1988. С. 16—24; Он же. К вопросу о формировании и численности речников Сибири // Рабочие Сибири

в период империализма. Томск, 1976. С. 123—143; Большаков В.Н., Цепенникова Е.П. Динамика заработной платы рабочих плавсостава на речном транспорте Сибири // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 133—144; Большаков В.Н. Очерки истории речного транспорта Сибири XIX век. Новосибирск, 1991.

¹⁸ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1983. С. 185, 187.

¹⁹ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX в. Томск, 1975.

²⁰ Киселев А.Г. Миней Мариупольский и другие (50 омских капиталистов). Омск, 1995; Коновалов К.С. Грузооборот Сибирской железной дороги в 1895—1913 гг. // Хозяйственное освоение Сибири. История. Историография. Источники. Томск, 1991. С. 155—157; Храмков А.И. Вывоз хлебных грузов из Сибири 1896—1913 гг. // Предпринимательство в Сибири в конце XIX — начале XX века. Барнаул, 1997. С. 156—173.

²¹ Сигалов М.Р., Лямин В.А. Железнодорожное строительство в практике хозяйственного освоения Сибири. Новосибирск, 1988; Баталова Т.И. Из истории частного железнодорожного транспорта Сибири конца XIX — начала XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1990; Суходолов А.П. Сибирь в начале XX века. Иркутск, 1996; Ковальчук М.А. Исторический опыт формирования транспортной отрасли Дальнего Востока (70-е годы XIX века — июнь 1941 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1998; Коптелов В.Т. Железная дорога // Ишим далёкий и близкий / Под ред. Т.П. Савченковой и др. Ишим, 1997. С. 152—157.

²² Титов Г.А. Возникновение и развитие судоходства в Обь-Иртышском бассейне. Новосибирск, 1990.

²³ Юрасова М.К. Омск. Очерки истории города. Новосибирск, 1965; Колесников А.Д. Рост, сословный состав, занятость населения дореволюционного Омска // История городов Сибири досоветского периода (конец XVII века — начало XX века). Новосибирск, 1977. С. 250—256; Он же. Омская пашня. Сибирская деревня на рубеже двух веков. Омск, 1999; Калинин В.П. Великий Сибирский путь. М., 1991; Сорокин А.П. Станция Омск Сибирской железной дороги. К вопросу о датировке строительства // Вопросы историографии, истории и археологии. Омск, 1996. С. 117—119.

²⁴ Материалы музея славы Омских железнодорожников. Вагонное депо Омск-Сортировочный. Краткая историческая справка роста и развития вагонного хозяйства (1896—1975 гг.). Омск, 1975; Шмелев М.И. Этапы борьбы и труда. Очерки истории локомотивного депо Омск Западно-Сибирской ордена Ленина железной дороги (1896-1976). Омск, 1976.

²⁵ Ильин Ю.Л., Давыдова Л.А., Колесов А.В., Лукьянин В.П., Погодин С.Л. Тюмень-Омская железная дорога // Создание Великого Сибирского пути. Т. 2 / Под общ. ред. Ю.Л.Ильина. СПб., 2005. С. 130—147; Копылов В.Е. Ишимский участок железной дороги: история в фотографиях // Коркина Слобода. Историко-краеведческий альманах. Ишим, 2001. Вып. 3. С. 42—46.

²⁶ Бутаков И.Н. Инструкция по ремонту подвижного состава Сибирской железной дороги. Томск, 1913. С. 5.

- ²⁷ Доклады по обследованию железных дорог. СПб., 1912. Доклад № 6: Сибирская железная дорога. С. 10.
- ²⁸ Там же. С. 34, 44, 50.
- ²⁹ Отчет по эксплуатации Сибирской железной дороги за 1910 г. Томск, 1911. С. 305.
- ³⁰ Краткие сведения по эксплуатации Омской железной дороги по данным на 1.01.1915 г. Омск, 1914. С. 8, 36, 55.
- ³¹ Отчёт осмотра Омской железной дороги. СПб., 1916. С. 89.
- ³² Материалы Особой Высочайше утверждённой комиссии для исследования железнодорожного дела в России: Сибирская железная дорога. СПб., 1912. С. 18.
- ³³ Отчёты о состоянии и деятельности Омского технического железнодорожного училища за 1903—1915 гг. Омск, 1904—1916.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Отчёт о деятельности образовательных учреждений Сибирской железной дороги. Томск, 1912.
- ³⁶ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 350. Оп. 33. Д. 312. Л. 1—6, 9—19, 23—33 об.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. Д. 404. Л. 16, 17—19 об.; Д. 402. Л. 4—6.
- ⁴⁰ Там же. Д. 506. Л. 1—9, 102—104, 105 об., 106.
- ⁴¹ Там же. Д. 312. Л. 15—19.
- ⁴² Записка об экономическом значении и вероятном грузообороте железнодорожной ветви от города Тюкалинска к Тюмень-Омской железной дороге. СПб., 1913.
- ⁴³ Казенное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (далее — КУ ИСА). Ф. 121. Оп. 1. Д. 3—2711. Л. 1—3, 15—17.
- ⁴⁴ Любимов А.А. Профессиональные заболевания, травматизм и социальное обеспечение омских железнодорожников в конце XIX — начале XX вв. // Проблемы экономики и социальных отношений Сибири (вторая половина XVIII — 20-е гг. XX вв.). Омск, 1998. С. 23—37.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ КУ ИСА. Ф. 121. Оп. 1. Д. 3—2711. Л. 5—10.
- ⁴⁷ Устав Товарищества пароходства и торговли. М., 1896. С. 1.
- ⁴⁸ Областное государственное казенное учреждение «Государственный архив Томской области». Ф. 134. Оп. 1. Д. 22. Л. 444—444 об.
- ⁴⁹ РГИА. Ф. 350. Оп. 48. Д. 89. Л. 1; Д. 262. Л. 2.
- ⁵⁰ Там же. Д. 89. Л. 1.
- ⁵¹ Характеристика деятельности Омских главных железнодорожных мастерских за 1914 г. Томск, 1915.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Любимов А.А., Чичулин А.В. Источники по истории индустриального транспорта в Среднем Прииртышье на рубеже XIX — начала XX вв. // Письменные памятники в контексте истории. Омск; Тара, 2010. С. 141.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Статистический сборник МПС. СПб., 1908. Вып. 104: Внутренние водные и шоссейные пути в 1908 г.

- ⁵⁶ Там же. СПб., 1911. Вып. 115: Внутреннее судоходство в 1910 г. Перечень внутренних водных путей Азиатской России.
- ⁵⁷ Статистические сведения по перевозке грузов и пассажиров по рекам Томского округа путей сообщения за 1904—1910 гг. Томск, 1913.
- ⁵⁸ Статистический сборник МПС. СПб., 1911. Вып. 98: Внутреннее судоходство в 1906 г. С. 84—96.
- ⁵⁹ Речной флот Азиатской России в 1900 г. СПб., 1901.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Акционерно-коммерческие предприятия России. М., 1917.
- ⁶³ Служащие на паровых и непаровых судах Европейской России, бассейнов рек Оби и Амура в 1901 г. СПб., 1904.
- ⁶⁴ Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. СПб., 1904.
- ⁶⁵ О численности работников на русских железных дорогах. СПб., 1909. С. 50—78.
- ⁶⁶ Железнодорожный транспорт в 1913 г. (Статистические материалы). М., 1925. С. 166—281.
- ⁶⁷ Краткий обзор коммерческой деятельности Сибирской железной дороги за 1903 г. Томск, 1905.
- ⁶⁸ Торгово-промышленная Россия с Великим Сибирским путём и водными сообщениями Российской Империи на 1911 г. СПб., 1912.
- ⁶⁹ Материалы по экономическому исследованию внутренних водных путей. Отдел «Волго-Сибирский путь». СПб., 1912. Т. 1. Вып. 1—2: Транспорт. Таблицы.
- ⁷⁰ Статистические сведения Управления Сибирской железной дороги по перевозке всякого рода грузов за 1904—1906 гг. Томск, 1905—1907. Вып. 1; Статистические сведения Управления Сибирской железной дороги по перевозке всякого рода грузов за 1901—1914 гг. Томск, 1902—1915. Вып. 2.
- ⁷¹ Свод товарных цен на главных русских и иностранных рынках. СПб., 1913.
- ⁷² Статистические сведения по городу Омску. Омск, 1911. С. 19—24.
- ⁷³ Омская губерния. Материалы к познанию производительных сил. Омск, 1923. С. 76—81.
- ⁷⁴ Кирьяш А.В. Периодическая печать Западной Сибири о роли железнодорожного транспорта в развитии региона в конце XIX — начале XX века // Актуальные проблемы исторической науки: общее и уникальное в истории: Сборник научных статей / Под ред. В.Н.Худякова. Омск, 2009. С. 6.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Юрасова М.К. Омск: очерки истории города. Омск, 1983. С. 50.
- ⁷⁷ Кирьяш А.В. Периодическая печать Западной Сибири... С. 7.
- ⁷⁸ Любимов А.А., Чичулин А.В. Источники по истории индустриального транспорта. С. 149.
- ⁷⁹ Омский вестник. 1914. № 43.

Глава 5

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О РАЗВИТИИ РЫБНОГО ХОЗЯЙСТВА НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1920—1945 гг.)

В изучении истории рыбного хозяйства Северо-Западной Сибири в 1920—1930-х гг. и в период Великой Отечественной войны можно выделить два этапа:

1. Советская историография 1920—1991 гг.
2. Современная историография 1992—2012 гг.

Рассматривая историю хозяйства и экономических преобразований на Севере в советский период, следует иметь в виду труды публицистов, историков, партийных, советских и хозяйственных работников — всех тех, кто стоял у истоков создания историографии советского времени и пытался не только описать и представить фактический материал эпохи, но и дать первоначальный анализ, свое видение и осмысление событий, непосредственными участниками которых авторам трудов тех лет приходилось быть. Разумеется, нельзя не учитывать, что на работах того времени лежит печать марксистской (большевистской) идеологии, однако этот недостаток, присущий всем трудам советской эпохи, не затмевает собой богатейший фактический материал и взгляд современников на события, о которых они сообщали. Применительно к Западной Сибири, северная часть которой в течение десяти лет (с ноября 1923 г. и по январь 1934 г.) входила в состав обширной Уральской области, имеющиеся исследования и публикации следует рассматривать, на наш взгляд, в контексте общеуральских.

Областные организации придавали большое значение Тобольскому Северу как сырьевому району и были заинтересованы в скорейшем его социалистическом переустройстве. В.Н.Ильченко подчеркивает, что становление проблематики исследований 1920-х гг. начинается с изучения социально-экономической истории Урала¹. Данная точка зрения вполне применима и к работам, касающимся истории рыбного хозяйства Тобольского Севера. Первые работы по истории края отражали вопросы не политического, а хозяйственного развития: заготовка рыбы и пушнины, проблемы снабжения

и развития системы кооперации, деятельность хозяйственных организаций.

Этап 1920—1930-х гг. — время, когда предпринимались весьма активные попытки по изучению хозяйства коренного населения Севера Западной Сибири, обусловленные стратегическими интересами советской власти.

В последующем тема рассматривалась попутно в этнографической литературе. Научная разработка ее вызывалась преимущественно практическими потребностями социалистического переустройства хозяйства края. В историографическом плане эти годы были временем первоначального накопления и систематизации фактов.

С конца 1920-х гг. и в период 1930-х гг. на страницах журналов «Советский Север», «Хозяйство Урала», «Народное хозяйство Омской области» и т.д. ученые оказались в меньшинстве, стали преобладать работы государственных и партийных деятелей (П.Г.Смилович, А.Е.Скачко и др.), где обсуждались вопросы политического, хозяйственного и социально-культурного развития народностей Севера.

Важное место в исследовании проблем Севера занимала деятельность краеведческих обществ на Урале, в том числе в Тобольске, усилиями которых были изданы отдельные документы, воспоминания и популярные брошюры. Среди краеведческих изданий первой половины 1920-х гг. наиболее интересными с точки зрения помещаемых материалов были журналы «Наш край» и «Тобольский край», занимавшие в Уралобласти заметное место. В журналах публиковались в основном статьи экономического содержания. Небольшие заметки по хозяйственным вопросам регулярно помещались в уездной газете «Тобольский Север» (издавалась с 1922 г.), затем в окружных газетах «Северянин» (с 1924 г.) и «Советский Север» (с 1926 г.). Богатейший материал представлен на страницах журнала «Хозяйство Урала». Во второй половине 1920-х гг. в журнале печатались статьи и материалы, в том числе и дискуссионные, по проблемам рыбного хозяйства.

В частности, на страницах журнала «Наш край» регулярно обсуждались вопросы развития рыбной промышленности на Тобольском Севере в первой половине 1920-х гг. Среди первых работ по данной проблеме можно назвать статью начальника Обь-Иртышского областного рыбного управления М.Непряхина², в которой

он выступил с критикой по поводу уровня производительности рыбного хозяйства в период с 1921 по 1924 гг., подчеркивая, что данные Тюменского Губэконосо³, касающиеся рыбных богатств Тобольского Севера (2 млн. пудов ежегодно), помещенные в отчете за октябрь 1921 г., необоснованно преувеличены⁴. По его мнению, были преувеличены цифры рыбодобычи и в докладе инспекторов РКИ⁵ Алексеева и Фертаут по результатам обследования экономики Тобольского Севера весной 1924 г. (1,5 млн. пудов)⁶.

Проблему природоохраны рыбного богатства в статьях поднимал и ссыльный специалист по ихтиофауне Б.Г.Чаликов, в связи с существенным сокращением рыбных запасов в регионе. Причины уменьшения рыбных ресурсов автор видел в росте добычи рыбы, изменении экологической обстановки, вылове молодежи. При этом Б.Г.Чаликов отметил, что в крае отсутствовала статистика улова, так как не велся учет, что в свою очередь затрудняло подсчет убытков⁷. Неблагоприятные условия обитания рыбы повлекли за собой перемену мест нереста, что создавало риски для развития рыбного хозяйства Тобольского Севера. Для разрешения сложившейся в 1920-е гг. ситуации в рыбной промышленности автор предлагал ввести охранительные мероприятия, направленные на сохранение нереста рыбы и заключающиеся в установлении запретных для лова сроков и охране самих нерестилищ от промысла. Б.Г.Чаликов затронул также вопрос о нормировании рыболовства на Тобольском Севере⁸. Автор отметил, что наиболее ценными промысловыми рыбами в пределах этого района являлись стерлядь, осетр, нельма, сырок⁹, дал характеристику особенностей промысла каждой из пород рыб¹⁰ и рекомендовал вести мероприятия, направленные на охрану осетровых запасов Тобольского Севера.

Регулярно в тот период публиковались материалы председателя Кондинского райисполкома Тобокруга Я.Кошелева. В частности, им анализировалось состояние рыбного хозяйства Тобольского Севера в 1924—1925 гг. Он констатировал, что причинами снижения уловов были природные факторы, а именно продолжительный ледостав и большой разлив реки¹¹. Проанализировав ситуацию в рыбном хозяйстве, Я.Кошелев пришел к выводу, что оно в экономическом отношении было очень слабым и требовало серьезной помощи, и в числе мер поддержки предлагал кредитование и ссуды¹².

Среди работ, посвященных вопросам рыбного хозяйства, можно отметить статью Н.А.Лукиянова, в которой он поднимал проблему низкой производительности рыбного хозяйства и предлагал пути ее решения через структурное преобразование отрасли¹³. Н.А.Лукиянов подчеркивал, что несмотря на высокое качество белой и красной рыбы Обь-Иртышского бассейна, вся продукция вследствие несовершенной обработки (стопового способа посола) имела низкие вкусовые и питательные свойства и удовлетворяла спрос лишь крестьянского потребителя. А с развитием консервного и холодильного дела ценность продукции возросла бы и приобрела даже экспортное значение¹⁴.

Вопрос о реорганизации рыбной промышленности в крае Н.А.Лукиянов поднимал и в следующем номере журнала. Он привел сравнительную характеристику статистических данных производительности уловов рыбной отрасли за 1924/1925 г. Обьтреста (128367 пудов в год) и показатели за период 1913—1914 гг. (400 тыс. пудов в год)¹⁵. Н.А.Лукиянов заключил, что продукция Обьтреста по улову рыбы в этом районе составляла только 32% от производительности рыбной отрасли за 1913—1914 гг.¹⁶ Таким образом, как писал автор, наблюдается резкая диспропорция в рыбном хозяйстве Тобольского округа, которая характеризуется отставанием от общего хода хозяйственного развития наиболее богатого в промысловом отношении Тобольского Севера, находящегося в монопольной эксплуатации Обь-Тазовского треста (Обьтреста)¹⁷. В связи этим Н.А.Лукияновым была сформулирована задача восстановления отрасли¹⁸. Автор подробно остановился и на деятельности Обьтреста, установив, что в его работе 60% занимала торговля, не связанная с хозяйством Севера, и лишь 28% составляла заготовка, производство (23,3%) и консервирование рыбы (5,8%). Все это, по словам автора, отвлекало оборотные средства от основных производственных заданий и в масштабах края нарушало интересы северного хозяйства и ограничивало дальнейшее развитие рыбной промышленности округа¹⁹.

О проблемах в рыбном хозяйстве Обдорского края на страницах журнала «Уральское краеведение» писал В.Евладов²⁰. Он открыто заявлял о том, что рыбодобывающая промышленность региона находится в стадии полного упадка, ее производительность снизилась до 150—160 тыс. пудов (по сравнению с довоенным

350—500 тыс. пудов), из которых на Обьтрест приходится 130—135 тыс. пудов, а остальное на кооперацию²¹. Автор, основываясь на ежегодных данных по добыче рыбы, пришел к выводу, что положительной динамики в развитии отрасли не наблюдалось. По мнению В.Евладова, основной причиной этого являлась диспропорция цен на отпускаемые рыбакам товары и приемные цены на рыбу²². В.Евладов был противником ломки форм основных рыбодобывающих предприятий. Он предлагал восстанавливать рыбодобывающую промышленность края по пути хозяйственной заинтересованности промышленников в развитии промысла, а также по линии устранения «рыбных ножниц» в отношениях цен²³.

Среди исследований известных краеведов 1920-х гг., писавших о хозяйстве Тобольского Севера, следует отметить работы В.Новицкого, который, являясь экономистом, членом Тобольского комитета Севера, неоднократно обращался к проблемам рыбного хозяйства края. В статье «Вопросы рыбного хозяйства Тобокруга» он обозначил основные проблемы развития рыбной промышленности в Тобольском округе в 1920-е гг. Автор считал, что данный вопрос должен получить широкое обсуждение на страницах журнала «Хозяйство Урала». Тобольский округ оставался главным в то время поставщиком рыбы на Урал. В связи с этим перед округом и рыбной отраслью стояли новые задачи для развития: максимальное обеспечение рыбной продукцией промышленного Урала; усиление экспортных возможностей; плановое переустройство рыбного хозяйства на основе широкой коллективизации; учет научно-технических знаний²⁴.

Проведя анализ ситуации в рыбном хозяйстве Тобольского округа и предположив пути дальнейшего его развития, В.Новицкий поднял важный вопрос о том, кому целесообразнее взять на себя организационно-производственно-снабженческо-сбытовую работу по переустройству рыбохозяйства и по интенсификации уловов в Тобокруге. Он считал, что весь комплекс заданий может быть выполнен при наличии хозяйственного комбината, слагаемыми которого могли быть: ККОВ (организатор бедняцко-средняцких ловецких масс, работающий в тесном контакте с кооперацией), Интегралсоюз (организатор лова, снабженческо-сбытовых операций), Госторг (организатор переработки рыбной продукции из сырья кооперативного лова, осуществляющий сбытовые операции),

Тоблескустсоюз (организатор производства тары), Госпар (основной перевозчик грузов по главным водным магистралям)²⁵. Указывая на специфику рыбного промысла, говоря о том, что он издавна велся самим населением коллективными усилиями, В.Новицкий предлагал провести быструю и полную коллективизацию рыбаков. Роль организаторов крупных коллективных рыбопромысловых хозяйств должны были взять на себя интегральные товарищества. Среди проблем в развитии рыбного хозяйства одной из главных назывался транспорт²⁶. Для ее решения В.Новицкий предлагал наряду с имеющимися уже зимними гужевыми путями, ведущими с Оби и из Кондинского района на уральские рынки, оборудовать новые пути сообщения, которые сыграют большое значение в развитии рыбного хозяйства округа²⁷.

Как и В.Новицкий, К.Друганов в статье, также посвященной развитию рыбного хозяйства, отмечал, что Тобольский округ давал 90% всей рыбной продукции Урала. Он подчеркивал, что рыболовный промысел издавна играл доминирующую роль в народном хозяйстве края, но за последние годы существенно снизился, уступив место охоте. К.Друганов объяснял это неблагоприятной конъюнктурой рынка. Лишь рост всех цен (на пушнину и потребительские товары) определили и рост цен на рыбу к 1927 г. По сравнению с ценами на пушнину (они составляли 235—238% от довоенных цен) средняя цена на рыбу составляла 133% от довоенных. Как писал автор, это было временное явление²⁸. По всему Тобольскому Северу насчитывалось 11 394 хозяйства, из которых в рыбном промысле было занято 9 200 хозяйств (87,4%). При этом общее число мужчин, занятых в этом промысле, составило 13 785 человек (53,6%), а женщин — 4 774 (18,5%)²⁹. К.Друганов, как и В.Новицкий, указал на то, что основную часть улова составляла черная рыба (окунь, язь, щука, карась) (70%), имели распространение нерациональные способы рыболовства, при которых вылавливалась не половозрелая молодежь (к 1928 г. ее доля в уловах составила 75%)³⁰.

Основными рыбозаготовителями в Тобольском округе, по данным автора, являлись Госторг, Интегралсоюз и частично сельскохозяйственная кооперация. Автор по отдельности характеризовал основных рыбозаготовителей округа, в частности деятельность Госторга, у которого к 1927 г. насчитывалось 133 рыбохозяйственных

угодья. В организационном отношении рыбопромысловая деятельность Госторга подразделялась на лов собственными наемными рабочими, скуп рыбы-сырца по договору от артелей, работающих на арендуемых ими угодьях, и скуп готового товара от кооперации и одиночных ловцов. В летний период на промыслах Госторга в 1927 г. и 1928 г. было занято 2080 человек и 2365 человек соответственно³¹. В 1927 г. средняя производительность труда наемного рабочего по добыче сырца составила 27 центнеров, в 1928 г. — 25 центнеров. Что касалось транспортных средств, то их техническое состояние было неудовлетворительным, количество недостаточным и они не были приспособлены к задачам местной рыбной промышленности.

Обработка рыбной продукции производилась в то время, главным образом, самими рыбаками и лишь частично Интегралсоюзом и Госторгом. Консервное же производство было сосредоточено в руках Госторга, который в 1927/28 г. заготовил 729 тыс. банок, и за предыдущие три года количество выпускаемой продукции только возрастало, хотя организационные и технические недостатки (примитивность, устарелость оборудования) крайне повышали цены на выпускаемую продукцию.

К.Друганов сообщал, что основная часть рыбной продукции Тобольского округа расходилась до 70% в пределах Уральской области, остальные 30% шли в Сибирский край, в Европейскую часть СССР попадала ничтожная часть тобольской рыбы. Главная масса рыбы (65%) вывозилась через водные пути, остальные (35%) в свежемороженом виде зимними путями³².

Проанализировав деятельность организаций в сфере рыбной промышленности, К.Друганов пришел к выводу, что рыбное хозяйство Тобольского округа находилось в неудовлетворительном состоянии, характеризовалось экстенсивностью и требовало созыва совещания для разрешения назревших вопросов Тобольского рыболовства³³.

Образование национальных округов и желание властей очень быстро получить результаты по успешному строительству социализма на Севере побуждали к массовой публикаторской деятельности. 1930-е гг. ознаменовались выходом большого числа материалов в различных изданиях Уральской области, авторами которых являлись, как правило, работники комитетов Севера всех

уровней, партийные и советские активисты. Газетные и журнальные статьи того периода не были научными исследованиями. Тем не менее, в них содержалось описание отраслей хозяйства и экономических преобразований, помещались материалы о рыбных заготовках, объеме производства рыбы, предпринимались попытки анализа состояния и тенденций развития рыбного хозяйства.

Основной чертой литературы 1930-х гг. был ее идеологический характер и преувеличение результатов социалистического строительства, отсутствие объективного анализа причин проблем северного хозяйства. В литературе 1930-х гг. не сообщалось о спецпереселенцах и их трудовой деятельности в сфере добычи рыбы и ее переработки.

В начале 1940-х гг. в связи с десятилетием образования национальных округов появились работы, приуроченные к юбилейным датам, в которых были опубликованы итоги политического и культурно-хозяйственного развития³⁴. Так, в основу очерка «Славный путь народов Севера», освещавшего результаты социалистического строительства в округе, были положены материалы работников исполкома Ямало-Ненецкого окружного совета депутатов трудящихся и окружных хозяйственных организаций, была представлена статистика по добыче рыбы.

В советский период историографии некоторые сюжеты истории рыбного хозяйства военной поры нашли частичное отражение в комплексных работах, посвященных Северу СССР, но в целом они представлены весьма разрозненно и поверхностно. В исследованиях первого этапа можно выделить два уровня: работы, выполненные на материалах Сибири в целом; работы, территориально ограничивавшиеся национальными округами Севера.

Работы, выполненные на материалах Сибири и включающие сведения о событиях на Севере Западной Сибири. Первым обобщающим исследованием по истории национальных районов Сибири периода Великой Отечественной войны является монография В.Б.Базаржапова³⁵. В этой работе автор привел сведения о рыбном хозяйстве ХМНО и ЯННО. В частности, он охарактеризовал ситуацию в рыбной промышленности в плане трудовых ресурсов³⁶.

Некоторые сведения о рыбном хозяйстве Сибири представлены в монографии Г.А.Докучаева³⁷. К указанной группе принадлежит

и коллективный труд «Подвиг земли богатырской», авторами которого рассматривалась организация рыбного производства в условиях войны³⁸.

М.А.Сергеев³⁹ и С.З.Борисов⁴⁰ дали довольно полную характеристику развития северных территорий, однако события, отражающие развитие рыбной промышленности, представлены кратко.

Работы, предметом исследования которых стала история ХМНО и ЯМНО. Вторая половина 1950-х гг. знаменательна общей активизацией деятельности историков, которая выразилась в проведении региональных и общероссийских конференций, что в свою очередь дало новый импульс исследовательской деятельности. Публикуется целая серия работ об истории национальных округов, в которых затрагивались наряду с прочими вопросы развития хозяйства в военное время⁴¹.

Среди работ этой группы выделяются труды М.Е.Бударина⁴², которые можно оценить как первые работы, претендующие на комплексный характер освещения изменений в жизни северных народов в послеоктябрьский период, в том числе и в годы Великой Отечественной войны. В числе обобщающих работ можно выделить и диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук М.Е.Бударина⁴³. В ней пятая глава «Народы Обского Севера в годы Великой Отечественной войны» содержит общие сведения о населении и хозяйстве.

Одной из первых обобщающих работ по истории ХМНО стала научно-популярная книга Н.М.Кокосова и др. «Ханты-Мансийский национальный округ»⁴⁴. В ней содержатся сведения о рыбном хозяйстве округа. В числе первых работ по истории национальных округов Северо-Западной Сибири значится книга Г.А.Мазуренко. В ней с точки зрения партийного руководства в годы войны фрагментарно рассмотрены проблемы развития рыбного хозяйства, автором лишь подчеркиваются значительные успехи тружеников отрасли, в частности в организации социалистического соревнования рыбаков Обь-Иртышья⁴⁵. В таком же ключе написана брошюра Г.А.Мазуренко и Л.Е.Киселева⁴⁶, где содержится раздел «Северяне — фронту», в котором представлены статистические данные о добыче рыбы в 1940—1943 гг. и производстве консервов.

С начала 1970-х гг. интерес к исследованию истории Северо-Западной Сибири существенно возрос, что объяснялось расширением масштабов хозяйственного освоения, особой стратегической ролью нефтяного края. Существенно расширилась тематика исследований, вырос уровень работ, появились новые имена и в их числе

1970-е — первая половина 1980-х гг. — расцвет научной деятельности историков Г.А.Мазуренко, Л.Е.Киселева, В.Н.Увачана, Ю.П.Прибыльского, внесших весомый вклад в изучение истории Обь-Иртышья советского времени. Многочисленные труды Г.А.Мазуренко, направленные на изучение партийной истории, завершились в 1979 г. опубликованием монографии, которая явилась первым исследованием такого рода по проблеме партийного строительства⁴⁷. Наряду с вопросами партийного строительства, особенностями возникновения и деятельности партийных организаций, автор попутно рассмотрел и работу партийных комитетов по руководству хозяйственной сферой в годы Великой Отечественной войны.

Л.Е.Киселев в ряде работ неоднократно обращался к сюжетам, связанным с историей рыбного хозяйства края⁴⁸. Автор представил статистику объемов вылова рыбы, сведения о развитии моторно-рыболовных станций, трудовом подвиге рыбаков. Л.Е.Киселев в монографии «Север раскрывает богатства» впервые осветил промышленное освоение этого региона в эпоху социализма. Во вторую главу автор включил сюжет «Промышленность Севера в годы войны», в которой отметил рост добычи рыбы на Обском Севере. Перу Л.Е.Киселева принадлежит также книга «От патриархальщины к социализму», написанная по материалам Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов. В главе «Обский Север в годы Отечественной войны» автор кратко рассмотрел вопросы перестройки промышленности на военный лад. В пропагандистской брошюре⁴⁹ сообщалось о планах добычи рыбы, приводилась статистика создания новых предприятий рыбной промышленности.

В 1970-е гг. стал публиковать исследования по новейшей истории Обь-Иртышья Ю.П.Прибыльский⁵⁰, посвятивший большое количество работ истории рыбного хозяйства⁵¹. В частности, в монографии «Подвиг рыбаков Обь-Иртышья» дана характеристика водных ресурсов и ихтиофауны, динамика добычи рыбы, трудовой

подвиг рыбаков, деятельность партийных органов по обеспечению выполнения планов рыбодобычи. Ю.П.Прибыльский придерживался мнения, что война дала толчок развитию рыбного хозяйства Севера⁵².

Ю.П.Прибыльским подчеркивался значительный вклад в изучение истории народов Обского Севера периода Великой Отечественной войны М.И.Броднева, М.Е.Бударина, Г.А.Мазуренко и Л.Е.Киселева.

Отрывочные сведения о рыбном хозяйстве Ханты-Мансийского округа содержатся в работе краеведов И.Захарова и Н.Патрикеева⁵³. В числе работ советского периода можно выделить в указанной группе диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук Ю.В.Костецкого⁵⁴. В ней затрагивались некоторые вопросы рыбного хозяйства.

Изучение истории Севера предшественниками Ю.П.Прибыльского характеризовалось попытками определить, прежде всего, материальный вклад северян в победу над фашизмом и показать роль КПСС в достижениях народа.

Современная историография о развитии рыбной отрасли на Севере Западной Сибири 1920—1930-х гг. и периода Великой Отечественной войны характеризуется появлением работ, выполненных в различных научных жанрах и посвященных истории рыбного хозяйства ХМАО и ЯНАО.

В 1990-х гг. активно продолжал работать Ю.П.Прибыльский. В трудах Ю.П.Прибыльского и его соавторов⁵⁵ нашли отражение материалы о развитии рыбного хозяйства на Ямале и в Югре. В.П.Петрова и Г.П.Харючи⁵⁶ касаются попутно некоторых сторон экономического положения ненцев в годы войны.

В 2000-х гг. наметилась тенденция активизации исследований, посвященных истории национальных округов, что в немалой степени связано со становлением научных школ в высших учебных заведениях ХМАО, выполнением комплексных исследований Институтом истории и археологии Уральского отделения РАН. Появление энциклопедий «Югория» и «Ямал» свидетельствовало о повышении внимания администраций округов к прошлому региона. Сведения об истории рыбного хозяйства края также представлены в указанных энциклопедиях, где сообщаются лишь самые общие факты⁵⁷.

В начале 2000-х гг. Л.В.Алексеева активно стала изучать хозяйство Севера Западной Сибири. В 2003 г. вышла монография «Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.»⁵⁸, где обстоятельно рассмотрено рыбное хозяйство в 1920—1930-х гг. Автором изучена деятельность такого крупнейшего предприятия, действовавшего на Тобольском Севере, как Облгосрыбпром. Приведена статистика добычи и обработки рыбы (в том числе консервное производство), охарактеризованы промыслы, выявлена численность государственных рабочих, описано их материально-бытовое положение, проанализирован вклад районов в добычу рыбы, приведена динамика движения цен на рыбу и многое другое. Автор заметила, что рассчитывать на быстрое улучшение ситуации было ошибочно, так как коренных преобразований в рыбном хозяйстве в 1920-х гг. не проводилось. Промыслы существовали в том же виде, что и 50 лет назад⁵⁹. Изучение развития рыбного хозяйства в 1920-х гг. позволило Л.В.Алексеевой выявить противоречивые тенденции:

— во-первых, уменьшение объемов добычи сырца по сравнению с довоенным временем, что объяснялось снижением закупочных цен на рыбу и повышением на пушнину, соответственно трудностью сбыта рыбы и, как следствие, ухудшением материального положения оседлого туземного населения и наемных рабочих, занятых на рыбных промыслах;

— во-вторых, несмотря на обозначенную проблему «ножниц цен» в хозяйстве Уральской области, добыча рыбы на Тобольском Севере занимала по-прежнему значительное место не только в продуктовом снабжении рабочего населения городов и поселков, но и в экспортном варианте, хотя и была серьезно потеснена пушным промыслом;

— в-третьих, нельзя не отметить, что во второй половине 1920-х гг. в областных и окружных организациях стала проявляться озабоченность положением дел в рыбной отрасли, наметилось стремление к ее реконструкции. Однако все предложения по ее улучшению ограничивались директивными указаниями и внедрением планово-отчетной документации, реальных изменений в рыбном хозяйстве не происходило;

— в-четвертых, отсутствовали научные основы руководства отраслью. Ни о какой экономической стратегии развития вопрос

не стоял. Предприятия, занимавшиеся рыбными промыслами, не владели информацией о рыбных запасах, оптимальном их использовании, не располагали экономическими расчетами по добыче, потреблению, переработке;

— в-пятых, слабой была техническая база рыбного хозяйства: примитивные орудия лова, отсутствие подсобных механизмов и транспортных средств, недостаток тары и соли; устаревшие технологические способы обработки рыбы.

Таким образом, заключает Л.В.Алексеева, рыбное хозяйство существовало исключительно благодаря труду местного населения (на долю которого приходилась большая часть добычи рыбы) и наемных рабочих, которые в тяжелейших условиях добывали, проводили первичную обработку и отправку рыбы, получая мизерную плату за свой труд. Рыбное хозяйство края утратило в 1920-х гг. свою лидирующую роль в системе хозяйства Тобольского Севера и относилось по всем признакам к экстенсивному типу⁶⁰.

В указанной монографии Л.В.Алексеева изучила изменения, произошедшие в рыбном хозяйстве края в 1930-е гг. Она утверждает, что использование спецпереселенцев на рыбных промыслах находилось в числе приоритетных задач местных органов власти. Автор заметила, что рыбодобыча сосредотачивалась почти целиком на предприятиях Госрыбтреста, который кроме лова обрабатывал сырец и реализовывал соленую и вяленую рыбу, заготавливаемую Интегральной кооперацией. В разделе дана подробная характеристика развития государственной рыбной промышленности. Л.В.Алексеева подчеркивает, что рыбная отрасль оставалась ведущей в промышленном производстве округов. Представлена характеристика деятельности рыбоучастков, рыбозаводов и консервных комбинатов. Основной государственной организацией, действовавшей на Обь-Иртышском Севере, оставался Обьтрест. Автор описала его деятельность и пришла к следующим выводам:

— Обьтрест оставался единственной государственной организацией, работавшей на Севере Западной Сибири;

— в ведении Обьтреста находились рыбозаводы и консервные комбинаты. Сырье добывалось как государственными рабочими Обьтреста, так и трудпоселенцами, а также велась закупка рыбы у колхозов;

— основной доход Обьгресту приносило консервное производство, которое осуществлялось на двух главных фабриках — в Остяко-Вогульске и Салехарде;

— проблемами в деятельности Обьгреста оставались: слабая организация труда и недостаточная материальная база; отсутствие техники, примитивные способы лова; нехватка рабочих и специалистов, нерешенность социальных проблем рабочих, тяжелые условия труда.

Автор подчеркивает, что несмотря на серьезные проблемы в рыбном хозяйстве, рыбная промышленность края вернула утраченные ранее (в 1920-е гг.) позиции и стала основой экономики в северных национальных округах.

Таким образом, в современной историографии сделан существенный шаг вперед по изучению особенностей развития рыбного хозяйства региона в 1920-х гг. и 1930-х гг. в сравнительном ключе, с новых методологических позиций и с привлечением новых источников.

Проблемы развития рыбного хозяйства региона в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) также нуждаются в комплексном изучении. В последнее десятилетие появилось несколько работ, где представлено его развитие применительно к округам. Так, вопросы развития рыбной отрасли ХМАО в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) нашли отражение в трудах Б.У.Серазетдинова. В частности, им освещены сюжеты, касающиеся динамики добычи рыбы, работы консервных комбинатов, организации соцсоревнования⁶¹. Однако они не дают целостной картины развития рыбной отрасли, не вскрывают проблем и противоречий. В книге, посвященной ХМНО в годы войны, содержится раздел, посвященный рыбодобыче. Автором приведены некоторые статистические сведения, характеризующие развитие отрасли⁶².

В коллективном труде «История Ямала» есть разделы, посвященные трудовому подвигу ямальцев в годы войны и вкладу округа в Победу. Содержатся сведения о передовиках рыбодобычи, победителях соцсоревнования, о трудовых починах молодежи⁶³. Представлен материал и о социально-экономическом положении населения, а также о депортациях и использовании принудительного труда. Дана характеристика состояния и развития рыбной

промышленности⁶⁴. В изучении истории рыбного хозяйства региона периода военного времени целесообразно выделить, на наш взгляд, следующие направления: угодья и ресурсы отрасли; рыбодобыча и рыбопереработка; система управления рыбным хозяйством; орудия лова и флот; трудовые ресурсы отрасли и подготовка кадров; вклад спецконтингента в развитие рыбного хозяйства; условия и оплата труда (в том числе использование детского труда); социалистическое соревнование. Последовательное изучение предложенных направлений позволяет создать образ прошлого в развитии рыбного хозяйства края не только по объемам добытой и переработанной рыбы, но и с точки зрения условий и результатов труда, героического подвига рыбаков.

Примечания

¹ См.: Ильченко В.Н. Литература 1920-х годов об экономической политике на Урале советских и несоветских правительств // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX—XXI столетия: Четвертые Всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2000. С. 67.

² Непряхин Михаил Георгиевич (1887—1980) — профсоюзный и советский работник. С 1922 г. начальник Обь-Иртышского областного рыбного управления. С 1925 г. председатель управления Обьтрест.

³ Губэконо — Тюменское губернское экономическое совещание.

⁴ Непряхин М. О размерах рыбной продукции Тобольского Севера. (Статистико-экономический очерк) // Наш край. 1924. № 4. С. 15.

⁵ Рабоче-крестьянская инспекция (РКИ) — система органов власти, занимавшаяся вопросами государственного контроля.

⁶ Непряхин М. О размерах рыбной продукции Тобольского Севера. (Статистико-экономический очерк) // Наш край. № 4. 1924. С. 15.

⁷ Чаликов Б.Г. Рыбоводство в условиях Тобсевера // Наш край. 1925. № 7 (11). С. 11.

⁸ Чаликов Б.Г. К нормированию рыболовства на Тобольском Севере // Тобольский край. 1926. № 2. С. 22.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 23—24.

¹¹ Кошелев Я. На Севере // Хозяйство Урала. 1925. № 5—6. С. 217.

¹² Там же. С. 218.

¹³ Лукьянов Н. «Тобольск-Тавда» или «Тобольск-Ишим»? // Тобольский край. 1926. № 1. С. 41.

¹⁴ Там же. С. 42.

¹⁵ Лукьянов Н.А. К вопросу о реорганизации рыбопромышленности на Тобольском Севере // Тобольский край. 1926. № 2. С. 16—17.

- ¹⁶ Там же. С. 17.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 18.
- ¹⁹ Там же. С. 20
- ²⁰ Евладов Владимир Петрович (1883—1974) — топограф, географ, этнограф, исследователь народов Ямала. В 1926 г. уехал на Ямал, работал топографом в лечебно-обследовательском отряде.
- ²¹ Евладов В. Пути развития хозяйства Обдорского края // Уральское краеведение. 1927. № 1. С. 62.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 63.
- ²⁴ Новицкий В. Вопросы рыбного хозяйства Тобокруга // Хозяйство Урала. 1929. № 6. С. 113.
- ²⁵ Там же. С. 120.
- ²⁶ Там же. С. 121.
- ²⁷ Там же. С. 122.
- ²⁸ Друганов К. Рыбное хозяйство Тобольского Севера // Хозяйство Урала. 1929. № 4-5. С. 156.
- ²⁹ Там же. С. 157.
- ³⁰ Там же. С. 158.
- ³¹ Там же. С. 159.
- ³² Там же. С. 163.
- ³³ Там же. С. 164.
- ³⁴ См.: Славный путь народов Севера (К 10-летию образования Ямало-Ненецкого национального округа). Омск, 1941; Возрожденный народ (К 10-летию образования Ханты-Мансийского национального округа). Омск, 1941.
- ³⁵ См.: Базаржапов В.Б. Национальные районы Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1981.
- ³⁶ Там же. С. 63—70.
- ³⁷ Докучаев Г.А. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1968.
- ³⁸ Акулов М.Р. и др. Подвиг земли богатырской (Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). М., 1970.
- ³⁹ Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М., 1955.
- ⁴⁰ Борисов С.З. В единой семье советских народов (Развитие Крайнего Севера за 50 лет Советской власти). М., 1961.
- ⁴¹ Степанов Н.Н., Ковязин Н.М. 25-летие северных национальных округов // Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та. Л., 1957. Т. 133; Кокосов Н.М., Никулин В.И., Харин В.И. Ханты-Мансийский национальный округ. Свердловск, 1956; 30 лет Ямало-Ненецкого округа (историко-экономический очерк). Тюмень, 1960.
- ⁴² См.: Бударин М.Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952; Он же. Из истории социалистического строительства у малых народностей Северо-Западной Сибири // Уч. зап. Омского пед. ин-та. Омск, 1958. Вып. 9; Бударин М.Е. Путь малых народностей Крайнего Севера к коммунизму. Омск, 1968.

⁴³ Бударин М.Е. Социалистические преобразования в национальных районах севера Сибири: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1971.

⁴⁴ Кокосов Н.М. и др. Ханты-Мансийский национальный округ. Свердловск, 1956.

⁴⁵ Мазуренко Г.А. Торжество национальной политики коммунистической партии на Обском Севере. Тюмень, 1961. С. 64.

⁴⁶ Киселев Л.Е., Мазуренко Г.А. Торжество ленинской национальной политики на Обском Севере. Тюмень, 1967. С. 16—17.

⁴⁷ Мазуренко Г.А. Партийное строительство на советском Севере в период построения социализма. Томск, 1979.

⁴⁸ Киселев Л.Е. Север раскрывает богатства. М., 1964; Он же. В едином строю к Великой Победе // Ленинская правда. 1972. 20 октября; Он же. От патриархальщины к социализму. Свердловск, 1974.

⁴⁹ Мазуренко Г.А., Киселев Л.Е., Варламов В.А. Счастливая судьба народов Севера. В помощь лектору и пропагандисту. Тюмень, 1972. С. 14—15.

⁵⁰ В свое время, изучая рыбное хозяйство Севера, Ю.П.Прибыльский выделял два периода в изучении историографии проблемы. Первый период (1941—1955), по его определению, характеризовался собиранием, накоплением и описанием явлений и фактов, лично пережитых непосредственными участниками войны. Им подчеркивалась узость круга авторов, занимавшихся изучением этой проблемы. Согласно Ю.П.Прибыльскому, второй период изучения Севера военной поры начался после XX съезда КПСС и был обусловлен его решениями о творческом развитии общественных наук. Он подчеркивал, что историки, обратившись к архивным источникам, ввели в научный оборот много ранее неизвестных сведений, расширили проблематику исследований и осуществили необходимый и последовательный переход от накопления и описания фактов к их всестороннему анализу. Ю.П.Прибыльский указывал на значительно возросшее количество публикаций и их идейно-теоретический уровень.

⁵¹ Прибыльский Ю.П. Подвиг рыбаков Обь-Иртышья. Тюмень, 1970; Он же. Социально-экономическое развитие Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Социально-экономические особенности комплексного развития районов Севера Тюменской области. Тюмень, 1977; Он же. Участие трудящихся Тюменского края в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Новосибирск, 1990.

⁵² Прибыльский Ю.П. Вклад трудящихся Севера в дело Победы // Трудящиеся Сибири — фронту. К 30-летию Победы в Великой Отечественной войне / Отв. ред. А.П.Окладников. Новосибирск, 1975. С. 186.

⁵³ Захаров И., Патрикеев Н. Сургут в годы Великой Отечественной войны. Ханты-Мансийск, 1975.

⁵⁴ Костецкий Ю.В. Коммунисты во главе трудового подвига трудящихся национальных округов Западной Сибири в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1983.

⁵⁵ См.: Головнев А.В., Прибыльский Ю.П. и др. История Ямала. Тобольск; Яр-Сале, 1994; Прибыльский Ю., Загороднюк Н. Война и Север. Тобольск, 2005.

⁵⁶ Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. Томск, 1999.

⁵⁷ Прибыльский Ю.П. Великая Отечественная война // Югория. Энциклопедия ХМАО. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 1. С. 149; Реусова В.Л. Ямальский государственный рыбопромышленный трест // Ямал. Энциклопедия ЯНАО. Салехард, 2004. Т. 3. С. 324.

⁵⁸ Алексеева Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада. Екатеринбург, 2003.

⁵⁹ Там же. С. 125—126.

⁶⁰ Там же. С. 139—140.

⁶¹ Серазетдинов Б.У. Патриотические почины и ударный труд в рыбном хозяйстве Ханты-Мансийского округа в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Северный регион: наука, образование, культура. 2000. № 1. С. 117—121; Он же. Сургутский район в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сб. науч. ст. / Отв. ред. Т.А.Исаева. Сургут, 2004. С. 158—167; Он же. Патриотические почины и ударный труд в рыбном хозяйстве Ханты-Мансийского округа в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Северный регион: наука, образование, культура. 2000. № 1. С. 117—121; Он же. Сургутский Север в военное лихолетье 1941—1945 гг. Сургут, 2006.

⁶² Серазетдинов Б.У. Югра в годы войны. Екатеринбург, 2005.

⁶³ История Ямала / Гл. ред. В.В.Алексеев. Екатеринбург, 2010. Т. 2. Ямал современный. Кн. 1. У истоков модернизации С. 252—255.

⁶⁴ Там же. С. 285—289.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Л.В. — доктор исторических наук, профессор Нижневартовского государственного университета.

Конев А.Ю. — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник кафедры истории и культурологии Тюменского государственного нефтегазового университета.

Курышев И.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-гуманитарных наук Ишимского государственного педагогического института им. П.П.Ершова.

Любимов А.А. — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-гуманитарных наук Ишимского государственного педагогического института им. П.П.Ершова.

Митрофанов В.В. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Гуманитарные и естественнонаучные дисциплины» филиала Южно-Уральского государственного университета (НИУ) в г.Нижневартовске; профессор кафедры «Гуманитарные и социально-экономические дисциплины» филиала Омского государственного технического университета в г.Нижневартовске.

Сапожникова Н.В. — доктор философских наук, профессор Нижневартовского государственного университета.

Силаева И.А. — кандидат исторических наук, специалист ООО «Сотакс».

Солодкина Е.Н. — кандидат исторических наук, библиограф библиотеки Нижневартовского государственного университета.

Солодкин Р.Я. — кандидат исторических наук, доцент Нижневартовского государственного университета.

Солодкин Я.Г. — доктор исторических наук, профессор Нижневартовского государственного университета.

Стась И.Н. — аспирант кафедры истории и культурологии Гуманитарного института Тюменского государственного нефтегазового университета.

Феоктистова Ю.В. — учитель истории МОСШ № 8 г.Ноябрьск, ЯНАО, аспирант кафедры истории России Нижневартовского государственного университета.

Харина Н.С. — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Гуманитарного института Югорского государственного университета.

Чичулин А.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин филиала Омского государственного педагогического университета в г.Таре.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел I

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ СИБИРИ XVII—XX вв.

- Глава 1. Книга записная как источник
по истории тобольской администрации
второй половины 1610-х — середины 1680-х годов 5
- Глава 2. Формирование и развитие
церковно-корпоративного землевладения
Тобольского архиерейского дома в XVII в. 20
- Глава 3. Проблемы высшего образования
в Сибири начала XIX в. (по архивным материалам)..... 55
- Глава 4. «Сибирь есть настоящая отчизна Дон-Кихотов»:
М.М.Сперанский и его сибирское
эпистолярное наследие 83
- Глава 5. Региональная печать 1918—1920 гг.
о нравственно-психологическом облике
и девиантном поведении крестьянства
Западной Сибири в годы Гражданской войны 96
- Глава 6. Протоколы и решения Тюменского облисполкома
как источник по градостроительной политике
в отношении городов нефтяников
Ханты-Мансийского округа в 1970—1980-х годах..... 114

Раздел II

ПРОШЛОЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVII—XX СТОЛЕТИЙ

- Глава 1. Первые английские сочинения о Сибири
в исследованиях М.П.Алексеева.....129
- Глава 2. Законодательство о сибирских народах конца XVI—
XVIII вв. в освещении досоветской историографии.....145

Глава 3. Документы по истории воеводского управления и служилого люда Сибири XVIII столетия в оценках Н.Н.Оглоблина	162
Глава 4. Историография и источники по истории индустриального транспорта в Западной Сибири на рубеже XIX—XX вв.	188
Глава 5. Отечественная историография о развитии рыбного хозяйства на Севере Западной Сибири (1920—1945 гг.)	223
Сведения об авторах	241

Научное издание

**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ**

Коллективная монография

Часть 8

Редактор *Н.В.Титова*
Компьютерная верстка *Е.С.Борзова*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 20.09.2013
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 15,25
Тираж 300 экз. Заказ 1430

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*